

ПРИТЯЖЕНИЕ

ЛАРИСА МАНГУПЛИ ПРИТЯЖЕНИЕ

Притяжение земли, притяжение друзей... Без него нам трудно было бы жить в этом мире, выражать себя и понимать других. Эта книга – результат встреч автора с писателями, поэтами, художниками, музыкантами, с людьми интересных судеб.

ЛАРИСА МАНГУПЛИ – член Международного Союза писателей и журналистов (APIA) и его специальный корреспондент в Израиле. Она – автор четырёх книг: «Керосиновый вкус детства», «Как по линиям ладони...», «Дорогие мои крымчаки», «Ось добра, пронизавшая время».

Лариса входит в состав редколлегии альманаха «Кърымчахлар» и журнала ИСПРАГЕО (Израильская география). Её очерки, рассказы, интервью и стихи постоянно публикуются в русскоязычных газетах, журналах, альманахах и на международных интернет-сайтах.

ISBN 978-965-92190-0-1

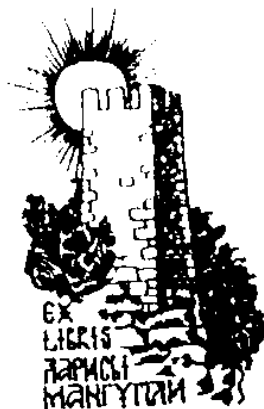
ЛАРИСА МАНГУПЛИ

Лариса Мангупли

ПРИТЯЖЕНИЕ

**Хайфа
2013**

Лариса Мангупли**ПРИТЯЖЕНИЕ**

Перед вами пятая книга журналиста, писателя Ларисы Мангупли. В ней собраны интервью, репортажи, очерки и рассказы, написанные после встреч с литераторами, художниками, композиторами, историками, а также воспоминания, связанные с творчеством автора. Тема Великой Отечественной войны и судьбы малочисленной народности — крымчаков продолжает волновать писателя и сегодня. Тема эта так же присутствует на страницах её книги.

ISBN 978-965-92190-0-1

Компьютерный набор автора

Компьютерная вёрстка Владимир Аролович

Обложка — Юлия Кимельфельд

Печать — «Akavish» ул Моше Гошен 27, К.Моцкин.

© Контактные данные автора: E-mail: mangupli@mail.ru

Телефон: 052-3208134

«... А МУЗА – ТОТ, О КОМ ПИШУ»

Интервью у интервьюера

В каждой шутке есть доля шутки

«Я у стольких людей взяла интервью, а у меня – никто. Это не так просто раскрываться перед людьми...» – заметила на студийном вечере **Лариса Мангупли**.

Мы с друзьями переглянулись: а ведь верно! Рядом – интересный, активный человек, но кто же расскажет о Ларисе людям, если в нашей среде есть лишь один профессиональный, действующий журналист, и это как раз – она сама?

– А давайте мы все вместе проинтервьюируем нашего интервьюера, – предложил кто-то из друзей. И тут же посыпались вопросы. Так и сложилось это интервью. Поскольку нам самим уже многое было известно о нашей подруге, то позвольте сначала коротко представить Ларису читателям.

Лариса Мангупли – профессиональный журналист. Приехала в Израиль в 1995 году из Крыма. Родилась в Крыму, крымчачка (есть такая этно - лингвстическая группа евреев), и фамилия у неё традиционно крымчакская, означает «мангупский», из Мангупа (древний город в Крыму). Регулярно печатается в русскоязычных газетах Израиля, международной газете «Интеллигент», а также в журналах США, Германии, Украины и нашей страны.

Она постоянный автор «Хайфских встреч» – сборника хайфской литературной студии «Анахну».

– *Есть ли у тебя ощущение, что ты родилась журналистом? Когда пришло это решение? Какие ещё были варианты выбора?*

– Я хорошо рисовала, в школе выпускала стенгазету, причём делала всё одна – оформляла, писала заметки и принимала «шишки» от раскритикованных. Думала о поступлении в художественное училище. Но пришла по объявлению в редакцию газеты «Керченский рабочий»: там требовалась машинистка. А потом уже училась у тех, с кем работала рядом. Например, у старейшего журналиста Николая Павловича Войновича, отца известного писателя Владимира Войновича, у члена Союза журналистов СССР Тамары Николаевны Авраменко и многих других – мне всегда везло на людей. Окончила школу рабкоров при нашей газете.

– *Как ты считаешь, журналистика – это ремесло или искусство?*

– Ремесло. Но задача хорошего журналиста довести это ремесло до уровня искусства.

– *Считаешь ли ты себя в Израиле востребованной профессионально?*

– Безусловно.

– *Что такое профессионализм с твоей точки зрения?*

– Если говорить о профессионализме в области журналистики, то, видимо, это когда тебя охотно печатают

в газетах, журналах, на литературных сайтах. Например, на сайте АРІА – Международного союза литераторов и журналистов. Я член этого Союза, специальный его корреспондент в Израиле.

– Не хочется превращать нашу беседу в долгое перечисление названий всех изданий, где публикуются твои работы. Расскажи лучшие о своих книгах. Где изданы они?

– В Израиле у меня вышло несколько книг: «Керосиновый вкус детства», «Как по линиям ладони...» и «Дорогие мои крымчаки». В Крыму, в издательстве «Доля» – книга избранных произведений «Ось добра, пронзившая время». А недавно в моей родной Керчи прошла её презентация.

– Здесь ты книги издаёшь, как это чаще всего происходит, на свои средства. А как в Крыму?

– За издание книги я не платила. Она вышла по инициативе и при финансовой поддержке Крымского республиканского культурно-просветительского общества «Кърымчахлар» и Комитета Крыма по делам межнациональных отношений и депортированных граждан.

– Скажи, пожалуйста, Лариса, что это за башня изображена в трёх твоих последних книжках, на второй странице, в углу?

– Башня – это крепость Мангуп-Кале. А сам рисунок – экслибрис, подаренный мне его автором, Борисом Бабичем перед самым моим отъездом из Керчи в Израиль. Обычно экслибрисом отмечают книги из личной библиотеки. А я ставлю его в своих авторских книгах, как некий

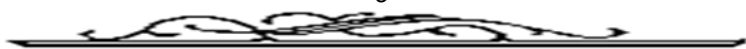
символ моих истоков что ли... Очень хотела встретиться с Борисом на презентации книги в Керчи. Опоздала. Борис незадолго до моего приезда ушёл из жизни. Жаль. Это был светлый человек, оставивший на земле добрый след. И не один...

– *А кто такой Борис Бабич? Расскажи о нём.*

– О, это была яркая личность, во всех смыслах. Ещё в «керченские» времена брала у него интервью. Тогда он возглавлял один из цехов крупнейшего в городе металлургического комбината. Полиграфист, полиглот и, вообще, поли-... Человек многих талантов и интересов. Краевед... Попал как-то на разрушенное крымчакское кладбище – попытался сохранить хотя бы несколько надгробных плит. Сам пригнал грузовик, вместе с ребятами – трудными подростками, которых всемерно опекал и воспитывал, погрузил эти надгробия и привёз их в музей. Они стали частью очень ценной для истории лапидарной коллекции.

– *Что для тебя сейчас важнее: «бумажные» издания (газеты, книги) или электронные сайты, где ты помещаешь свои материалы? Как давно ты стала «компьютерным» человеком?*

– Первую книжку я печатала ещё на машинке. Приобрести компьютер меня уговорил Михаил Измерли, председатель израильской общины крымчаков и модератор группы «Крымчаки, где вы?» на «Одноклассниках». «Ты же современный человек, – сказал он мне, – как ты можешь быть оторванной от мира?». А я как раз боялась уткнуться в компьютер и оторваться от жизни. Но интернет раздвинул границы. Приходишь домой – тебя уже ждут...

– И всё-таки, газета или сайт? В каком направлении тебе видится собственное развитие?

– Они для меня идут как-то параллельно. С одной стороны, на сайте всё может быть опубликовано гораздо быстрее. Однако бумаге я пока доверяю больше. Всё же столько лет проработала в газете! Газету я люблю. А «бумажная книга»? Когда она у меня в руках, то душу больше греет.

– Существует расхожее выражение: «Журналистика – одна из древнейших профессий». Прокомментируй её, пожалуйста.

– Да, древнейшая. Древние письма – их ведь читают до сих пор. И разгадывают, ищут в них смысл. Можно позавидовать этим «древним журналистам»!

– Но в этой фразе, к сожалению, есть и отрицательный смысл – намёк на, якобы, продажность журналистики...

– Раньше я работала по заданию и получала за свою работу деньги, как и любой специалист, работающий по найму. То есть продавала своё время и свою работу. Но и тогда я более всего исходила из человеческих качеств того, о ком пишу. Можно ли это считать продажностью? Здесь же я даже не получаю гонорар. Так что сейчас это, вообще, чистое, бескорыстное творчество. Я свободный журналист – не получаю никаких заданий, не завишу ни от каких издательств. Раньше мне приходилось пользоваться такими понятиями, как партийная совесть и тому подобное – ведь я работала в партийном отделе, в отделе писем редакции газеты. Много времени прошло с тех пор, но нет-нет, да и проскальзывают до сих пор в моих текстах наработанные

газетные штампы, как «приветы» из прошлого. Я рада, что мои друзья из литературной студии, куда я пришла три года назад, сразу же их подмечают. И вообще, здешнее окружение дало всплеск моему творчеству.

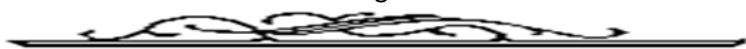
– Творчество для тебя – это всегда радость?

– Сначала это муки. Пока материал вынашивается в голове. А потом – радость, награда за время, потраченное на всякие бытовые заботы. Впрочем, смотря о чём пишешь. Когда гробокопатели разрыли расстрельный ров, где захоронены двадцать тысяч человек – цыгане, евреи, крымчаки, краснофлотцы, оставшиеся в оккупированном немцами Крыму, я должна была написать об этом немедленно. Сидела всю ночь, а потом была больна, не могла восстановиться неделю. В этом рве лежит вся семья моей мамы: все были расстреляны...

К р ы м ч а к и

– Многие раньше ничего не слышали о крымчаках. Можешь коротко объяснить, кто они, их происхождение?

– Это группа еврейских общин, которые в разное время оседали на Крымском полуострове – начиная со средних веков и в раннее новое время. В значительной мере они перенимали культуру крымских татар, в том числе язык, но продолжали исповедовать ортодоксальный иудаизм и сохраняли еврейские имена. Не случайно их называли раба-нистами. Крымчаки отличаются как от караимов, несмотря на некоторую общность, так и от европейских евреев

(ашкеназов), появившихся на полуострове в конце 18-го века.

– Запись в пятой графе... Герою одного из твоих рассказов, у которого в паспорте значилось «крымчак», начальник отдела кадров заявил: «Нет такой национальности». Так крымчаки – евреи или нет?

– В паспорте у меня, например, было записано «крымчачка», а у сестры, которая получала паспорт на несколько лет раньше, – «еврейка». Всё зависело от времени, указа, ситуации. Во время войны караимам удалось убедить немецкое командование, что они не евреи. И уцелели. Наши старейшины пытались таким же образом отвести беду от крымчакской общины – не удалось...

– Как спаслась твоя мама?

– Спаслись и мои родители, и мы с сестрой. Когда началась война, мне было всего три месяца. Из Керчи мы успели эвакуироваться, когда немцы были уже второй раз на подступах к городу. Наш катер был последний, ушедший к Кавказу...

– Я давно уже поняла, что я и мои ровесники, родившиеся после войны, – дети чудом выживших родителей. Думала, что и ты – послевоенный ребёнок... Ты выглядишь моложе своих лет. Интересно, а ты ощущаешь себя молодой?

– Сейчас – да, в отличие от прошлых лет. Возможно, и надо прожить долгие годы, чтобы почувствовать себя молодым. Всё зависит от образа жизни, от восприятия того, что с тобой случается, от того, как ты сам относишься к себе, к своим мыслям, к своей внешности, наконец.

Русский, иврит...

– Ты пишешь на русском языке, и твои произведения находят своего читателя. А в какой степени ты пользуешься ивритом?

– Бытовой уровень. Иногда я пытаюсь разговаривать «на вольные темы» с интересными для меня коренными израильтянами, но они загадочно улыбаются и переходят на лёгкий иврит. Расстаёмся друзьями, но ощущения глубокой беседы нет.

– А твои дети?

– Дети нашли себя в Израиле, растут четверо внуков – все родились здесь. Так что я на этой земле, в буквальном смысле, пустила корни.

– О многих из нас, к сожалению, можно сказать, что мы не пророки в своих семьях... Как у тебя в семье относятся к твоему творчеству?

– Замечательно. Дочь – мой первый читатель, и очень требовательный.

– А внуки?

– Внучка Николь – ей сейчас двенадцать лет – порой подходит ко мне, спрашивает: «Бабушка, о ком ты сейчас пишешь?» Иногда даже идеи подаёт. Захотела перевести на иврит мою книгу «Как по линиям ладони...» и подарить одноклассникам, чтобы показать им историю наших

предков, её значительность и трагичность. Действительно, перевела несколько глав и недавно написанный рассказ «Боль, печаль и любовь...». Вообще, способная девочка. В день памяти моей мамы, когда ей исполнилось бы сто лет, Николь, зажигая свечку, вместо молитвы читала что-то своё. Прислушалась я – рифма звучит, правда, на иврите... Понемногу начинает интересоваться моими работами и младшая девятилетняя внучка Мишель. Но в разговоре между собой девочки переходят на иврит. Впрочем, как и дети моего сына – Майк и Элен.

– *Как ты относишься к израильской молодёжи?*

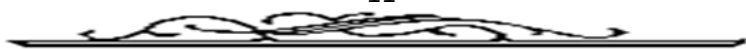
– С симпатией. Когда бы я ни вошла в переполненный вагон поезда, молодые люди стараются уступить место. Хотя едут со службы, с огромными рюкзаками, уставшие, спать хотят...

Люди, годы, жизнь

– *Что является твоей отправной точкой в жизни?*

– Крым, Крым, Крым. Там я родилась, там начала работать в «Керченском рабочем», я уже говорила: сначала как машинистка, а года через полтора уже замещала заведующую отделом писем. К этому времени у меня уже было множество публикаций различных жанров. Когда создали городское радио, меня туда взяли диктором, корреспондентом. А потом стала и редактором. Пять лет работала на Сахалине в редакции газеты «Звезда» города Поронайска, а потом в газете «Ударный фронт», заведующей отделом писем.

– *А как ты попала на Сахалин?*

– Мы туда по вызову поехали, по договору о работе в газете. Истёк срок договора – вернулись в Керчь. Я пошла на металлургический комбинат. Вела там радиовещание, потом создала и многотиражную газету «Войковец». Работала корреспондентом, а некоторое время и редактором. Это последние мои семь лет в Керчи. А дальше – репатриация в Израиль.

– *Какие годы своей жизни ты считаешь лучшими?*

– В Израиле. Было много хорошего и раньше. Я боялась, что уехав из Крыма, потеряю себя. Но здесь я приобрела духовную свободу. Мне никто не скажет: «Езжай в свой Израиль»...

– *Ты уже приехала.*

– Да, я уже приехала... Здесь у меня есть чувство защищённости, уверенности в себе.

– *Защищённость? А как ты себя чувствовала, например, во время Ливанской войны?*

– Родственники в Нетании приняли всю нашу семью – меня, детей, внуков. Что-то есть над этой страной – какой-то ангел-хранитель. Как-то прочитала о результатах одного исследования – оказывается, по ощущению радости жизни Израиль – на седьмом месте среди ста пятидесяти стран. Я и материально чувствую себя более уверенной – нашла способ зарабатывать на жизнь. Это – плюс к пособию. Иногда позволяю себе съездить за границу. Не шикую, конечно, но трижды побывала на интересных литературных фестивалях: в Дюссельдорфе, Вене и в Лондоне.

– Какой для тебя самый счастливый день?

– День, когда я родилась. Ведь жизнь это огромный незаслуженный дар.

– Почему же незаслуженный? Ведь мы его потом всю жизнь отрабатываем!

– Отрабатывает только тот, кто понимает, что этот дар – бесценный.

– Умение радоваться жизни – это тоже дар. Тебе нравится, когда тебе завидуют? Белой завистью...

– У зависти нет цветовой гаммы. Зависть – это зависть, и я её не люблю. Другое дело, когда вместе со мной радуются.

– В твоей жизни всё переплелось: герои твоих материалов становятся твоими друзьями, а твои друзья приходят на страницы очерков и интервью... Кто твои недавние и ближайшие герои, каковы твои творческие замыслы?

– Последние публикации – в основном, интервью. С президентом АРІА Давидом Кудыковым – мы с ним познакомились в Лондоне, на литературном фестивале. С нашими студийцами: Еленой Текс, членами Союза русскоязычных писателей Израиля Ириной Явчуновской, Евгенией Босиной, Эдуардом Фишером, руководителями нашей литературной студии Марком Тверским и Юрием Лейдерманом... Надеюсь, что вскоре не откажутся плодотворно поговорить со мной и другие мои коллеги по творчеству.

– *Новая книга о чём?*

– Вот об этих самых людях, о которых мы и говорим сейчас.

– *Помогает ли тебе Муза, когда ты пишешь свои очерки? И кто, что является твоей Музой?*

– Моя Муза – это тот, о ком я пишу сейчас.

– *Замечательный, очень ёмкий заключительный аккорд! Успехов тебе, Лариса! И твоей многоликой Музе.*

– Спасибо, друзья!

**Собрала «пазл» из отдельных фрагментов и зада-
ла несколько дополнительных вопросов**

Марина Симкина.

*Душа – что птица на ладони,
ты не испугни её, пойми...*

П Р И Т Я Ж Е Н И Е

Бывает так, что всего лишь по одному произведению можно не только составить представление о его авторе, но и вместе с ним пережить то, что ушло в далёкое прошлое, и всё же не даёт ему покоя. Поэму «Инфаркт» Вадима Халуповича, написанную более тридцати лет назад ещё в Ленинграде, я прочитала недавно, после нашей встречи с автором. Напечатана она в его книге стихов «Поколение пустыни», вышедшей уже в Израиле.

Признаюсь, велик соблазн снова пройти страницами не только этой книги, но и всех двенадцати книг члена Союза писателей бывшего СССР, Союза русскоязычных писателей Израиля и израильского ПЕН-клуба, чтобы поделиться хотя бы несколькими его стихами. И тогда читатель смог бы, говоря словами поэта, «остановиться и оглянуться»... Но «самое-самое» выделить сложно – поэзия Вадима так разноместна и многогранна, вызывает столько чувств и эмоций, что передать их просто невозможно. И потому я предоставляю право читателям остаться наедине с книгами поэта... А пока приглашаю к нашей с ним беседе.

– Вадим, верно говорят: то, что знаем с детства, знаем всю жизнь. А Вы ещё в своём раннем детстве познали то, что не всякий взрослый мог вынести. Извините, если тревожу горькую память...

– Вы её не потревожили. Она всегда во мне, в моей жизни, в моей поэзии. Мои родители, политэмигранты из Латвии, жили в Ленинграде. В печальном тридцать седьмом году отца арестовали, приговорили к пяти годам лагерей и отправили на Колыму. Маму и пятилетнего меня выслали, как членов семьи «врага народа», в Вологодскую область. С этого времени и началось моё взросление, о котором написано в поэме «Инфаркт». Когда в сорок третьем году мы получили известие, что в сорок втором мой отец тридцати шести лет замёрз, с нас была снята ссылка. Шла война, и я с воодушевлением передвигал флажки на запад на карте, что висела на стене нашей комнаты.

– То, что с вами происходило тогда, описано в ваших уже зрелых стихах. Но было и начало. Это как река, которая имеет свои истоки... Когда и где забился ключом ваш поэтический дар?

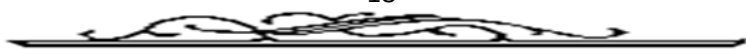
– Ссылные, в основном интеллигентные, безвинные люди, читали лекции на разные темы, ставили спектакли по пьесам «Платон Кречет» и «Русские люди». Режиссёром спектаклей была моя мама. Мама же приобщила меня к чтению, к стихам. С детских лет я читал стихи «под Маяковского». В сорок пятом мы покинули ссылку и уехали под Ленинград (в Ленинград, как неблагонадёжных, нас не пустили). Послеоккупационная школа познакомила меня с антисемитизмом. Скудная жизнь с вечными мамиными страхами формировала моё мировоззрение.

В сорок пятом году мы с мамой сбежали от преследований НКВД в Ригу, где я окончил школу и в сорок девятом году вместе с еврейской половиной класса уехал в Ленинград поступать в институт. Окончив институт, по распределению я попал в Чувашию, где работал на электростанции. Параллельно усиленно начал писать стихи, отличные от ранних стихов. Новые составили рукопись первой книги, которую помог опубликовать известный поэт Сергей Орлов. Позже он хвастался, что я его крестник.

– *В сборник вошли и Ваши ранние стихи?*

– В первый сборник ранние институтские стихи не вошли. К тому времени я уже стал другим человеком. Прошёл двадцатый съезд. Моего безвинного отца по-смертно реабилитировали. Вроде бы всё стало изменяться. В Ленинграде мне повезло – я попал в ЛИТО «Первая пятилетка», которым руководил, ставший мне впоследствии учителем и другом, Глеб Сергеевич Семёнов. Общение с лучшими к тому времени ЛИТОВцами – Яшей Гординым, Таней Галушко, Ниной Королёвой, Нонной Степаковой, Александром Городницким и другими сформировало меня таким, какой я сейчас, – радующимся успеху друзей и болеющим за настоящие стихи. Написанные мною в ЛИТО стихи составили мою вторую книгу, после выхода которой меня приняли в Союз писателей. Выход наших книг в свет в Ленинграде был тяжёлым делом. Ленинград («столичный город с областной судьбой») с его зубодробительным обкомом с трудом пропускал наши книги через цензурное сито. И это несмотря на «оттепель». Мои книги, в каждой из которых были стихи и на еврейскую тему, выходили раз в семь лет. В России их было семь, включая «Избранное» 1990 года.

– *А потом ЛИТО «Нарвская застава» возглавляли Вы...*

– Да, когда умер в восемьдесят втором году Глеб, ЛИТО «Нарвская застава» позвало меня им руководить. Десять лет я руководил этими молодыми, талантливыми ребятами. Сейчас многие из них члены Союза писателей.

– *Вадим, ваше самое активное творчество пришлось на шестидесятые годы – время поэтического взрыва, отмеченного творчеством таких известных поэтов, как Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Иосиф Бродский, Бэлла Ахмадулина, Булат Окуджава, Евгений Евтушенко, Владимир Высоцкий. В одном из стихотворений Вы пишете: «поэзия последствий не имеет». А ваша поэтическая тетрадь того времени содержала не пропущенные цензурой стихи?*

– Конечно. Их было немало.

– *И какова была их судьба?*

– Они тогда не могли увидеть свет. Это счастье, что наступила «оттепель» и издали мою вторую книгу. А в девяностом году под редакцией Майи Борисовой вышла в свет книга, которая называлась «То время – эти голоса». В ней были напечатаны запрещённые прежде стихи Олега Таратугина, Владимира Британижского, Татьяны Галушко, Глеба Горбовского, Александра Городницкого, Александра Кушнера, Нонны Слепаковой, Виктора Сосноры и большая подборка моих стихов. Примерно в это же время была издана и моя книга стихов «Избранное». А газета «Литературное обозрение» перепечатала одно стихотворение, которое «прогремело» на всю Россию. Оно было опубликовано и в журнале «Огонёк».

– *Я могу попросить Вас прочитать его?*

- Мои мать и отец в эту горькую землю зарыты,
Мои бабушки с дедом на этой земле сожжены.
Казаками Хмельницкого здесь мои предки забиты,
И Владимиром пращурь были на нет сведены.

Мне Татищев открыл в словаре своём слогом старинным,
Как изгнали нас в Польшу, а после вернули опять.
Нам пахать лишь однажды позволил указ Катерины,
И два века потом всё, что можно, пытались отнять.

Слуги Бога-еврея анафему в церквях трубили,
Онемеченный царь нас чертою оседлости гнул,
Балагуры, сапожники, мы эту землю любили,
За неё шли на смерть, когда враг на неё посягнул...

Здесь, на этой земле я евреем родился однажды.
За мою спиной здесь не меньше, чем десять веков.
Я на этой земле за неё и радею, и стражду,
За неё в нашем веке хватило мне бед и оков.

Как молитву шептал её схожее с росами имя,
Чтоб родила она, чтоб метели над ней не мели.
Ну, а те, кто считали на этой земле нас чужими,
Может, сами лишь пасынки этой нежадной земли.

– *Я хотела спросить, не ведёте ли дневник, а теперь вижу, что вся ваша жизнь уместается в стихах. И в них философские размышления над смыслом жизни и неотвратимости, неизбежности бытия.*

Во многих звучат нотки грусти. Это почти как у Ролана Быкова: «Я Бога моего прошу простить меня за то, что радость я свою ношу отдельно, как пальто... Ношу под радостью тайком, как душегрейку – грусть». Но с этой грустью в душе Вы всё-таки так много успели сделать в жизни – преодолеть все её трудности, стать кандидатом технических наук, много лет проработать в научно-исследовательском институте, создать прекрасную семью и воспитать дочь, издать двенадцать книг стихотворений и увидеть свою внучку в Армии обороны Израиля.

– Да, конечно. Только в последнее время что-то не пишется – здоровье пошаливает...

– *Не огорчайтесь, Вадим, ведь поэт – это тот, кто открыл свой язык, создал свою художественную материю... Вами соткано столько этой материи, что в неё можно «нарядить» читателей на все случаи жизни... Не этим ли Вы сейчас занимаетесь и в своей литературной гостиной Общинного дома Хайфы?..*

– Мне кажется, что за эти семнадцать лет, которые веду гостиную, не осталось ни одного поэта-классика, о творчестве которого я не рассказал бы любителям поэзии. К сожалению, приходят к нам в основном люди старшего поколения и совсем мало молодёжи. Благодарная публика собирается на поэтические встречи, которые провожу и в доме, где живем мы с супругой Лилей. Помню две такие встречи в обеих гостиных. Я назвал их «Колымиада». Я принёс полную карту колымских лагерей. Мы читали стихи поэтов, писавших об этом. С особой болью читали стихи и прозу Варлама Шаламова. Эти вечера произвели на всех нас большое впечатление.

– *Россия – Израиль. Где лучше пишется? Существует мнение, что русскоязычные поэты, например, в США американцами не становятся, а израильские поэты-репатрианты стремятся стать поэтами Израиля. Каковым Вы считаете себя?*

– Я вспоминаю наши поездки из Израиля в Петербург. Там, в музее Анны Ахматовой прошёл мой творческий вечер, где был полный зал и мои старые друзья. Знаете, что они мне сказали?

– *Что?*

– Что я стал русскоязычным израильским поэтом.

– *Ну, вот и ответ на мой вопрос. Смеею предположить, Вадим, что и пишется Вам здесь легче... Почему? Может, на этой земле как-то по-особому работает закон притяжения – самый сильный закон во Вселенной?..*

– Не знаю, может, так оно и есть. Наши мысли обладают собственной частотой. И если мы говорим этой мысли: «да», то, наверное, закон притяжения, о котором Вы ведёте речь, срабатывает. А ещё, может быть, нас притягивают души предков, которые остались в этой земле. Мой дядя, например, ещё в 1929 году уехал в Палестину. Ему было тогда всего шестнадцать лет. Мама моя, как могла, скрывала это. Испытав репрессии и преследования, она боялась даже писать своему брату. А он смог приехать в Советский Союз, когда её уже не было в живых.

– *Вадим, кажется, своей поэзией Вы коснулись многого, что может тревожить душу. Но есть у Вас такие строки: «Мне каждый стих, как стих последний.*

Мне всё в нём нужно доказать. И жаль, что он не может, бедный, всё необъятное объять». Что остаётся невыказанным до сих пор?

– Трудно однозначно ответить на этот вопрос. Порой ведь даже не знаешь, откуда и какая тебя посетит мысль.

– ***Чем приходится жертвовать ради стихов?***

– Ничем. Стихи как бы идут параллельно самой жизни.

– ***О чём сожалеете?***

– О том, что был дураком, когда, преодолев невероятные трудности, рискуя, можно сказать, жизнью, поехал в Москву, чтобы увидеть, как хоронят Сталина. Без денег, пробираясь сквозь оцепления, мы ехали в вагонах со щебнем, чтобы в последний раз увидеть вождя. Это я теперь удивляюсь самому себе. Что гнало туда меня, на собственной судьбе испытавшего всё уродство того времени – времени властвования тирана? Мы просто были одурманы или находились как под гипнозом...

– ***По каким критериям выбираете друзей, какое качество в людях считаете главным?***

– Порядочность и откровенность. Но должен признаться, что порой ошибаюсь в людях. Раньше меня, как правило, распознаёт человека моя жена.

– ***Знаете, Вадим, это не удивляет, ведь женская интуиция намного сильнее мужской. Наверняка, Лиля – и ваш ангел-хранитель...***

– Да, я так и считаю. Мы с ней побывали во многих странах, мир повидали. У нас замечательная дочь Юлия.

Она работает в Технионе консультантом по вопросам физики.

– *С кем дружите здесь, в Израиле?*

– Иногда общаюсь с замечательным писателем, египтологом, когда-то работавшей в Эрмитаже, Самуэллой Фингарет. В своё время она была очень дружна с Иосифом Бродским. Встречаемся с поэтами Марком Вейцманом и Леонидом Сорокой, с поэтом, прозаиком, артистом и режиссёром Борисом Эскиным, с поэтом, великолепным художником и просто красивой женщиной Асей Векслер. Живёт в Израиле уже сорок лет и мой двоюродный брат Хаим Халупович. Он доктор технических наук. Когда-то мы вместе с ним учились. Он, правда, не любитель поэзии, но взгляды мои разделяет.

– *Вадим, Вы подарили мне три свои книги, изданные в Израиле. Я непременно их прочту теперь, когда ближе познакомилась с Вами. Вот держу их в руках, и уже получаю удовольствие от дизайна. Кто оформлял их?*

– Оформляла Ася Векслер все мои книги, начиная с ленинградского «Избранного». Это прекрасный художник и поэт. Я очень дорожу дружбой с ней. Вообще я счастливый человек, потому что в Израиле я нашёл, начиная с их первых рукописей, двух замечательных поэтов, с каждой книгой пишущих всё лучше, – Юрия Лейдермана и Евгению Босину. Это для меня прекрасный подарок Израиля.

– *И пусть судьба подарит Вам, Вадим, ещё много встреч с добрыми друзьями, а нам – ваши новые книги.*

– Спасибо. И Вам – удачи и успехов.

ДОРОГОЙ ГИППОКРАТА И ОРФЕЯ

**Беседа с доктором медицинских наук,
писателем, поэтом Марком Тверским**

Мне, как журналисту, неслыханно повезло. Около трёх лет назад я пришла в Хайфскую литературную студию «Анахну», где встретила людей разных профессий, но страстно увлечённых творчеством. В основном, конечно, поэзией и прозой. Хотя есть здесь немало и тех, кто так же, как и литературу, любит театр, изобразительное искусство, музыку... Отложив на время другие темы, я переключилась на подготовку интервью с наиболее интересными для меня коллегами по литературному цеху. Эта встреча – с доктором медицинских наук, членом Союза русскоязычных писателей Израиля, руководителем студии Марком Тверским.

– *Марк, первый вопрос к Вам, как к врачу. Демокрит, этот великий грек, однозначно утверждал, что не считает истинным поэтом человека, находящегося в здоровом уме. Вы согласны с ним?*

– У меня на эту тему даже есть четверостишие: В наш меркантильный двадцать первый век/ Лирический герой на ладан дышит,/ И ни один нормальный человек/ Стихов не пишет.

– *А вот Аристотель полагал, что под влиянием приливов крови к голове (надо полагать, он имел в виду нарушение психики) многие делаются поэтами, пророками или прорицателями. Вы – большой знаток не только вообще поэзии, но и биографий, жизненного пути писателей и поэтов. Много ли среди них тех, кто страдал расстройством психики? Исключая общеизвестные факты о Гоголе, Достоевском...*

– Ну, далеко не все, у кого расстройство психики, становятся поэтами. Однако поэтов, у которых наблюдалось расстройство психики, не счесть: Батюшков, Баратынский, Некрасов, Гаршин, Надсон... Ближе к нашему времени: Блок, Сологуб, Маяковский, Есенин, Лебедев-Кумач, Высоцкий. Даже мой любимый Твардовский страдал запоями.

– *По мнению итальянского учёного, профессора судебной медицины, знатока литературы и лингвистики Чезаре Ломброзо, больных и гениев объединяет болезненная впечатлительность. И тищеславие – тоже из ряда вон выходящее... А как с этим на ваш взгляд врача, отдавшего медицине 46 лет?*

– Думаю, что Ломброзо был прав, когда в своей знаменитой книге "Гениальность и помешательство" написал, что гениальность – это один из видов умопомешательства. Не зря ведь у гениальных людей (виновата генетика) дети и ближайшие родственники часто страдают безумием. У гениального хирурга и педагога Николая Ивановича Пирогова это были родная сестра и один из сыновей. У Бетховена – мать и все его братья и сестры.

– Помогает ли Вам профессия врача глубже и правдивее раскрывать образы героев ваших произведений?

– Думаю, что это зависит не от профессии, а от наблюдательности и жизненного опыта, хотя, конечно, любая профессия накладывает свой отпечаток на образ мыслей.

– Не всегда надо отождествлять героев произведений (их чувства, поступки и переживания) с автором. И всё же читателей так и тянет увидеть за ними авторскую судьбу. Ваша повесть «Путешествие в Тимну» – не относится ли она к таким?

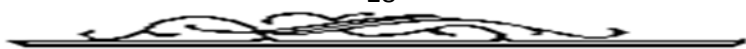
– В американском литературном журнале "Время и место" я напечатал большой рассказ "Как я не стал дворником на Жилянской улице". Там главный герой – это я сам. А что касается повести "Путешествие в Тимну", то там дан собирательный концентрированный образ русско-еврейской женщины поколения наших матерей. Надо сказать, несчастного поколения. После голодного детства, совпавшего с первой мировой войной и революцией, этих людей в тридцатые годы стукнули по голове идеологической дубиной, и многие из них так и не излечились от сотрясения мозга. А ещё на их долю выпало пережить Холокост, советский государственный антисемитизм, послевоенные чистки, борьбу с безродными космополитами и «врачами-отравителями». Для одного поколения – больше, чем достаточно.

– Союз русскоязычных писателей Израиля. Что даёт Вам членство в этом Союзе? Я имею в виду не материальные блага, коими пользовались те, кто состоял, скажем, в Союзе писателей СССР (здесь они просто не предусмотрены), а творческие возможности.

– Я с детства мечтал стать писателем. Выбрал профессию врача по настоянию моего мудрого папы, который прекрасно осознавал, в какой стране живём. Папе пришлось познакомиться и с немецким лагерем, откуда он сбежал в партизаны, и с советским, откуда сбежать было невозможно. И там, и там легче всего выжить врачу. Однако с писательством я не расставался. Было несколько удачных публикаций в советской периодике. Но очень скоро меня перестали печатать, потому что и тематика, и авторский подход к событиям не устраивали редакторов. Рукопись книги "Путём Гиппократ" о трагедии врачей, причастных к открытию наркоза, у меня вообще конфисковали при обыске. Однако эта тема продолжала волновать. Работая в США (1983-1984), я посетил все памятные места, связанные с историей обезболивания, и написал книгу заново. Свои стихотворные тексты я как-то ещё в Киеве показал светлой памяти поэту Риталию Заславскому, с которым был дружен. Ритик сказал, что если я собираюсь поехать на Ближний восток, а не на Дальний, то мне лучше всего бросить сочинять крамолу и заняться наукой. Я внял этому совету и сел писать кандидатскую диссертацию, хотя, конечно, ни в аспирантуру, ни в ординатуру меня не приняли. А членство в Союзе писателей Израиля никаких материальных благ и прочих привилегий не даёт. Причастность к этому творческому союзу является, своего рода, знаком качества на плодах литературных опытов. А это, согласитесь, немало.

– *Безусловно, с этим нельзя не согласиться. Я, например, своё членство в АРІА тоже рассматриваю и как особую ответственность, и как требовательность*

к качеству материала. А вот скажите, Марк, что для Вас руководство литературным объединением?

— В первую очередь, возможность общаться с коллегами по литературному цеху, делиться опытом, учить и учиться. Я пришёл в студию в 2001-ом году. За прошедшие годы многие студийцы творчески выросли, издали книги, стали членами Союза писателей. Как руководитель, я ко всем стараюсь относиться одинаково и никого выделять не хочу. Беда, что в студию часто приходят люди, не имеющие понятия о том, что такое поэзия. Такие худо-бедно зарифмуют передовую статью газеты и считают, что создали литературный шедевр. Им я всегда говорю: чтобы писать музыку, надо сначала выучить ноты. В поэзии тоже есть ноты, не выучив которые, нельзя начинать писать, потому что ничего путного не получится.

— Далеко не каждый из студийцев правильно реагирует на критические замечания. Правда, и замечания эти не всегда бесспорны. Но даже Эйнштейн признавал, что его выводы ошибочны на девяносто девять процентов! Как вы относитесь к критике и насколько она полезна в творчестве?

— Критика должна быть доброжелательной и направленной на текст, а не на автора текста. А что касается меня лично, то я всегда пользуюсь пушкинским принципом: "хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай".

— С вашим приходом к руководству объединением стал издаваться альманах «Хайфские встречи». Какие трудности испытываете в связи с этим?

— Трудности, прежде всего, заключаются в том, что творческие люди ранимы. Зачастую отказ поместить в альманахе слабое произведение авторы воспринимают как

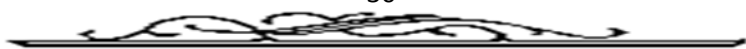
личную обиду. Однако и я, и члены редколлегии Юра Лейдерман, Марина Симкина и Евгения Босина принимаем эти удары спокойно и не поступаемся принципами в угоду авторскому самолюбию. Отсюда – и высокое качество наших альманахов.

– Не без вашего участия появилась ещё одна площадка для публикации наших литературных работ...

– Вы говорите о газете «Интеллигент», которая выходит попеременно в Москве, Санкт-Петербурге, а в последнее время даже в США. У меня действительно сложились хорошие творческие отношения с учредителем этой газеты Сергеем Львовичем Пашковым, который, по моей рекомендации, охотно печатает наших студийцев. Это приносит пользу и нам, и вместе с тем повышает престиж газеты. Нашу главную интеллектуальную ценность – русский язык, никакие антисемиты у нас не в силах отнять. Поэтому встречи с русскоязычным читателем в метрополии для нас всегда праздник.

– Вы – писатель-прозаик и поэт-юморист, автор восьми книг. И более всего тяготеете к жанру пародии. Почти ни один номер русскоязычной газеты «Секрет» не обходится без публикации ваших пародий. Скажите, Марк, кого и какие стихи Вы более всего любите пародировать и какой отклик находят эти пародии у тех, кто взят «на мушку»?

– Чем сильнее поэт, тем пародия получается лучше и острее. Рифмующих графоманов я стараюсь обходить стороной, чтобы не стрелять из пушки по воробьям. Если пародируемый автор находится в пределах досягаемости, я

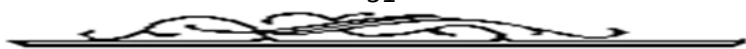
обычно звоню и читаю ему пародию. Дураки обижаются, начинают ругаться и оскорблять. А умные вместе со мной улыбаются. Ведь пародия – это, в первую очередь, реклама. А реклама не мешает никому. Даже знаменитым не мешает, а мало кому известным – тем более. Пародируют, значит не прошли мимо, заметили. А это для пишущего – главное.

– *Писать пародии, не обладая чувством юмора, наверное, невозможно. Как это чувство помогает Вам в жизни?*

– Плодит врагов. Потому что далеко не все способны понять шутку.

– *С января 1974 года Вы в Израиле. И, наверное, ни разу не пожалели, что уехали из Киева? Ведь именно здесь вы первый из врачей-олим семидесятых годов стали заведующим отделением больницы, в Соединённых Штатах Америки защитили докторскую диссертацию. Известно, что несколько попыток сделать это в Киеве не увенчались успехом – мешала пятая графа.*

– В Киеве меня на предварительной защите кандидатской диссертации, можно сказать, почти завалили. Спас положение мой научный руководитель профессор Анатолий Иванович Трещинский. А в Москве в Институте хирургии имени А.В.Вишневского защита прошла успешно. После этого моя врачебная зарплата увеличилась на восемь рублей и семьдесят копеек в месяц. В США я окончил с красным дипломом Fellow in Research, что адекватно (а скорее – выше) русскому диплому доктора медицинских наук и открывает прямую дорогу получить звание профессора.

– Не расскажете ли, хотя бы коротко, о своём профессиональном пути в медицине?

– Начинал я участковым терапевтом в Дарницкой поликлинике. Лечил от ангины и выписывал больничные листы. Потом уговорил заведующего хирургическим отделением перевести меня в хирургию. Однако работать поликлиническим хирургом и удалять вросшие ногти – та же скука, что и в работе участкового врача. Была единственная возможность работать в стационаре, а не в поликлинике – стать анестезиологом. На курсы в институт усовершенствования врачей меня послать не хотели. Я перешёл работать на ночные дежурства по неотложной помощи, а днём ходил в клинику тракальной хирургии профессора Авиловой и на рабочем месте учился у опытных анестезиологов искусству обезболивания. Через два месяца вернулся в Дарницу уже в качестве анестезиолога. А официально курсы специализации по анестезиологии в клинике профессора Амосова окончил только через год – в 1964 году и получил соответствующее удостоверение. В тридцать три года я уже был врачом высшей категории и учёным секретарём Украинского общества анестезиологов. Председателем общества был профессор А.И.Трещинский. Я в то время заведовал отделением в Украинском институте экспериментальной и клинической онкологии и работал над докторской диссертацией. Государственный антисемитизм в СССР меня угнетал, и я решил эмигрировать. В те годы это было связано со многими трудностями. Меня клеймили позором как предателя, мою старшую дочку перед строем исключили из пионеров. Но, слава Богу, нас выпустили. В Израиле я начинал в больнице "Ихилон". Получил статус постоянства.

В 1976 году по рекомендации медицинского факультета Тель-Авивского университета прошёл по конкурсу на должность заведующего отделением в больницу Зив в Цфате, где заведовал не только анестезиологией, но и отделением интенсивной терапии (типуль нимрац клали). Через двадцать пять лет, в сентябре 2001-го года по состоянию здоровья вышел на преждевременную пенсию.

– Вы много лет по совместительству были в Цфате научным руководителем и директором курсов профессиональной ориентации для врачей-репатриантов. Готовили их к экзамену на право работать по специальности в Израиле. Ваши выпускники сдавали экзамен успешнее, чем на соответствующих курсах в Хайфе и Тель-Авиве, хотя там курсами руководил медицинский факультет со всеми профессорами, а в Цфате вся нагрузка ложилась на вас. Чем Вы это объясняете?

– Тем, что в Хайфе, Тель-Авиве и Беэр-Шеве врачей-репатриантов учили медицине. А этому научить за шесть месяцев невозможно. А мы в Цфате учили врачей сдать экзамен. Это, как говорили в Одессе, две большие разницы.

– Профессор Габриэль Гурман написал на иврите и английском книгу о двенадцати выдающихся анестезиологах Израиля, где один из очерков – о Вас. Ваша биография помещена в американской энциклопедии "Кто есть кто в медицине и здравоохранении". За какие заслуги такой почёт?

– Я написал четыре монографии по специальности (две в соавторстве) и опубликовал 56 статей в ведущих англоязычных медицинских журналах.

Вероятно, это сыграло роль в том, что моё имя не обошли стороной.

– У Вас есть американский диплом. Вы закончили докторантуру в США. Почему не остались там?

– Когда я приехал на работу в UAB, в университетской многотиражке напечатали об этом сообщение. Из тридцати профессоров на кафедре анестезиологии пятеро были евреями. В первый же день они все пришли знакомиться со мной. Через минуту они обо мне забыли и стали рассуждать, антисемит ли шеф кафедры знаменитый профессор Эдвард Эрнест. Трое говорили, что да, антисемит, потому что "они все антисемиты". А двое утверждали, что не антисемит, потому что "он ко мне хорошо относится". Когда, полностью выполнив программу, я сказал, что возвращаюсь в Израиль, на меня посмотрели, как на сумасшедшего, и спросили – почему? Я сказал, что не хочу чтобы "ко мне относились". В Израиле я сам ко всем "отношусь", а как "ко мне относятся", меня не волнует, и я об этом не думаю.

– А с кем из известных писателей Вы лично знакомы и как они, прямо или косвенно, повлияли на успех в вашей литературной деятельности?

– Я живу в сравнительно небольшом посёлке (Зихрон Яков) и практически ни с кем не общаюсь. Два раза в месяц бываю в Хайфе на собраниях нашего литературного объединения. Есть у меня в Израиле несколько друзей из прошлой жизни. Это одноклассники и те, с кем делал первые шаги в специальности. Но мы живём в разных концах страны и встречаемся редко, в основном, по праздникам и на днях рождения. А так – перезваниваемся. Из известных

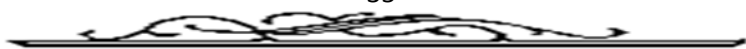
писателей я регулярно общаюсь по электронной почте с Наумом Сагаловским. Когда-то мы учились в одной школе (№34 г.Киева). Он на два класса старше. Наум – один из лучших поэтов русского зарубежья. И не только зарубежья. Я горжусь дружбой с ним.

– Говорят, что природа «отдыхает» на детях. Это неправда. Ваша дочь оказалась талантливым специалистом в области точных наук.

– Мои самые лучшие произведения – это две моих доченьки. Старшая – профессор математики и главный редактор Канадского математического журнала. Она заведует кафедрой методики преподавания математики на педагогическом факультете университета в Ванкувере. В своё время в Израиле для неё не нашлось академической должности. Пришлось искать работу за океаном. Младшая дочка имеет вторую степень по педагогике. Работает учительницей в Нью-Йорке. Её муж после окончания доктората по социологии в Хайфе и постдоктората в США не мог найти место ни в одном из университетов Израиля. Дочка вслед за ним вынуждена была уехать. Сегодня он – профессор американской военной академии "Вест пойнт". Обидно, что Израиль теряет такие кадры.

– А теперь и внук...

– У меня четверо внуков и одна внучка. Старший внук завершает докторат по математике. Его зовут Дов Цацкис. Он уже написал книгу, которая называется "Considering Symmetries of the Middl Levels Problem". Книгу издал Prince George-университет, и в математических кругах она известна и получила положительные отзывы.

Я читал, но ничего не понял — слишком много формул и графиков. Между прочим, когда мой Довинька проходил собеседование в университете Сан-Диего, где сейчас работает, интервьюер его спросил: "Вы как-то связаны со знаменитым профессором Риной Цацкис?". Довинька ответил: "25 лет тому назад я был с ней связан пуповиной. Но пуповину разрезали".

— *Не возникает ли мысль о переезде к дочери в Америку, страну более благополучную, чем Израиль?*

— В Израиле я чувствую себя комфортно и, как я уже сказал выше, не хочу, чтобы "ко мне относились". К детям в США и Канаду мы с женой ездим ежегодно. Младшие внуки лето, как правило, проводят в Израиле. А старшая дочка бывает в Израиле, как минимум, два раза в год. Она ведёт семинары в Технионе и её приглашают читать лекции. Жаль, конечно, что внуки растут без бабушек и дедушки. Но они уже в том возрасте, когда бабушки им не нужны.

— *Помнится, в одной из творческих поездок завязалась дискуссия о «левых» и «правых» в политике. Вы были непреклонны в своей позиции, не совпадающей с позицией многих. Каким видится Вам будущее нашей страны?*

— Я опасаясь, что политика удерживания территорий превратит Израиль в двунациональное государство с арабским большинством. Ведь у меня и у Вас по двое детей, а в арабских семьях — по десять.

— *Вспоминаю нашу поездку в Дюссельдорф на Международный поэтический турнир, где Вы стали лауреатом. В один из вечеров у камина мы с друзьями читали*

посвящённую Вам «Оду благодарного народа», где были такие строчки: «Что ему «viva», что ему «браво» —/ Есть у него настоящая Слава»? Это о вашей супруге Славе. Она инженер, а не врач. За 50 лет, которые вы прошли по жизни вместе, она научилась разбираться во многих вопросах медицины. А как помогает она в вашем писательском деле?

— Ксантиппа, жена Сократа, упрекала мужа, что он занимается философией и не помогает ей по хозяйству. Моя жена меня ни в чем не упрекает. Она первой читает всё, что я пишу. Если не нравится, не стесняясь, говорит. После перепечатки тщательно вычитывает тексты, исправляет опiski. Думаю, что требовать чего-то большего нельзя.

— Вы часто с супругой бываете в зарубежных поездках. Как они подпитывают ваше писательское воображение?

— Никак, только отвлекают от работы. Я устаю от этих поездок, но из-за уважения к жене не могу отказаться — ездить одна она не хочет.

— Не расскажете ли о каких-то забавных или просто запомнившихся историях, связанных с творческими поисками?

— Боюсь, что эти рассказы будут нудными и не вызовут интереса.

— Марк, есть ли у Вас, как у врача и как у писателя, секреты и правила, помогающие держать руку на пульсе нашего здоровья и на пульсе времени? Есть ли у Вас своя, некая неоспоримая формула жизненной позиции?

– Принимать как можно меньше лекарств. Прибегать к ним только в случаях крайней необходимости. Не заниматься самолечением. Помнить, что вес человека зависит в большей степени от наследственности, чем от составляющих съедаемой пищи. Не подсчитывать количество калорий, а есть всё, что по вкусу, и ни в коем случае не переедать. Не насиловать себя физическими нагрузками. Хочу напомнить, что Гарт Гилмор, который в своё время написал мировой бестселлер "Бег ради жизни", умер в 47 лет во время утренней пробежки.

– Да, трудно возразить этому, потому что наше здоровье – это и залог долголетия, и радость творчества, и возможность следовать своим жизненным установкам. Я Вам желаю именно такого здоровья, и ждём ваших новых книг.

– Спасибо, Лариса.

«МОЙ САД КАМНЕЙ РАЗБРОСАН НА ПЕСКЕ...»

Прогулка с Еленой Текс, поэтом по призванию

Японский сад камней – явление уникальное, хотя, на первый взгляд ничего в этом саду особенного и нет. На самом деле это удивительный микромир, где можно уединиться, предаться созерцанию, погружению в своё Я.

«Камни учили меня молчанию, камни учили меня терпению, камни учили меня спокойствию, камни учили меня созерцанию, камни учили меня бесконечности мироздания». Так говорил настоятель дзенского монастыря, придумавший этот сад.

Пятнадцать камней разной величины и разной формы на белом песке с поперечными линиями, напоминающими волны, расположены так, что пятнадцатый никогда не виден. Он как бы прячется за остальными и просматривается только при нашем движении вперёд. Вот ведь загадка!.. Вместе со своей подругой Еленой Текс я пытаюсь разгадать тайну воздействия этого уникального творения.

– А что для тебя – сад камней?

– Мой сад камней – это моя жизнь, это всё, что в ней происходит: хорошее и плохое, радостное и печальное.

Это мои достижения и ошибки, это мои друзья, мои мечты и разочарования, мои стихи, пусть и не выдающиеся, но в которых вся я. И совсем неважно, что у меня нет классического сада камней. Он существует в моём воображении. Мне кажется, что пятнадцатый камень это тот, к которому надо стремиться в достижении желаемого. Он поможет преодолеть трудности, укрепить силу и подарит надежду. По сути – это перспектива, это карта жизни. И мой пятнадцатый камень – это, возможно, ещё не написанное мною стихотворение, новые друзья, это что-то непременно хорошее, что произойдёт в моей семье, это то, что ждёт меня впереди. У каждого из нас есть свой сад...

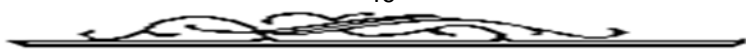
– *Знаешь, когда я прихожу в твой дом, у меня появляется ощущение, будто нахожусь в том самом японском саду...*

– Почему оно у тебя возникает?

– *Потому что в нём невозможно увидеть все «камни» сразу. Какие-то обязательно скрыты от глаз... Можно приходить к тебе множество раз и что-то открывать для себя новое. Например, картину, которую раньше не видела. А ты говоришь, что она всегда тут была. Может, и поэтому так тянет к тебе людей... Не волнуйся – это не комплимент тебе, а просто мои мысли вслух. Опять же ассоциации с японским садом: если в нём всё устроено так, чтобы человек чувствовал себя окружённым природой, то в твоём доме чувствуешь себя просто объатым твоим теплом.*

– Просто я всех вас люблю (улыбается).

– *Верно говорят, что надо держаться за руки и це-*

нить моменты, когда мы вместе, потому что те, кого мы любим, с нами не навсегда. Вот ты никогда не забываешь тех, кто уже физически не в состоянии прийти в твой дом...

– Да, я всегда помню о них. К сожалению, не всегда есть возможность навестить друзей, помочь им. В последнее время я думаю, что мне повезло родиться под знаком «Водолея». У «водолеев» основная черта – некое любопытство, стремление проникнуть в тайну. А тайна подчас – это новый автор, новая картина, хорошая песня, интересный спектакль... В общем – всё новое.

– Такое ощущение, что гороскоп этого астрологического знака списан с тебя. Кстати, как с человека творческого, за что бы ты ни взялась. В твоём поэтическом «саду камней» есть немало «экземпляров», достойных того, чтобы поговорить о них детально. Есть предложение «прогуляться» по тропинкам этого сада, то есть по страницам твоей книги «Мой сад камней».

– Давай, если это тебе интересно. «Мой сад камней разбросан на песке./ Я созерцаю прошлое с волнением./ Уходит год. На тонком волоске/ Всё, что свершилось. С новым настроением/ Проснёшься утром – новый год и день.../ Но рассмотреть что будет, очень сложно./ Взойдёт светило и отбросит тень,/ Чтоб разделить, в чем истина, что – ложно».

– А что – истина?

– Истина – это очень ёмкое понятие. Я думаю, что она для каждого своя, единственная. Истина – когда приходит нужное слово, чётко раскрывающее твою мысль. Истина – это удачи твоих детей и дорогих тебе людей. Истина – это

завораживающий полёт птицы, это внезапно раскрывшиеся почки на деревьях, это рыжее солнце в ясном небе или проливной дождь в серости дня. Истина – это может быть и новый рисунок моей внучки, на котором и белый, и чёрный ангелы. «Меж истиной и заблуждением/ Порою – шаг, порою – век./ А между ними человек/ Живёт, снедаемый сомненьем./ Всё в этом мире не напрасно.../ Ведя из заблуждений счёт,/ В какой-то миг он вдруг поймёт,/ Жизнь – истина, она прекрасна». Когда-то я написала: «А истина жива и будет вечно,/ Пади сейчас хоть прахом целый мир./ Она живёт и правя жизни пир,/ Нас будет будоражить бесконечно».

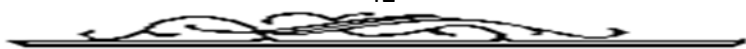
– ***В чём она? Может, в духовности человека?***

– В духовности, в основном, тоже. Но как раз её-то нам и не хватает. «А мы, лишившиеся Храма/ И потерявшие в пути/ Мораль, духовность Авраама,/ Не знаем, как к нему прийти...» «Пусть не воздвигнем стены снова/ И не затихнет скорбный плач,/ Но совесть – вечный наш палач,/ Она духовности основа./ Её крупницы здесь и там.../ А значит – возродится Храм!»

– ***Ты веришь в это?***

– Если честно, то в глубине души, верю. «...И Вечности решать, что хорошо, что плохо.../ И чётко различим над этим Новый Храм».

– ***Ты часто в своих стихах не ставишь логическую точку. Не пытаешься судить или давать оценки ни явлениям, ни людям, ни человеческим взаимоотношениям. Ты просто размышляешь об этом.***

– Да, Лариса, ты права: я не ставлю логическую точку в конце. Из жизненных наблюдений видно, что предполагаемый логический конец чего-либо чаще оказывается алогичным.

*– В твоём стихотворении о вечных раздорах между людьми прочитала, что Земля всего одна... «И сможет, стерпит ли она/ Нас всех, лишившихся идиллий,/ Рас-
тративших сердечный пламень,/ Продавшихся за медя-
ки,/ Но ждущих дружеской руки/ Творца, держа в кар-
мане камень?!»*

*Можно перенести твои мысли и на что-то личное.
Скажи, тебя предавали?*

– Жизнь достаточно длинна и в ней происходит и хорошее, и плохое. Бывают встречи и расставания, мы успеваем совершать ошибки. Всякое случалось... Но нельзя груз свершившегося всю жизнь тащить за собой. Поэтому я предпочту ответить тебе: не предавали. «Простилось, давно забылось,/ А может, и не было вовсе,/ И наша с тобою осень, наверное, только приснилась...» А вообще: «Приходим в мир ошибки исправлять/ Или, напротив, совершать другие...»

– Твоя книга содержит немало страниц, которые, образно говоря, то поливают нас дождём, то обжигают жаром зноя, то обволакивают нежным весенним теплом. Ты как бы балансируешь на грани ночи и дня, лета и осени, зимы и весны. И это чувствуется в каждой строчке. Природа в твоих стихах – это образ: «Продрогшая совсем, в руках цветы – бегу./ Весна явила взору акварель – / Холодный и язвительный апрель,/

Как клинопись надежд на тающем снегу.» Или «Снова кокон из одежды,/ Холод сковывает пальцы.../ И к ногам скатились пальцы – / В них на лоскутке – надежды».

– Обычно мои чувства тесно переплетаются со стихами о природе.

– ...Тема бабьего лета близка, наверное, каждой женщине, перешагнувшей известный нам с тобой возраст. Если помнишь своё стихотворение, прочитай, пожалуйста. Оно созвучно чувствам многих наших ровесниц.

– «Наконец, явилось бабье лето/ С опозданием, перепутав дату.../ Как всегда, не по годам одето/ В неба голубень. И лишь заплатой/ Одинокий жёлтый лист сорвался/ Вопреки желанию погоды./ Солнца луч не жалил – целовался.../ Время благоденствия природы».

Думаю, особенно переживать по поводу своего возраста нам не стоит, потому что бабье лето – лучше, чем осень женщины.

– О чём бы женщины между собой ни говорили, тему любви они никогда не обходят. А в твоём поэтическом саду не затронуть любовную лирику – значит не раскрыть тебя как поэта, как женщину. По большому счёту, не в любви ли смысл нашей жизни, ведь всё начинается с неё?..

– Да, ты права, что любовь – главное, движущее нами чувство. «Жизнь без любви, как черновик,/ Как неудавшийся набросок./ И каждый день её не бросок –/ Случайный еле видный блик».

– А чтобы этот блик был более ярким, мы свернём

сейчас на аллею лирики твоего сада камней.

– Тогда лучше не на аллею, а в поле. Потому что: «Любовь – это вечное поле сраженья./ Она – как вина молодого брожение./ Бывает двуликой – посулит, обманет./ И вслед не посмотрит, и думать не станет./ И всё ж это – чудо! Волненья и страсти.../ И этому чувству неведомы страхи». И главное – нужно всегда помнить: «Как мало времени на счастье даётся нам.../ Течёт река, с любовью ластясь к двум берегам./ Не засорить, не иссушить бы реки исток,/ Чтоб не ослаб, не прекратился любви поток».

Но, к сожалению, на нас, женщин, не всегда обрушивается «звездопад любви»: «В который раз придумываю я/ Тебя, любимый, веря в эту сказку,/ И ангел мой, печалась и скорбя,/ Стрелою в сердце шлёт опять подсказку...» Но сердце: «Упрямое, оно стучит не в лад./ Не хочет слышать, не умеет слушать...». И от этого всегда бывает больно. «Лето поднимает ртутный столбик./ От жары густеет в венах кровь./ А хамсин намёл песчаный холмик/ И под ним похоронил любовь...» Бывает и так...

– *Считается, что первая женщина сотворена из ребра Адама... Провокационный вопрос: из ребра какого мужчины ты хотела бы быть сотворённой и почему? Спрашиваю под впечатлением твоих строк о любви грешной, когда «Счастья крохи своровала я у жизни со стола...» и о той любви, когда «Душа распахнута, раздета...», когда «Только миг была царицей».*

– Хотя и нарекли меня Евой, я рада, что родилась естественным путём и не хотела бы быть сотворённой ни из чьего ребра, чтобы не сделать мужчину ещё более слабым.

– *Ты считаешь мужчин слабым полом?*

– Нет, я просто считаю женщин более сильными.

– *Знаешь, мне всегда импонировала твоя прямота. Ты называешь вещи своими именами и поэзия твоя – сплошное откровение. Взять хотя бы «Микву»...*

– Лишь однажды я была в микве и поразилась гениальной простоте этого сооружения. Миква – это место, где человек стремится к духовной чистоте. Происходящее здесь действие, на мой взгляд, очень красивое и я попыталась описать его в своём стихотворении. «Выходит женщина нагая/ Из недр спокойных, чистых вод,/ Хвалу Всевышнему слагая/ За то, что знает счастья код./ И святостью наполнив тело,/ Душой приблизившись к Творцу,/ Она шагнула к счастью смело./ Опять готовая к венцу».

– *Всё хочу спросить, это кольцо из аметистов у тебя – новое? Или я его просто раньше не замечала, ну, как тот пятнадцатый камень в саду?*

– Ты не ошибаешься. Колье это действительно новое. Ты же знаешь мою страсть к камням-самоцветам. Аметист – это мой камень: «И словно соловьиный свист,/ Мой камень, что дороже злата,/ Как цвет пришедшего заката –/ Лиловый нежный аметист». Я очень люблю держать камни в ладонях, чувствуя, как они благодарно отдают свою прохладу телу. Не перестаю удивляться их необыкновенным рисункам, сочетанию цветов в одном камне. Люблю читать о магических свойствах камней. Нитка бус, собранная мною, вызывает у меня те же чувства, что и написанное мною стихотворение.

– *Несколько лет назад вышла твоя первая книга стихов. Каким ты видишь своё поэтическое завтра?*

– Я, наверное, лучше стала понимать жизнь и всё, что в ней происходит. И пишу теперь по-другому. Не могу конкретно сказать, каким я вижу своё поэтическое завтра. Просто хотелось бы увидеть его – это завтра.

– *Мы с тобой находимся в твоём воображаемом саду камней. И я желаю тебе, моя подруга, чтобы каждый твой камень, мал он или велик, был настоящим золотником и стал дорог не только тебе, но и всем, кто найдёт его в твоей новой книге «Мой сад камней».*

– Спасибо тебе, Лариса, за пожелание и за нашу прогулку.

«У ПОЭТА СТРАННАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ»

Философский диалог с поэтом Юрием Лейдерманом

Готовясь к интервью с Юрием Лейдерманом, заранее продумала интересующие меня вопросы. Но в какой-то момент засомневалась, раскроется ли мой собеседник так, чтобы высветилась тонкая и ранимая душа поэта. В общении он немногословен, сдержан, не располагает к душевным беседам. Журналистское предчувствие не подвело. Уже после первого моего вопроса Юрий на какое-то время погрузился в свои мысли, а потом сказал: «Не возражаешь, если отвечать буду стихами?». «Ну, если на всё сможешь вот так сразу найти свой поэтический ответ, то почему бы и нет?» – согласилась я и, признаюсь, не была уверена, что мой интерес будет удовлетворён. Ну, а когда беседа уже состоялась, сомнения рассеялись. Стихи Юры настолько эмоциональны и лиричны, что образ его раскрыли полнее, чем могли бы это сделать прозаические ответы. Итак...

– Юра, в прошлом ты – человек военный. Дослужился до полковника. Столько лет в армии... Это значит, что у тебя порядок во всём, умение подчиняться приказу, жертвуя порой какими-то своими желаниями и пристрастиями. Но если ты «полжизни кланялся стихам», то как твоя душа поэта – тонкая, чувстви-

тельная, ранимая, лиричная могла «поладить» с армейской дисциплиной? Правда, ты и сам себе задаёшь вопрос: «откуда эта страсть всё рифмой завершить?». Уже нашёл ответ?

– Только рифма держит на плаву/ Непонятное моё строение,/ Что срубил, поставил во главу/ И пустил на ветер по течению./ Только рифма вдруг соединит/ Всё, что в одиночестве томилось./ И коня, и лань, и динамит,/ И жестокость века, и немилость.

– Твои стихи и лиричные, и исповедальные, и проникнутые болью о судьбе Израиля. Почти все они – философские, созерцательные, создают особое настроение и погружают в раздумье. Ты сам как определяешь жанр большинства своих произведений? К какому жанру отнесёшь, например, размышления о мимолётности жизни, воспоминания о прошлом, ностальгию по ушедшему времени: «Я учителю в классе сквозь годы кричу: /Вы поставьте мне двойку. Я в детство хочу». Не элегия ли это – жанр, бывший особенно популярным в девятнадцатом веке?

– Я так и остался галутным:/ На хлеб и на море голодным,/ На серый цветок-одуванчик,/ На письменный стол и диванчик./ Я так и остался галутным./ И в мире моём уютном/ Свеча зажигает рассвет,/ Наверное, тысячу лет.

А жизнь моя, ни дать, ни взять,/ По мерке Вечности – ничтожна./ Но почему так сладко знать,/ Что тот – еврей и этот – тоже?!/ Что наша раса от росы/ И от пустыни марсианской,/ И мы пришли детей растить,/ И удивлять Эклизиастом?!/ Вам, чужеземцам, не понять – / Над нами наказание Божье./ Но почему так сладко знать,/ Что тот – еврей и этот – тоже?

— *Жизнь наша быстротечна. И тебя одолевает тревога о том, что не успеешь сделать всё, что предназначено судьбой. Ты пишешь: «Дай мне, Господи, время,/ Даже если в обрез./ Нелегко быть евреем/ И с Танасом, и без». Кстати, в одной из твоих книг «Голос крови» есть раздел под названием «А мне другой не надо веры». Твой отец, твой дед – они же были верующими...*

— Дай веры, Господи, дай веры!/ Так начинается слеза./ В окно стучится птица с вербы/ И смотрит пристально в глаза./ Дай слово, Господи, дай слово!/ Так начинается побег/ Раба глагола городского/ В серебряный забытый век.

— *В одном из своих стихов ты вскользь говоришь о том, что твой дед по фамилии Гафт был портным и сшил рубаху для самого графа Толстого. Расскажи подробнее об этом.*

— Ну, да. Мой дед по материнской линии – Григорий Гафт. Он учился портняжному делу у старого еврея, жившего недалеко от усадьбы Льва Николаевича Толстого. Это было в конце девятнадцатого века.

— *Так стремительно время... Но вот уже и наш возраст приближается к «золотой» поре. Тема неотвратимой старости тебя волнует так же, как и всё, что происходит с нами сегодня. Ты написал: «И страшно, Господи, и грустно/ Уйти с поэмой в голове». Что в твоей голове сегодня? Твои строки: «Евреи мы с лицом луны/ И первом обнажённым» дают понять,*

что твой поэтический нерв вибрирует в унисон с нервом нашего народа. Сам ведь сказал, что: «Душа творит, когда болит». Тем более, что себя характеризуешь так: «Я поэт невесёлый,/ О цветах не вещаю»...

– Уже за окнами играет/ В оркестре ветра контрабас./ Давай обнимемся: кто знает,/ Какая ждёт разлука нас./ Чего нам только ни гадали:/ Судьба, цыганка, дама пик./ А холодеющие дали/ Уже срываются на крик./ И ненависть предместье кормит,/ И разрушает статус-кво./ Давай обнимемся: кто вспомнит/ И землю нашу, и родство.

– *Многие из круга нашего общения считают тебя человеком закрытым, не так просто идущим на контакт. Очевидно, что открываешься только перед листом бумаги. А так хочется заглянуть в душу поэта, у которого «не вечный бой, а вечное сомненье». В чём ты сомневаешься, какие задаёшь себе вопросы?*

– Я всё изведаль: и любовь, и злость,/ Но, видит Бог, печалюсь не об этом./ Мне кажется, что я – случайный гость/ За праздничным столом в кругу поэтов./ А мне бы Вас, Великие, не знать!/ Что Вам во тьме нашёптывали перья?/ Но я хочу до боли рифмовать/ И грубый камень вставить в ожерелье.

– *Да, это, конечно, более, чем скромность. Вот ты, Юра, написал: «Кому в пыли, кому – сидеть на троне./ Они во мне: и нищий, и король./ И наступает время для ироний./ Где ты играешь маленькую роль». Скажи, в чём твоя бедность и в чём – богатство?*

– Я писал когда-то слева,/ Начиная бег от боли./ Но уже не замечает/ И не знает королева,/ Что пишу теперь я справа,/ От солёного прибора./ Что слова мои остались/ Не-

известными до срока./ Ни гроша, ни королевства.../ Но король – упрямый старец,/ Он, когда никто не видит,/ Держит голову высоко...

– *Сам с собой ты честен и естествен. Вот ещё бы научиться держать «голову высоко» и на людях... Юра, ты поставил многоточие в конце своих строк: «Ночная птица за окном,/ По крыше ходит старый гном,/ И жизнь, как в алгебре бином,/ Разгадана уже...».* *И всё-таки в чём твоя разгадка жизни?*

– Живу, пока цветет миндаль,/ Пока мой сын уходит вдаль/ Темноволосым Аль Пачино –/ И там становится мужчиной./ Живу, пока звезда горит,/ Пока мой внук заговорит,/ Мешая Пушкина с ивритом,/ И сохраняя тот же ритм.

– *Да, и всё опять повторится... Темой о смысле жизни, о предназначении человека в этом мире, о связи его с высшими силами Вселенной пронизаны многие твои стихи. И это не удивляет, потому что у настоящего творческих людей есть особенная связь с тонкими мирами. Ты чувствуешь эту связь? И какая звезда хранит твой дар?*

– Легко звездой пораниться,/ А ты была звездой,/ Навек моя избранница,/ А я избранник твой./ Ты прячешься за тучами./ О, сколько туч в судьбе!/ Я ивами плакучими/ Молился о тебе./ Мы – грустные влюблённые/ И царствуем в ночи./ Я клёнами зелёными/ Ловил твои лучи./ Ты вытасываешь из облачка,/ Подснежником любя./ Я морем, как ребёночка,/ Баюкаю тебя.

– *С кем из поэтов ты «стреляешься» «из тетради – опьяняющим ритмом стихов»?*

– С Женей Босиной из нашего литобъединения «Анахну».

– *Можешь сказать, почему?*

– А вот послушай – сама поймёшь: А в небе больше звёзд, чем пуль –/ Стреляют где-то за холмами./ Как долго тянется июль./ Как ветер стонет между нами./ У вербы тонкая рука./ Она хранит тепло и веру./ Опять высокая строка/ Твоя зовёт меня к барьеру./ Но это пройденный урок./ И победителей не будет./ Твои стихи диктует Рок,/ Мои – и ветерок разбудит.

– *Знаешь, у меня такое ощущение, что о чём бы ни были твои стихи, рождаются они на одном дыхании, легко, слёту. И вдруг читаю: «И как первоклассника табель./ Хранишь почему-то строку./ Где след валерьяновых капель/ И сердцебиенье в боку». А потом, уже в другом стихотворении: «Но в тихую полночь./ В глубокую лунность/ Сквозь слёзы поэзия/ Нам улыбнулась...». Не на уровне ли подсознания порой рождаются стихи?*

– По чьим лекалам и покрою./ Неосторожная швея./ Печаль мою сошьёшь с тоскою/ В моих стихах, где ты и я?/ Где страстью сведена на землю/ Луна, её благая цель/ И словно заострённым кремнем/ Морщины режет на лице./ Где сочинительство, как пьянство./ Ночей бессонных кутерьма./ Где я и ты и нет пространства./ Четыре строчки, как тюрма.

– *Юра, если не возражаешь, то давай завершим наш диалог блиц-интервью. Оно, может быть, и не имеет*

отношения к поэзии, но, мне кажется, будет интересным, поскольку более полно раскроет тебя как человека, наделённого даром творчества.

– Не возражаю.

– *Тогда скажи, пожалуйста, был ли в твоей жизни поступок, который мучает тебя до сих пор и который теперь уже не исправить?*

– Да, когда ушёл служить в Армию на двадцать пять лет.

– *О чём ты жалеешь?*

– Жалею, что всё возможное уже позади.

– *Чего боишься?*

– Боюсь не смерти, старости боюсь.

– *Ну, вот, опять перешёл на стихи. Хорошо. А долго ли помнишь обиды и мучаешься ли сам, когда кого-то обидел?*

– Да. Потому что: все беды наши и обиды/ В Танахе с каждого листа.

– *Самое лучшее для тебя время суток?*

– Утро.

– *Лучший период твоей жизни. Или ты в ожидании его?*

– Мне в старости легко писать,/ Я не спешу и не толкаюсь./ А юным столько бегал, каюсь,/ Кукушкой мог бы куковать.

– *Самое большое твоё желание?*

– Я хотел бы счастливым проснуться/ И не мучиться мыслью о том,/ Что уже никогда не вернутся/ Пара строк и не станут стихом.

– *Все ли твои чувства переплавляются в стихи?*

– И что я только не воспел:/ Кого жалел, кому поклялся!/ Но даже в чувствах есть предел:/ И снова на бумаге клякса/ Не просыхающих чернил/ На снег, не тающий меж строчек./ Кого я только не любил,/ Кому я голову морочил!

– *Лев Николаевич Толстой, упомянутый нами в беседе, сказал: «Счастлив тот, кто счастлив у себя дома». По-твоему, он прав?*

– Мне суждено сплетать строку./ А я, как птица, вью соломку,/ Познавший на своём веку/ Тоску вечернюю по дому.

– *«У поэта странная ментальность» – это твоя строка. В чём странность твоей ментальности?*

– Как странно это: русскими словами/ Мы говорим с тобой над островами,/ Как зонтик, раскрывая кипарис –/ Не то подарок твой, не то каприз./ Как странен этот северный озноб/ Из рук твоих на мой горячий лоб./ Ты говоришь, что где-то есть Париж,/ А мессу нам отслужит кипарис./ Но я цепляюсь за любой репей./ Любовь моя, из облака не пей!/ Ни там, ни здесь покой не обрести./ И не крести еврея, а прости.

– *А теперь, Юра, признаюсь тебе, что за свою мно-*

голетнюю журналистскую практику впервые ответы на свои вопросы я получила стихами. Видимо, такого больше и не случится. Наверное, ты всё-таки поэт от Бога. Знаешь, недавно прочитала, что профессиональному журналисту, писателю и литературному критику Людмиле Политковской принадлежит теория о том, что проза возникла значительно позже, чем стихи и что вплоть до эпохи Возрождения стихотворная форма в Европе была практически единственным инструментом превращения слова в искусство и почиталась одним из основных условий красоты. Так пусть эта красота никогда тебя не покидает.

– Спасибо.

«ТАМ, ГДЕ НАС НЕТ»

Интервью с пристрастием, взятое у поэта Евгении Босиной

А где нет нас? Куда уносит поэта его душа, куда стремятся мысли, какими вибрациями сердца он улавливает то, что не слышат другие? Быть может, ответы на эти вопросы, мы получим из стихов известного, и не только в Израиле, поэта Евгении Босиной. Наша с ней недавняя встреча вылилась вот в это интервью, которое я и хочу предложить тем, кто знаком с творчеством Евгении, и тем, кто пока не знаком.

– «Там, где нас нет» – название одной из твоих книг и стихотворения. Помню, заканчиваешь его такими строками: «Там, где нас нет/ И сроду не бывало,/ Как терпеливо/ Много зим и лет/ Река и лес, и лодки у причала/ Всё ждут и ждут. А нас всё нет и нет». Так где же?..

– Наверное, в некой стране, где ты можешь быть самим собой, где все любят и понимают друг друга, где все прощены. Это что-то вроде духовной родины, по которой мы подсознательно тоскуем, некоем идеальном месте, которого нет и, наверное, не может быть.

– У меня свежие впечатления о книге Ронды Берн «Тайна», где даются развёрнутые понятия о человеке, как источнике энергии. Энергия, как известно,

никуда не исчезает, а лишь меняет форму и превращает нас в вечные духовные существа, которым подвластно всё. Значит, сила мысли, воображения может перенести куда угодно, туда, где нас, якобы, и нет вовсе. В какие неизвестные места и сферы человеческих страстей ты любишь отправляться в своих творческих поисках?

— На это можно ответить стихотворной строкой: «Поэт издалека заводит речь, поэт далеко уводит речь». В общем, куда уносит, туда и отправляюсь. Причём, если прозаик, начиная писать произведение, знает, как оно закончится (во всяком случае, мне так представляется), то я никогда не знаю этого. Отправляюсь в некие заповедные области, где всё для меня впервые и всё предстоит ещё открыть и назвать... Никогда не знаю, чем закончится стихотворение. Иногда сама удивляюсь: не думала и не знала, что это напишется. Воображение меня уносит очень далеко. Главное – вернуться... Быть может, там луна другая/ И неба цвет, и хлеба вкус./ Я расскажу, когда узнаю,/ Когда... нет, если я вернусь.

— Коль мы заговорили о непознанном, то у меня такой вопрос: духовные устремления человека достигают высших миров и приводят в действие силы вселенского масштаба. Возможно, у тебя случались пророческие стихи?

— Я как-то написала: Играть со словом – нет опасней дела,/ Но как прекрасна вечная игра!../ Ночь. Тишина. Листок бумаги белой.../ И жизнь, и смерть – на кончике пера. У меня было несколько подобных «опасных» стихотворений, но я их уничтожила и постаралась забыть. Уж очень стало страшно...

– *Тогда скажи, откуда берутся стихи, из чего могут родиться строчки?*

– Лучше, чем ответил бы на подобный вопрос Андрей Вознесенский, не скажешь: «Стихи не пишутся – случаются,/ Как чувства или как закат./ Душа – слепая соучастница,/ Не написал – случилось так».

– *Ну, да, конечно. Сказано талантливо. А талант, по-твоему, – благо или наказание?*

– Думаю, что это – два в одном флаконе. А вообще об этом надо спросить талантливых людей. Я себя не отношу к ним. Да, у меня есть некоторые способности к стихосложению, но не более того. Как бы талантливые люди ответили на этот вопрос, не знаю. Но мне кажется, что это – и наказание, и благо.

– *А что такое – личная несвобода (от стихов)? И когда освобождаешься от неё, что чувствуешь: облегчение, пустоту? И если это облегчение, то начинается ли оно тяготить?*

– Облегчение чувствую лишь на секунду.

– *Почему?*

– Потому что абсолютно уверена, что каждое стихотворение – последнее. Всё внезапно началось – внезапно закончится. А что потом? Как жить без этого?

– *А чего в твоей жизни больше: сомнений, радости? И как ты борешься с муками творчества?*

– Всего больше. Никогда ни в чём не уверена, всегда

сомневаюсь. Во всём. Больше всего – в себе. Муки творчества? Не знаю, не понимаю, что это такое. Муки – это когда не пишется, когда ходишь пустой. Сам процесс творчества – счастье, и муки эти самые – тоже.

– Думаю, ты счастливый человек, ведь каждое движение души переплавляется в строчки. Даже, казалось бы, в расслабленном состоянии поэт не знает покоя. Ну, скажем, вышла ты на балкон глотнуть свежего воздуха – и уже дан толчок к рождению стиха...

– Ну, да. Сто двадцать пять раз выходила на балкон и – ничего. А потом вдруг!.. Как женщина помнит рождение каждого своего ребёнка, так я помню, как родилось каждое моё стихотворение. Например, я могу влюбиться в слово, в его звучание. Вот мой брат, который живёт в Москве, – садовод-любитель, завзятый дачник. Он написал, какие посадил цветы. Признаться, слова «климатисы» я прежде не слышала. Засело оно во мне, ну, не отпускает и всё. Вот так родилось стихотворение.

– Хотелось бы его услышать.

– Я это слово не искала,/ Но вдруг услышу и пойму,/ Как мне его недоставало,/ Как тосковала по нему./ Прекрасны, хоть немного странны,/ И лад, и звук его, и цвет./ В нём – лёгкий привкус иностранный,/ И свет уплывших в Лету лет,/ В нём – звон клинков и клич прощальный/ В закат летящих журавлей,/ И флейты всхлип, и гул вокзальный,/ И шум весенних тополей,/ И тихий шёпот унесённых/ За ту, последнюю, межу,/ И тайный знак для посвящённых,/ К которым – не принадлежу.

– Посещают ли поэта чувства, которые не пере-

дать словами, когда начинается поиск нужных слов в сокровищнице русского языка? Этот вопрос тебе, как филологу.

– Забудь, забудь, что я – филолог. Это ничего не решает и ничему не помогает. Афанасий Фет – такой волшебник слова – однажды в отчаянии воскликнул: «О, если б без слова сказаться душой было можно!..». И ему, как видишь, не хватало слов, чтобы передать тончайшие движения души. Что уж говорить о нас, простых тружениках пера!.. Если уж вспоминать великих, то, к примеру, Марина Цветаева говорила, что поэзия – это равенство души и глагола.

– Как ты это понимаешь?

– Иногда говорят, мол, что я в душе – поэт, я просто выразить не могу то, что чувствую. С точки зрения Цветаевой, это полный абсурд. Если поэт, то сумеет всё выразить, описать и назвать. Другой вопрос – как это сделать?

– Творчество – это штука исповедальная. Какие свои стихи ты назвала бы исповедью? Не боишься ли обнажать душу, в которой есть самые сокровенные мечты и желания?

– Каждое стихотворение – это исповедь, а значит, и обнажение души. Да, это нелегко. Тому, кто боится обнажать душу, не стоит играть в эти игры. Тогда в этот лес лучше не ходить. Или пиши себе на здоровье и складывай в стол. Стихи, как известно, – это не проповедь, а исповедь. И не дай, Бог, почувствовать себя пастырем, вообразить, что пасёшь народы. Это – самый верный признак бездарности, на мой взгляд.

– *А насколько человек одинок в этом мире?*

– Жутко одинок, космически одинок. Одинок каждый, но не каждый отдаёт себе отчёт в этом. Мы живём рядом с близкими, которые нас любят, а мы – их, но рождается каждый и умирает в одиночку. Стихи – это и есть попытка вырваться за флажки, расставленные одиночеством.

– *Как-то в своём интервью поэт, художник и архитектор Александр Кедрин привёл строку из стихотворения Булата Окуджавы: «Берегите нас, поэтов...». Кто тебя бережёт?*

– Мой муж. Вот уже тридцать семь лет. Без него не было бы меня. Да и стихов моих не было бы тоже. Это моя стена каменная, мой ангел-хранитель. А уж как ему нелегко со мной, знаю только я. Прозой о нём говорить не могу – только стихами.

– *Так это о нём поётся в песне Марка Зельдича «Мой принц» на твои стихи?*

– О нём, конечно. Вот последняя строфа: «Мой принц весь в шрамах и седой.../ Но королевского замеса!/ И с той поры, что он со мной,/ Я точно знаю: я – принцесса».

– *Женя, ты – однолюб?*

– Всё, что я хочу сказать о любви, я говорю в стихах. За пределы их не выхожу. Можно ранить...

– *Да, женщина-поэт – это всегда сложно. Быть женой, матерью, хозяйкой дома... Как тебе удаётся во всех ипостасях быть на высоте?*

– Я совсем не уверена, что всегда удаётся быть на высоте. Постоянно себя за что-то грызу. Не оставляет чувство вины перед мужем, детьми, перед маленькой внучкой, перед всеми, кого люблю. Мне кажется, что я им недодаю тепла, внимания и заботы.

– *Ты терзаешь себя вопросами. Это что-то сродни словам Тютчева: «Поэт всевластен как стихия,/ Не властен лишь в себе самом».*

– Я – сплошной знак вопроса, сплошное сомнение. А поэт... Да, в своих стихах он – самодержец. Он всесилен... на листе бумаги формата А-4. Хотя, конечно, это не так уж и мало.

– *Стихи ты пишешь сравнительно недавно – лет десять. Как менялась ты на этом отрезке жизненного пути и как менялись твои стихи?*

– Есть одно очень точное наблюдение: сначала ты пишешь стихи, потом они – тебя, а потом вы пишете друг друга. Этот процесс – обоюдный, точнее, обоюдоострый. Сама чувствую, как сильно изменилась за эти годы. И боюсь, не в лучшую сторону. Всё больше люблю одиночество, часто ухожу в себя. Бывает так, что не слышу тех, кто рядом со мной. Знаю, моим родным нелегко со мной. Очень часто в одно и то же время я есть, и меня нет.

– *Стихи пришли к тебе уже во взрослой жизни...*

– Да. На творческих вечерах мне часто задают вопрос, мол, неужели не писала раньше? И ждут точного ответа. Врать не хочется. А объяснить, почему стихи пришли ко мне сравнительно поздно, почему вообще пришли, не могу. Может, это всё пережитое перешло в стихи,

а может, звёзды на небе так сошлись. Не знаю...

– Ты чутко реагируешь на боль близких, друзей. Твои стихи об этом тоже говорят.

– Как-то на ночь глядя, мы с подругой долго разговаривали. Разговор был нелёгким, а утром родились строки: «... А утром пускай Вас разбудит/ Негромкая песня дождей,/ Пусть сложат усталые люди/ Стихи для усталых людей...».

– Я даже знаю, кому ты посвятила их. Женя, а с чьими стихами засыпаешь ты?

– В ящике моей прикроватной тумбочки всегда сборник стихов Беллы Ахмадулиной. Правда, этим дорогим мне именем круг любимых поэтов не ограничивается. Люблю Пушкина, Тютчева, Фета, Бродского, Цветаеву. Без них не живу, вернее, не выживаю.

– Твои стихи задевают за живое. Например, твой «Черешневый сад» увёл в моё прошлое, в сад миндалевый. Даже стихотворение сложилось. Правда, в отличие от твоего, грустное. Вообще на твои стихи трудно не откликнуться. О чём я тебя не спросила?..

– Лорочка, ты меня не спросила о том, какое место в моей жизни занимает литстудия «Анахну». Знаешь, я очень благодарна судьбе, которая привела меня в эту нашу «Зелёную лампу». Здесь теперь мои друзья, близкие мне люди, вторая семья, без которой мне трудно было бы дышать и «... жить под высоким напряжением».

– Ну, тогда позволь завершить нашу беседу о поэзии твоими же строчками: «Как уберечься от соблазна/

*Всё удержать и застолбить,/ Весь мир – цветной,
огромный, разный – / Пером к бумаге прикрепить».*

И спасибо тебе за этот соблазн, за светлый мир поэзии, в который ты вносишь свои неповторимые краски, за мир, в котором мы есть.

БЕРЁЗКИ, НЕ НАДО ПЕЧАЛИ СЕРДЕЧНОЙ

Штрихи к портрету писателя, поэта Эдуарда Фишера

Дождь методично барабанил по оконному стеклу. Эту дробь заглушали раскаты грома, а в комнату врывались вспышки, посылаемые стрелами молний. Они перекрывали тусклый свет настольной лампы и мгновенно исчезали, чтобы возвращаться снова и снова. Казалось, что каждая такая вспышка воскрешала в памяти моего собеседника самые знаковые события его жизни.

Нет, это не было традиционным интервью с заранее продуманными вопросами, с включённым диктофоном. Эдуард говорил, не подбирая слова, а я делала свои стенографические заметки, поддерживая тему разговора. А напросилась в гости к Эдуарду после того, как прочитала только что вышедшие одновременно две его книги: «А дорога едина...» и «Ёлочки-иглочки». До сих пор знала его как поэта, автора шестнадцати книг стихов и поэм, в том числе и для детей. И вдруг – проза. Ни в одной из книг нет ни аннотации, ни введения, да и названия не броские. А начала читать – и не могла остановиться. Было такое ощущение, что нахожусь рядом с героями этих повестей, вместе с ними тревожусь и радуюсь, прохожу дорогами

испытаний. Испытаний любовью и ненавистью, страстями и желаниями, безотцовщиной и развенчанной преданностью Родине...

А сейчас знакомьтесь: Эдуард Яковлевич Фишер, член Союза русскоязычных писателей Израиля, филолог, в прошлом преподаватель русского языка и литературы.

Сам Эдуард считает себя больше поэтом, чем прозаиком. Я же после прочтения этих двух повестей, право, не знаю – отдать предпочтение его поэтическому таланту или писательскому. Озвучив свою мысль, получаю разъяснение:

– А Вы обратили внимание, что каждое моё стихотворение – это маленькая повесть? В нём не найдёте абстракции, каких-то общих размышлений ни о чём. Как правило, эти стихи приближены к жизни, в них присутствует социальная тема, тема несправедливости в мире, любви к той маленькой Родине – к месту, где ты родился и вырос, к родной земле, наконец, к женщине, которой отданы были лучшие годы жизни...

– Да, именно так и воспринимается один из последних Ваших поэтических сборников «Сладкая соль». Наверное, потому строки и впечатываются в память, что в них – сама жизнь: *«И горечь соли вьелась в поры пылью,/ Её не смыть! Её не отделить!// И жили*

сказкой! Реже жили былью,/ В галут сплетая спутанную нить...». Это сколько же надо было пережить, перечувствовать, чтобы каждое стихотворение вот так било по сердцу читателя!..

– И по моему сердцу тоже. Потому что всё, о чём написано, связано с моей жизнью. Взять хотя бы «Поле под Вязьмой», посвящённое моему отцу Якову. Он погиб на этом поле кровавой бойни: «Пройди это поле от края до края,/ И с каждым движеньем молись и проси,/ Чтоб души солдат долетели до рая! А трупы – не в счёт на великой Руси...».

– Смысл вот этой последней строки становится более понятным, когда читаешь Вашу повесть. Дорога военная и дорога мирная, по которой Вы едете с фронтовым другом отца, Николаем Нестеровым, женой Зоинькой и племянником Вовкой, как бы сплетаются. Время сворачивается в одну точку, и картины «бойни», на которую отправляли солдат на верную и бессмысленную гибель, воскрешаются и не дают Вам покоя. Удивительно, как выписан Вами и день настоящий с такими милыми детскими проказами Вовки, женственностью и мудростью любимой жены, первозданной природой края, где прошли детство и юность ...

– Если и бывает у меня ностальгия, то только по этому, подмосковному краю, по Заречью, по маленькой Рузе – самому светлому для меня огоньку на земном шаре. Из памяти о том времени родились дорогие моему сердцу стихи: «Мамины песни», «Любимые», «Кашки», «Спаситель», «После Победы»... До сих пор в этих краях любят и читают мои книги. В последние годы в СССР писал в основном детские стихи. Даже не стихи, а рассказы в стихах.

Например, «Два пони» (на украинском и на русском языках), «Искатель приключений», «На прогулке». Их охотно печатали, зачастую заменив мою фамилию на более «удобную». А если я не соглашался на псевдоним, то, бывало, стихи не печатали. Помню, в журнал «Юность» отправил три стихотворения: «Старики», «Медаль» и «Паром». Консультировал рукописи Булат Окуджава. Ему очень понравились вот эти строки из «Парома»: «Чёрные борта его с пробелами,/ Будто поседевшие виски». Рекомендовал к публикации. Но редактировал тогда журнал Борис Полевой. Он и отказал. Согласился, правда, напечатать мой рассказ «Пашка», если я «смягчу» образ героя и подпишусь не Фишером, а Рузовым... Ну, да ладно о прошлом. Об одном жалею – не удалось издать написанные в восьмидесятые годы две повести: «Пленённые звёзды», «Испытатели» и пьесу «Поющие сосны». О «Пленённых звёздах» очень хорошо отзывался тогда писатель Фёдор Полетаев. Повесть пролежала в «Молодой гвардии» пять лет, но так и не появилась на страницах журнала – сами понимаете, восьмидесятые годы – время застоя брежневской эпохи.

– *Но теперь-то это возможно...*

– Да, было бы возможно, если бы мне разрешили вывезти из России свои рукописи. Уезжая, оставил их друзьям. А вернулся на побывку – уж и друзей нет, и бумага – тленна... Восстановить всё в памяти сейчас очень сложно. За время моего активного творчества написано около двух тысяч стихов, четырнадцать поэм и вот эти две повести, которые Вас так впечатлили.

– *Знаете, образ главной героини «Ёлочек-иголочек»*

Этадь долго не покидал меня – уж больно трагическая судьба. Как это может быть, чтобы еврейская девушка связалась с арабом, попав в сети исламистов, занимающихся подготовкой терактов, и не могла вырваться из этой западни? И это здесь, в Израиле...

– Плотская страсть оказалась сильнее здравого смысла. Потому Этадь в конце моего повествования приходит к мысли о самоубийстве. Она пускает под откос управляемый ею автомобиль вместе с группой террористов. Моя героиня списана с конкретного человека – молодой женщины, матери троих детей.

– Оставим ваших героев, Эдуард. Расскажите лучше о себе, о своём детстве. Не из него ли проистекает ваше творчество?

– Наверное, я родился счастливчиком. Четыре раза вполне мог лишиться жизни, но судьба миловала. Когда началась война, мне было десять лет. Немцы уже хозяйничали в нашем городке Рузе. Ночью налетели бомбардировщики. Мама схватила младшего братишку, старший и сестрёнка сами выбежали, а я крепко спал на печи. Бомба угодила прямо под печку, лопнула, но не разорвалась. Видно, бракованная была. А дом, что стоял рядом с нашим, разбомбило, и в живых никто не остался. Второй раз, когда мы прятались в подвале, немцы, отступая, бросали в отдушины гранаты. В подвале нас было шестнадцать. Четверых убило сразу. Маму ранило в руку, а меня – в левую ногу (до сих пор болит), и вот видите – вмятина на лбу осталась от осколка.

– Ну, да, похожа на звёздочку.

– Обошла меня смерть и в третий раз. Январь

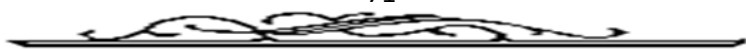

сорок второго. Уходя, фашисты вывезли всё, до последней картошины. Последний обоз с продовольствием стоял возле нашего дома. Мы со старшим братом Ильёй незаметно скинули мешок с мукой в сугроб. А если бы попались, то всё... Рисковали, но зато до весны продержались – пекли лепёшки. Мама друга Ильи – председатель колхоза, что в пяти километрах от нашего городка, – дала нам полмешка картошки. Возвращались с братом по темноте. Идём, а навстречу громила-фашист, в руках пистолет: «Стой! Кто люди?» Спрашивает, значит, кто идёт. Потом: «Что несёшь?» В этот момент из темноты автомобильные фары высветились. Немец испугался, опешил, а мы с братом увернулись и спрятались под мостом. В этот момент раздались три выстрела. Громила стрелял по машине. Когда фары погасли, мы заметили, как фашист проехал по мосту на велосипеде – видно, нас искал. Так что и в четвёртый раз удалось избежать смерти.

Ну, что это я всё о грустном... Расскажу Вам одну забавную историю из довоенного детства. Но прежде – об одной моей особенности: во мне постоянно звучат какие-то мелодии. Даже и при плохом настроении.

– Наверное, под эти мелодии и слагаются стихи...

– Возможно, так оно и есть. Слух у меня абсолютный, и я хорошо пел и плясал. Так вот, канун Нового, тридцать девятого года. Мне семь лет. Я такой красивый мальчуган и очень похож на Володю Ульянова, ну, точь-в-точь как на октябратской звёздочке – круглое лицо, выющиеся волосы. В нашу Рузу прислали два пригласительных билета на новогоднюю ёлку в Кремле. Они достались мне и девочке, что чуть постарше, Лиле Кармолиной – она хорошо рисовала. Решили, что со мной поедет папа. Он сшил себе

хромовые сапоги (сапожником был классным), купил брюки-галифе и косоворотку, и мы поехали.

Ёлка большущая, вся в огнях. Я выхожу на помост, покрытый красным полотном, и пою: «А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер, весёлый ветер, весёлый ветер...». Голос звонкий, и мне кажется, что вся Москва слышит меня. Допел, поклонился. Подходит ко мне старушка, это была Крупская, и спрашивает: «Как тебя зовут?». «Изя», — отвечаю...

– *А почему вдруг Изя?*

– По рождению я – Эдуард. Когда наш дом сгорел, маме прислали повторную метрику. Но не мою, а двоюродного брата Исаака, моего ровесника. Перепутали. А вскоре война началась, не до бумаг было, да так и остался по документам Исааком. Так вот, Крупская вручает мне большую, круглую, как барабан, коробку шоколадных конфет и спрашивает: «А ты можешь нам ещё что-нибудь спеть?». Не раздумывая, я так же громко запел, приплясывая: «Ах, ты, сукин сын, комаринский мужик,/ Ты не хочешь своей барыне служить!/ Наша барыня на печке лежит,/ Жопу греет и попёрдывает,/ И за ниточку подёргивает». Дети хохочут, Крупская улыбается, а у отца глаза округлились, хватает меня подмышку и бежит из зала...

– *Сами-то когда стали сочинять?*

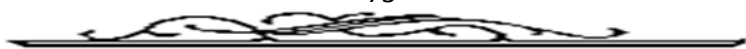
– Помню сорок восьмой год. К нам, в старую Рузу на встречу с читателями пригласили писателей и поэтов. Павел Антокольский читал свою поэму «Сын». Она меня взволновала. Я пришёл домой и написал: «Был вечер печально хмурый,/ Весна заплутала где-то./ В районном Доме культуры/ Читали стихи поэты». Это и было началом.

Потом писал что-то к выборам, праздникам, публиковался в районной газете «На боевом посту», а позже – в армейской окружной «Сталинское знамя». Здесь не надо было скрываться за чужой фамилией. Печатался часто и весьма успешно, получал гонорары, а за стихи о Сталине даже премию дали.

– *До армии школу успели окончить? Или...*

– Тут снова надо вернуться к воспоминаниям о детстве. До войны окончил три класса, а потом... Знаете, первая запись в моей трудовой книжке сделана в 1942 году, когда мне было одиннадцать лет. К этому времени немцев в Рузе уже не было. Но разруха, голод... И я сказал маме: «Пойду работать в артель, буду вместе с братом». В артели «Юный металлист» трудились в основном подростки да инвалиды. Отливали маслѐнки для самолѐтов. В углу маленького литейного сарайчика стояла печка. Дрова мы пилили неподалѐку в лесу, тут же кололи и потом топили ими печь. Нагревали её докрасна, пока металл не начинал плавиться. Нас было пятеро мальчишек, а командовал нами молодой солдат Юра, вернувшийся с войны без ноги, на костылях. Через два года брата Илью забрали в армию, а отец наш без вести пропал. О школе и думать нечего – надо было семью кормить, ведь я в свои тринадцать лет остался в семье за старшего. Пришлось идти работать пастухом. Сельское стадо более, чем в триста голов. Я и пас его, и траву косил, и землю пахал. Зарабатывал неплохо, и мы все смогли одеться, обуться, на еду более или менее хватало. Учёбу продолжил в шестом классе вечерней школы, сдав экзамены за четвёртый и пятый. Ну, а из седьмого класса в армию призвали.

— *К этому времени у Вас как-то уже проявилась любовь к литературе?*

— Точные науки не вызывали у меня интереса. А вот тяга к литературе была. После войны ведь ни радио, ни телевидения у нас не было. И мы зачитывались книгами. Соседка у меня была, Нина Иванова. Она каким-то образом сумела сохранить полное собрание сочинений Пушкина. Мы садились рядышком возле печки и по очереди читали. Наверное, с этого и зародилась любовь к литературе.

— *Стали и сами писать. Об армейском творчестве Вы уже рассказали. А служили-то где?*

— В Закарпатье служил, в десантных войсках. Был радистом первого класса. Как-то во время ночных прыжков с парашютом напоролся в сосновом лесу на сук. Кстати, это ещё один эпизод, говорящий о том, что я — счастливчик. Удивительно, что легко отделался. После армии работал радистом во львовском аэропорту. Но чтобы продолжить образование, пришлось идти на завод слесарем. Там времени свободного было больше. Сдав экстерном девятнадцать экзаменов за восьмой, девятый и десятый классы, поступил во Львовский университет на заочное отделение филологического факультета. На журфак не приняли из-за моей пятой графы. Да я и не жалел. С моим-то обострённым чувством справедливости... А время, сами знаете, какое было.

— *Знаю, знаю. На себе ощутила за многие годы журналистской работы. А что дала Вам педагогическая практика?*

— О, дала очень многое, ведь я не только преподавал русский язык и литературу. Был одновременно

и воспитателем подростков в колонии, которая стала называться спецшколой. Только в ней не классы, а отделения, и учились здесь малолетние преступники. Были, конечно, и переростки. Но я как-то находил с ними общий язык, и они мне пакостей не делали. Даже, думаю, уважали. Было это в городе Городок Львовской области. А потом, по инициативе райкома комсомола, меня перевели во львовскую школу-интернат. Здесь семь лет я замещал директора по воспитательной работе и преподавал. Потом был другой такой же интернат. Два значка «Отличник народного образования Украины» – оценка моего скромного труда.

– *А вот та, неопубликованная, повесть «Пленённые звёзды» – не об этих ли трудных подростках?*

– И о них тоже. Вообще, в те годы я писал много, но печатали в основном стихи в газете «Молодь Закарпаття».

– *Наверное, это самые дорогие для Вас стихи, потому что с них начиналась ваша поэтическая судьба...*

– Да как Вам сказать?.. Вообще, каждый человек, а особенно поэт, должен иметь в себе какое-то прочное основание. Поэта без такого основания просто нет.

– *Можно я предположу, с чем связано это у Вас?*

– Конечно, мне интересно...

– *По-моему, с родной для Вас землёй, той, без упоминания которой не вышла ни одна из ваших книг.*

– Спасибо, что поняли. Знаете, я сорок лет прожил во Львове, но город этот не стал мне родным. А вот к маленькой Рузе, где жил всего до девятнадцати лет, у меня до сих пор ощущение тепла. И когда я приезжаю туда, испы-

тываю истинное удовольствие. Эти знакомые песни и рас-
светы, речка, лес, неповторимые просторы... А главное –
люди, дорогие мои ружане. Я разве могу забыть, как наша
соседка тётя Груша прятала нас от немцев? Жизнью ведь
своей и своих детей рисковала...

У меня есть стихотворение «На Поклонной горе». На
горе этой синагогу недавно построили. Правильно сделали.
Давно пора изменить отношение к народу. Взять хотя бы
мою семью. Отец, Яков Фишер, сложил голову на том поле
битвы, о котором Вы читали в книге «А дорога едина...», и
три его брата погибли в войне. Мой брат Илья служил на
боевом торпедном катере, дважды тонул. Ему сейчас 84
года, в Москве живёт. Мы всё отдали той стране, старались
дело своё делать лучше других, но всё-таки были для неё
чужими.

– *А как Вы ощущаете себя здесь, на исторической
Родине?*

– Я здесь шестнадцать лет, но только недавно появи-
лось чувство дома. Оно пришло не сразу, постепенно.

– *Вы прекрасно сказали об этом в стихотворении
«Берёзки»...*

– Берёзки, не надо печали сердечной!

Прошу, приживитесь! (Прижился же я!)

Чтоб к святости вечной приникли навечно

Далёкие, белые – наши края...

– *Прижились?*

– Да, прижились. И сейчас Израиль – мой край.

– *Как Вы относитесь к тому, что на эту землю*

претендуют террористические группировки Хамас, Аль-Каида и уже с ними?

– А как здравый человек может относиться к тем, кто обращает своих детей в шахидов, посылая их на смерть? К тем, кто может идти по улицам полураздетым и избивать самого себя до крови, якобы искупая грехи? К тем, кто не хочет созидать, а лишь разрушает и живёт на подаяния всего мира?.. Да это ведь просто нЕлюди.

– Свойственно ли Вам обижаться?

– Я человек неконфликтный. Но однажды пришлось ответить на обиду. Был в нашей спецшколе воспитатель Роман Ешук. Он зло оскорбил мои национальные чувства и потому схлопотал от меня оплеуху. Интересно, что наши «трудные подростки», дабы показать своё расположение ко мне, вытащили у него из кармана деньги (всю зарплату) и документы. Я уговаривал их вернуть владельцу всё украденное. Деньги вернуть согласились, а документы – нет. Помню, Максим Литвинов – лидер ребят (пацаны его Бугром называли) сказал мне: «В бумажнике был партбилет. Его ни за что не вернём». «Почему?» – спросил я. «А какой же он коммунист?» – ответил мне Максим. Так Ешук этот строгий выговор получил за потерю билета. А могли и из партии исключить.

– Ваше отношение к женщине?

– У меня с юности очень бережное отношение к женщине, нежное, если хотите. Мне восемьдесят с лишним лет и я ни разу не причинил никому ни зла, ни вреда. Абсолютно уверен, ни одна из женщин не затаила на меня обиду.

– Спасибо, Эдуард, за это и за беседу. Мне интересно было прикоснуться к вашей судьбе и добавить новые штрихи к вашему портрету.

КОГДА ДУША ПОЁТ...

Интервью после концерта

Когда в Зале Конгрессов смолкли аплодисменты звёздам российской эстрады, ведущая концерта Светлана Моргунова пригласила на сцену поэта Андрея Дементьева и композитора, руководителя хайфской группы «Шалом алейхем!» Марка Зельдича. Музыканты только что вернулись из Италии, где принимали участие в фестивале «Ветер странствий». На этом фестивале группа исполняла песню Марка Зельдича на стихи Андрея Дементьева «Поставь свечу за здоровье любви». Песня была признана лучшей и заняла первое призовое место. А авторы – награждены дипломами фестиваля. Их-то и вручили призёрам.

А потом под сопровождение фортепьяно и скрипки певец группы Влад Эстрин исполнил несколько песен на стихи А. Дементьева. Их по достоинству оценил не только сам поэт, но и именитые участники концерта.

– В нашем репертуаре десять моих песен на стихи Андрея Дементьева, – *сказал мне Марк Зельдич.* – Заметили, как он был очарован голосом Влада и как пророчил ему большое будущее?

– *Да, голос действительно завораживает...*

– Его мягкий лирический баритон никого не оставляет равнодушным. Слышали бы вы, как принимали певца на итальянских сценах! Он поёт на многих языках – иврите, русском, итальянском, украинском, французском...

Я невольно возвращаюсь к нашему пребыванию в Италии, к многочисленным концертам на самых разных сценах. Это было такое единение со зрителями, что они начинали петь вместе с нами и танцевать... Помню, как во время интервью на итальянском телевидении нам задали такой неожиданный вопрос: «Скажите, может ли ваше творчество способствовать миру на Ближнем Востоке?».

– Можно предположить, почему прозвучал такой вопрос. Значит, ваше творчество задело за живое, вызвало чувство единения людей. А в наш век сплошных национальных раздоров и межгосударственных конфликтов действительно актуальна тема мира и дружбы между народами. А меня просто покорила игра скрипача Игоря Рубинчика...

– Понимаю Вас. Игорь – человек сцены. Раньше он работал учителем музыки в школах Узбекистана, а потом – Израиля. И где бы он ни был, скрипка всегда с ним. А вообще он не только талантливый скрипач. Сам пишет прекрасную музыку, делает аранжировки, неплохо поёт и танцует, стихи пишет. Помню, в одной из венецианских синагог мы пели шаббатные песни в сопровождении скрипки и гитары. Это было потрясающе красиво. Услышал наше выступление бывший хайфовчанин, уехавший в Италию пятьдесят лет назад, доктор Илан Браунер. Он – один из руководителей еврейской общины Италии. Пригласил нас к себе в дом. Так вот одна из почётных гостей фестиваля, специально приехавшая из Вероны, тоже была на этом приёме. Она так восхищалась выступлением Игоря, что пожелала услышать его игру на скрипке Страдивари, которую бережно хранит в своей коллекции.

– *В составе группы ещё два исполнителя ваших песен...*

– Да, это певица Инна Цыпина, выпускница брянской вокальной студии, и Ричард Петерсон из Южной Африки. Сейчас он живёт и работает в Хайфе и иногда участвует в наших авторских концертах.

– *Насколько мне известно, это участие благотворительное, безвозмездное.*

– Да, пока никто из нас не имеет от своего творчества материальных благ. Это – минус, потому что нет у нас средств, чтобы пригласить к нам с ответным визитом тех же итальянцев. Очень жаль, что хайфский муниципалитет не помогает нам в этом. Вот взялся помочь нам выйти на большую сцену друг Андрея Дементьева, Зиновий Клебанов, руководитель проекта «Мир искусств». Он приглашает нас участвовать в музыкально-литературных вечерах в Иерусалимском культурном центре «Гармония». Это побуждает к творчеству.

– *Есть проекты?*

– Конечно, есть. Хотим создать мини-спектакль «Коммунальная квартира». Идею подсказало одноимённое стихотворение поэта и литературного редактора нашей группы Марины Симкиной.

– *Хорошая идея. Я слышала эти стихи на одном из литературных вечеров. Вообще ваши творческие связи с хайфскими поэтами помогли созданию многих песен на их стихи. Как-то услышала ваши песни «Отпустить тебя», «Оставить август» на стихи Марины, и мелодии эти долго ещё звучали во мне...*

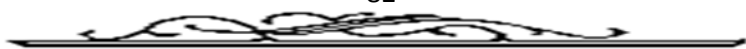
– Да, собственно, со знакомства с самой Мариной всё и началось. Её друзья стали предлагать мне свои стихи, из которых потом и рождались песни. Как результат этого совместного творчества, вышел у нас диск «Женщина, рождённая в сорочке». Так же называется и одна из песен на стихи Марии Фердман. Презентация диска вылилась в настоящий праздник песни. И не только. В зале Центральной библиотеки Кирьят Яма гости смогли послушать песни, познакомиться с их авторами, а также с новыми сборниками их стихов, картинами поэта и художника Михаила Левина.

– Помню, что равнодушных в зале не было. Кстати, наши поэты и музыканты стали желанными гостями в этом храме книги благодаря большой поклоннице литературы и искусств Дворе Кислов. Ни слова не говорящая по-русски, она, кажется, душой приросла к русской культуре и всё делает для того, чтобы её любили и другие.

– Верно говорят, что сила искусства велика. Хотите послушать одну маленькую историю?

– *Конечно.*

– Вы знаете, что работаю я на одной из станций нашего маленького метро «Кармелит». Однажды, как это бывает между совсем не знакомыми людьми, молодая женщина поделилась со мной своими переживаниями. Её любимый ушёл к другой. «Чем бы утешить вас?», – посочувствовал я ей и подарил только что выпущенный диск песен. Незнакомка поблагодарила меня и поспешила к отходящему вагончику. А через несколько дней появилась снова.

«Спасибо огромное, – сказала она, – вы просто спасли меня. Передайте мою благодарность автору стихов «Вычёркиваю вас» Евгении Босиной. Песня эта помогла мне справиться со своими чувствами и отпустить от себя человека, который не стоил моих переживаний».

– Марк, я заметила, что в концертах группы вы часто рассказываете какие-то маленькие истории, связанные с вашим творчеством, с гастрольными поездками по стране и за рубежом. Они часто на одну тему – интереса и любви к русскому языку...

– Да, я этот интерес чувствую всегда. И это притом, что певцы наши исполняют песни на многих языках: русском и украинском, иврите и идише, английском и итальянском, французском и испанском. Вот недавно я собрал группу творческой интеллигенции из Израиля и России, с которой побывал в нескольких городах Италии. Мы не только выступали с концертной программой, но и прекрасно отдохнули на лазурном побережье. Поездка останется в памяти и незабываемыми встречами с людьми разных национальностей. Далеко не каждый из них знал русский язык. Но у музыки ведь нет границ. Её понимает каждый. И я рад тому, что наша группа «Шалом алейхем!» объединяет людей. А недавно забавная история приключилась со мной. Она могла закончиться для меня не самым лучшим образом...

– А что же могло такое произойти с человеком, с головой погружённым в музыку?

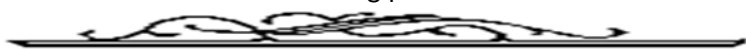
– В том-то и дело, что я настолько ушёл в своё творчество, что оно прямо-таки поглотило меня. Я уже рассказывал одну историю, связанную с песней «Вычёркиваю вас».

Так вот, придя с работы, я сел за фортепьяно и так ушёл в работу над песней, что не заметил, как наступила ночь. А я уже в который раз пел куплет за куплетом, и в каждом повторялись слова: «вычёркиваю вас». В какой-то момент я настолько вошёл в образ героя песни, что когда среди ночи вошла в комнату жена и спросила, почему я до сих пор не сплю, я ответил: «Не мешайте, я вычёркиваю вас»... Жена подумала, что я собираюсь с ней разводиться. Что тут началось!.. Потом, правда, всё встало на свои места. Но ненадолго. На песню эту стали приходить отклики. «Иди и посмотри, что тут тебе из России пишут» – сказала мне рассерженная жена и подвела к компьютеру. Я прочитал: «Марк, эта песня говорит о вашей высокой духовности. Выбросьте эту женщину из головы. Я скоро приеду к брату в Кирьят Ата, мы с вами встретимся, и вы поймёте, что есть другие женщины...». Жена испытующе посмотрела на меня и открыла другое письмо: «Уважаемый Марк, я давно слежу за вашим творчеством. Вот и эта песня замечательная. Но не страдайте вы так из-за той женщины и, правда, вычеркните её. Посмотрите вокруг – и увидите, как много будет у вас поклонниц... С женой, конечно, этот «конфликт» был улажен. А историю эту я рассказал автору стихов. Мы посмеялись...

– Марк, вот Вы всё рассказываете о людях, с которыми связаны творчеством. К сожалению, не ставшим источником материальных благ. На жизнь Вам приходится зарабатывать, отнюдь, не музыкой. Расскажите о вашей прошлой жизни, той, что предшествовала переезду в Израиль.

– В Киеве я окончил институт железнодорожного транспорта. Честно скажу, у меня никогда не было тяги

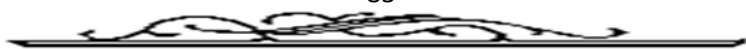

к технике, а учиться пошёл по настоянию родителей. Поэтому уже через два года работы инженером навсегда распрощался с этой профессией – благо, успел получить вторую. Ещё будучи студентом, по вечерам учился в институте культуры на факультете общественных профессий. Был тогда такой при Министерстве высшего образования. Получил диплом руководителя и организатора музыкальных коллективов. С началом известной перестройки в стране открылась возможность в полный голос пропагандировать еврейскую культуру. И я организовал первый на Украине еврейский фольклорный музыкальный ансамбль «Напевы». Потом работал импресарио известных российских артистов.

В Израиле я уже более двадцати лет. Сегодня благодаря друзьям и интернету, где размещён мой сайт, песни, которые я пишу и на свои стихи тоже, могут слушать на всей планете.

– Замечу, не только «могут», но и, судя по откликам и обширной переписке с Вами, слушают-таки... Спасибо, Марк, за песни и за любовь к ним. Успехов вам и вашей группе. А ещё – понимания и поддержки.

– Спасибо.

ПРОНИКНОВЕНИЕ В ЗАПРЕДЕЛЬНОЕ

**«... Но слово весомое и неподдельное
Тот отпустить мог пушинкою с лёгкостью,
Кто, сбросив оковы, проник в запредельное
И грузом тяжёлым жонглировал с ловкостью».**
Ирина Явчуновская.

– Какая же сила толкает нас туда, за предел? И для чего? Чтобы лучше познать себя, других? Испытать силу чувств, мыслей? А может, влечёт туда неразгаданность самого творчества? Как ты считаешь? Ведь это непостижимо так же, как свет далёкой звезды, как завораживающие звуки адажио, как загадка Вселенной или тайна рождения жизни... И что вообще там, в запредельном?..

– Если бы мы с тобой знали ответ на этот вопрос, то, наверное, не было бы и стихов.

– А как ты думаешь, где ещё живёт мечта? Может, в безвозвратно умчавшемся на колеснице детстве с его неразгаданными тайнами, вопросами, сомнениями?

– Мечта может находиться совсем близко или за тысячи километров от нас. Главное, чтобы она жила – не важно, где, и чтобы мы стремились её достичь. А жизнь без мечты пуста.

– Хочу повернуть наш разговор к началу твоего

творчества. В такой семье, где отец – известный поэт, писатель, журналист и правозащитник, а мама – филолог, ты просто не могла не стать литератором? Семейно Серманов в Крыму, да и не только, хорошо знали.

– Конечно. Дом наш всегда был полон людей. Часто приходили известные в то время писатель Мария Глушко, литературный критик Владимир Вихров, писавший на идиш Матвей Голбштейн, украинский поэт Дмитро Черевичный... Мы все жили в одном доме Литфонда и в будни, и в праздники, как правило, собирались у нас. Часто приходили и начинающие поэты и писатели, чтобы показать папе свои произведения. В конце шестидесятых в нашем доме появился Владимир Орлов. Пришёл, чтобы показать свои детские стихи. Портной высшего класса, он писал стихи втайне от своего отца. Тот всегда говорил ему: «Не оставляй портняжное дело, сынок. Иголка тебя прокормит, а стихи – нет». Но, как ты знаешь, Владимир Орлов стал известным поэтом...

– ***Помню, в своих стихах он образно сказал, что в поэзию вошёл на плечах Бориса Евгеньевича.***

– Да, не одному ему отец помог стать настоящим поэтом.

– ***А тебе самой?***

– Когда первое стихотворение (мне было тогда лет двенадцать) я показала своим друзьям, они сказали, мол, стихи хорошие, молодец. Но, сознайся, это ведь папа написал. Я страшно обиделась, никому больше не показывала. И только сравнительно недавно включила их в свой сборник «Нити».

– *Прочитай его.*

– На свете всё сложилось из точек:

Стихи эти поздней звёздной ночью,

Тропинка, травинка, цветок и роса,

И молнии яркая полоса.

Мгновения-точки вплетаются в строчки.

А в строчках раскроется жизнь-многоточье...

– *Но писать всё-таки продолжала, ведь творческая обстановка в доме наверняка побуждала к этому?*

– Писала, конечно, изредка, но свои юношеские стихи читала только близким друзьям.

– *Да, нелегко быть дочерью знаменитости. Скажи, а папа редактировал твои стихи?*

– Нет. В то время я очень редко занималась своими стихами. Но слышала, как он учил молодых поэтов. И это была моя школа тоже. Хотя, не скрою, авторитет папы давил и, чувствуя неуверенность в себе, я очень долго так и считала, что на детях знаменитостей природа отдыхает. Это отбивало охоту писать, и я решила, что пойду своей дорогой. Поступила в университет на факультет иностранных языков и стала осваивать английский. Правда, там тоже приходилось участвовать в разных студенческих конкурсах, в КВН, писать какие-то стихи. Но, опять же, все вокруг считали, что это папино творчество. Я вконец разочаровалась и занялась переводами (к счастью, или к сожалению, папа знал только русский язык). Есть такая английская сказка «Весёлая скакалка», так я сделала из неё пьесу и, по совету папы, отнесла в наш Симферопольский кукольный театр. Художественный руководитель Морозов

встретил недружелюбно. «Писательский труд – это так тяжело, – недовольно сказал он, – и зачем Вам, Ирочка, эта головная боль?.. А впрочем, оставьте сценарий...».

Ну, оставила, а сама уехала в село Первомайское Кировского района преподавать английский в школе. Вообще школа – это отдельная большая история. Представь, приезжает молодая выпускница ВУЗа, а ей тут же поручают создать лингофонный кабинет и подготовиться к открытому показательному уроку для учителей Кировского района.

– *Получилось?*

– Ой, не спрашивай!.. Директор выделил средства, но сказал: «Иди к родителям, пусть тоже помогут». Вот я и пошла. «**Ты – кто?**» – встретил меня на пороге своей хаты родитель одного ученика. «Преподаватель английского», – отвечаю. «**Ну, и за чем пришла? Для чего моему сыну вообще английский? Он что, в ту Англию поедет?..**». В общем, крутилась, как могла. Но кабинет был открыт, показательный урок прошёл на высоте – с использованием всевозможных технических средств, репродукций картин известных художников, с инсценировками... Короче, английский вошёл в меня не просто как новый язык, а как ещё одна возможность для развития творчества.

Как-то встретила своего бывшего преподавателя английского из университета, она в то время уже заведовала кафедрой иностранных языков: «Иди к нам на кафедру преподавать», – предлагает. И в этот же день звонит из кукольного театра Морозов: «Ирочка, мы решили послать тебя в Киев, на семинар молодых драматургов. Соглашайся – это перспективно!».

Не поехала, пошла на работу в университет.

– *А что случилось с творчеством? Стихи писала?*

– Много лет не занималась поэзией вообще. В университете организовала для студентов филфака занятия по литературным переводам. На семинары приглашала уже состоявшегося к тому времени поэта Владимира Орлова, известного крымского поэта Анатолия Милявского и многих других. Мы устраивали конкурсы переводчиков. Лучшие работы моих студентов печатались в университетской газете. К этому времени я редактировала английские тексты для крымских краеведческих изданий. А потом было не до творчества – в 1994 году приехала в Израиль. Ты ведь знаешь, как приходилось нам утверждаться, учить иврит, искать работу по специальности. Думаю, каждая судьба репатрианта полна перипетий, трудностей, парадоксов...

– *Можно о парадоксах поподробнее?*

– Приехала с семьёй. Надо искать работу. На курсы учителей не взяли по той причине, что в Крыму в последние пять лет я работала не в школе, а в университете.

– *Но это же абсурд!..*

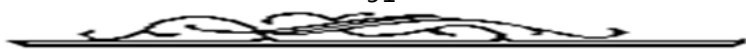
– Такова установка. И хотя я сдала все экзамены, работу не нашла. Ходила по школам светским и религиозным, просила – всё бесполезно. Чтобы получить право преподавания старшеклассникам в школе, мне предложили пройти курс в колледже ОРАНИМ или для того, чтобы получить вторую степень, отучиться два года в Ливерпульском университете. Я выбрала второй вариант. Вначале занятия проходили в Тель-Авиве. Работы наши отправляли в Ливерпуль, а потом мы жили и стажировались в Англии.

Дипломы нам вручали преподаватели Ливерпульского университета уже здесь, в Израиле. Ещё раньше начала работать в израильской школе, но без права преподавания, потом в колледже. Давала частные уроки. Но выход творчеству должен быть найден – и я стала заниматься переводами на английский и иврит, который с самого начала дался мне легко. Переводила стихи, песни. Первым их опубликовал поэт и переводчик Михаил Польский на своём сайте «Дом Корчака в Иерусалиме». Постепенно стихи и переводы стали появляться и на сайтах «Поэзия. ру», «Что хочет автор». Предложила на конкурс перевод заданного текста Джорджа Арнольда. На форуме шло обсуждение, и я получила третье призовое место. А потом за перевод стихотворения Тютчева «Весенняя проза» – первое место. Так постепенно входила в мир поэзии.

– Ну, да, это уже потом тебя приняли в Союз русскоязычных писателей Израиля и в Международный союз писателей и журналистов, это потом ты стала лауреатом нескольких международных поэтических конкурсов и дважды – дипломантом «Золотого пера Руси». Сегодня твои стихи на всех трёх языках известны многим, не одна песня уже положена на музыку. Русский вариант «Золотого Иерусалима», например, изначально написанного на иврите, сегодня распевают не только в Израиле... А что всё-таки стало главным толчком к поэтическому творчеству вообще и к переводам – в частности?

– Две вещи. Секретарь союза русскоязычных писателей Леонид Финкель предложил мне очень интересную работу – перевести на иврит и на английский стихи шестилетней

девочки. Она сочиняла их в 1942 году в гетто. Чудом спаслась и уже будучи взрослой восстановила свои детские стихи по памяти. Это, считай, тот же дневник, что и дневник Анны Франк, только поэтический. Его автор – ныне известный поэт Алла Айзеншарф, она живет в Ашкелоне. А книга с переводом её стихов на три языка была отправлена в Яд ва-Шем, а также в Америку и другие международные организации, где сохраняют память о Холокосте.

И примерно тогда же с помощью Ефима Гамера, который на радиостанции РЭКА ведёт передачу «Вечерний калейдоскоп», я вышла на очень интересного человека – на Елену Шмыгину. На её сайте «Детки-74» проводились занимательные уроки английского для детей. Я составляла уроки, а Лена иллюстрировала их яркими картинками. Вместе с ней мы издали красочно иллюстрированную книжку «Сказки Матушки Гусыни» на английском и русском языках. Но, думаю, толчком стали не только какие-то внешние причины. Помнишь популярную песню на иврите «В моём сердце есть маленькая птичка»? Такая птичка, наверное, живёт в душе каждого человека, и не обязательно он должен быть каким-нибудь «небожителем». Так вот, несмотря на то, что я свою «птичку» многие годы не выпускала наружу, ей всё же удалось расправить крылья и вырваться из клетки. Видимо, так было суждено. И слава Богу. Лучше поздно, чем никогда.

– *Сегодняшние твои стихи, говоря твоими словами, балансируют на зачитанной в детстве странице. Это что? Ностальгия?*

– Не знаю. Трудно разложить по полочкам все чувства, которые порой приходят из того самого запре-

дельного, с которого ты начала наш разговор. Но детские ощущения, мечты никуда не улетают, они живут с нами и в нас, приобретая всё новые очертания. Вот это я и пытаюсь передать в своих стихах.

– Ты права, Ира. Пожалуй, ответом на этот вопрос могут стать и слова Веры Горт, которая сказала, что твоя книга стихов и переводов «Нити» призвана рассмотреть взвешиваемые на чашах весов жизненные перипетии, выразить – спеть! – своё отношение к ним. Кстати, несколько слов о песнях. Диски с десятью песнями на твои стихи разошлись моментально и обрели крылья.

– У этого тоже было своё начало. Я как-то выступала в Тверии на занятии литературного объединения «Волны Кинерета». И там мои стихи услышала Елена Сухенькая. Она композитор. Сказала, что чувствует, как стихи ложатся на музыку. Я, конечно же, очень обрадовалась. На русском и на иврите их стали исполнять её хоровые коллективы: детский и взрослый. Сейчас репертуар детского пополнился ещё одной популярной песней «Куда уходит детство», но уже в моём переводе на английский и иврит.

– В чём ты черпаешь вдохновение?

– Трудно на этот вопрос ответить однозначно. Я очень рада, что, наконец, у меня есть общение с единомышленниками, людьми увлечёнными литературой, в частности в нашем литобъединении «Анахну».

– Значит, появятся ещё новые стихи и новые песни!..

А вот что я написала тебе:

*За пределы возможного
Отправляешься в путь,
Сомневаясь, а можно ли
В никуда заглянуть,*

*Где словечко отыщется
То, что душу взорвёт?
Вот оно уже слышится.
Кто ж его не поймёт!..*

*То, что скрыто страницей
На ином языке,
Вдруг забьётся синицей
В твоей строчке-руке.*

*Эту птицу не выпустишь.
Посадив на ладонь,
Отогреешь, и выплеснешь
Сердца вечный огонь.*

– Спасибо, Лариса.

... И ЧИСТЫМИ РУКАМИ

творит добро Президент АРΙΑ Давид Кудыков

Олег Борушко, председатель жюри турнира поэтов русского зарубежья, проходившего в Лондоне в рамках фестиваля «Пушкин в Британии», представил его участникам Давида Кудыкова:

– Поэт, академик, президент Международного Союза литераторов и журналистов (АРИА). Замечу, – сказал он, – всё, что делает Давид, делает он это чистыми руками. Пишет ли стихи или прозу, помогает ли начинающим литераторам или руководит творческим Союзом, ставит ли спектакли или готовит встречи с известными писателями, поэтами, художниками...

Это был второй день работы турнира. В зале Представительства Россотрудничества выступали и финалисты, и члены жюри. Я заметила, как читая свои стихи, волновался Давид. Волновался до дрожи в руках. Признаюсь, была удивлена. Человек он – публичный, автор многих книг, награждён золотой медалью имени Франца Кафки, золотой медалью великого поэта и актёра Олега Афанасьева, многими грамотами и дипломами.

... Наша с Давидом беседа – в его красивом уютном доме на краю Лондона, вдали от столичного шума и суеты. В широкую стеклянную дверь, ведущую на зелёную поляну с цветами, виноградными лозами и деревьями,

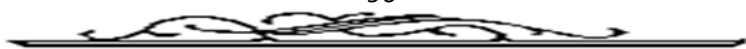

барабанит июньский дождик, освежающий нас, израильтян, уставших от летнего зноя. Он успокаивает, помогает улечься эмоциям от знакомства с удивительным городом.

Всякий раз, когда предстоит встреча с мало знакомым мне человеком, немного волнуюсь. А что там, за внешним спокойствием и кажущейся закрытостью? Это всё равно, что открываешь новую книгу в строгом переплёте. А листаешь страницу за страницей, и как будто постепенноходишь в чью-то жизнь. Давид, на удивление, не просто открывает мне свою книгу, а распахивает её. Потому что страница, с которой начинается рассказ, вобрала самые тяжёлые и трагические события. О них он не может забыть... И мы переносимся в Латвию двадцатилетней давности.

— Ну, вы помните время горбачёвской демократии, когда свободному рынку была открыта широкая дорога. Тогда первое частное предприятие зарегистрировал небыизвестный господин Травкин. А моё предприятие было вторым. Но рынком стал управлять КГБ. И по всему Союзу начались аресты предпринимателей, отказывающихся сотрудничать с гэбистами. А потому как арестованных не в чем было обвинить, то следствия могли тянуться годами. И всё это время людей томили в тюрьмах. Я был арестован. Целый год меня держали в тюрьме, три месяца — в камере-одиночке. Пытался сочинять стихи, но запоминать их было трудно. Тогда стал просить бумагу, якобы для того, чтобы писать жалобы прокурору. А прокурору положено все бумаги к «делу» подшивать. Вот он и подшивал эти стихи. Мой первый следователь Малиновская

сразу поняла, что я ни в чём не виновен. Не в силах противостоять системе, она уволилась из полиции и передала адвокату все стихи. Потом друзья издали их. За этот цикл стихов я и получил золотую медаль Франца Кафки.

– *И это была ваша первая книга?*

– Да, а до этого печатался в периодике и в сборниках.

– *А что было после года отсидки?*

– Меня отпустили под подписку. Потом реабилитировали и выплатили «смешную» денежную компенсацию за необоснованный арест. Надо было продолжать жить, содержать семью, растить детей. Я взял в аренду несколько кораблей класса «река-море» и перевёл их под морской регистр. Но меня не оставили в покое. Однажды явились бандиты, занимающиеся рэккетом, и потребовали продать им суда. Как я мог это сделать, если суда – не моя собственность? Тогда начались угрозы. Был в то время в КГБ некий Зотов (позже он стал священником). Так он сказал мне: «Давид, или беги отсюда подальше, или тебя машина переедет». Бежать было некуда и пришлось претвориться больным на голову. Через год мучений в больнице для душевнобольных вышел на свободу. А тут латвийскую милицию стали преобразовывать в полицию. Многие из неё тогда уходили, очищая папки с документами, сфабрикованными на предпринимателей. Следы заматали... Полагаю, что и бумаги из моего дела были уничтожены.

– *Что же стало с вами потом?*

– Потом? Бандиты всё не унимались. Начались угрозы, но я не поддавался на провокации и жестоко поплатился за это. Мою пятнадцатилетнюю дочь Надю убили. Я дол-

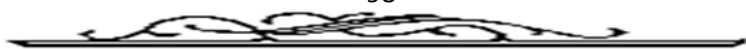
го не мог прийти в себя, а потом, в девяносто четвёртом году на одном из своих судов нелегально покинул Латвию. С латышским паспортом в Англию можно было въехать без визы. Так я оказался в Лондоне. За десять лет, после всего пережитого, не написал ни строчки. И только в 2004 году сложилось первое стихотворение.

– После столь долгого «молчания» чем была вызвана эта творческая вспышка?

– Знаете, всё это не вдруг. Здесь у меня было много друзей среди литераторов: писатели Леонид Коваль, Николай Кашин, Сергей Кольцов – все они из Латвии, Владимир Кунин из Германии, Елена Усиченко, Виктор Климашевский и Сергей Хоршев – здесь, в Англии, профессиональный поэт и художник из Праги Мирослав Кливвар. Всех не вспомнить даже. И родилась идея создать такое литературное пространство, на котором было бы интересно общаться творческим людям. Решили попробовать создать Международную ассоциацию литераторов и журналистов. Это возможно было сделать только в Англии, потому что чиновники других стран не очень-то стремятся брать на себя ответственность за общественную организацию, которая находится за пределами государства. И вот в 2005 году мы зарегистрировали здесь наш АРІА.

– И вы стали его президентом?

– Да. У меня была работа, которая позволяла вложить средства в создание Союза. Я занимался морскими перевозками. Мои сухогрузы бороздили Балтику и Средиземное море, возили лес, металл... Так что для начала были средства, которые я мог вложить в создание Союза. В этот период написал повесть о пережитом, которая, возможно,

ляжет в основу будущего романа.

– Вы не боитесь ворошить прошлое, связанное с пережитым в стране, которую пришлось покинуть? Все мы знаем примеры того, что власть предержащие такого не прощают...

– Знаете, пусть это не покажется вам странным, но в тюрьме я стал абсолютно свободным человеком. Ушёл страх. Когда попадаешь в общую камеру, где тебя в любой момент могут убить, ты раз и навсегда принимаешь решение: или страх и смерть, или ты внутренне свободен.

– Давид, вижу, вам нелегко вспоминать этот тяжёлый период. Давайте поговорим о становлении нашего творческого союза.

– Начинали с организационных дел. Написали Устав. И потянулся народ. Сегодня в наших рядах около трёхсот человек из многих стран. Помню, сколько было хлопот с первыми выпусками альманаха «Альбион», потом – «Альбион и мир», газеты «АРИА». Сначала печатали свою продукцию на Кипре, потом в Риге и на дальнобойных машинах развозили по всей Европе. Через наших директоров, представителей Союза, распространяли в Германии, Чехии, Литве, Латвии, Австрии, Канаде, в самой Англии, а также в Америке, Канаде, Ирландии, Казахстане, Украине... Мы поддерживаем связь с молодыми авторами, получили право на присуждение премии Франца Кафки за лучшие произведения и достижения в области литературы. Помню, как оживилась работа, когда к нам присоединились писатель и правозащитник Владимир Буковский, историк и писатель Виктор Суворов, писатель-сатирик Алек-

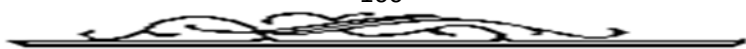

сандр Каневский, писатель-сценарист Андрей Кивинов, писатель Дина Рубина, поэт Игорь Губерман...

Сегодня мы работаем со многими печатными издательствами, где выходят наши страницы: «АРИА на Дону» и «Партнёр НОРД» в Германии, «Русское слово» в Америке, «Антикватория» в Москве, «Дором» в Израиле. В Чехии выпустили несколько номеров газет «Англия русскоязычная» и «Лондонский курьер». Издали более десяти сборников и несколько книг наших постоянных авторов. Вот посмотрите – это последняя книга Александра Литвиненко, которого теперь нет с нами. Хорошо, что успели издать её... Так что трагическое прошлое, как бы мы ни старались его забыть, продолжает жить с нами. Оно в нашей памяти о времени и о нас самих...

Дважды в месяц в книжном магазине «Русский мир» писатель Валентина Коркоран проводит литературные семинары, регулярно наши поэты «сражаются» на творческих турнирах. Прижилась новая форма общения – спектакли «Поэтический мост», в которых участвуют поэты Лондона и городов России. Ставим эти спектакли в театре «Технис». А недавно при нашей поддержке режиссёр Элла Аграновская и оператор Николай Шурубин создали два фильма: «Шекспир против Шекспира» и о Сергее Довлатове – «Вы ещё будете мною гордиться». Они демонстрировались в русском книжном магазине в Париже. Авторы тепло благодарили руководство нашего Союза и персонально членов АРИА: Олега Осинковского из Таллина и Милю Кудыков из Лондона за поддержку и помощь в создании фильмов.

– В дни, когда отмечали юбилей Шекспира, на нашем сайте были выставлены интересные скульп-

турные работы ...

– А одна из них – бюст Шекспира работы всемирно известного скульптора Леонтия Усова, тоже члена АРΙΑ. Эта скульптура была подарена музеем Шекспира. Вот посмотрите этот альбом работ Усова. Здесь фотографии скульптур Чехова, Сервантеса, Горького, Блока, Пастернака, Северянина, Вертинского и многих других, выполненных в дереве. Все шестьсот не назвать... Зимой в музее Диккенса сам Леонтий Усов будет вручать свои миниатюрные скульптуры лучшим поэтам и актёрам.

– Да, читала о нём на сайте. Давно хочу поговорить о том, какую роль в деятельности АРΙΑ играет наш сайт.

– По сути, он и является местом наших творческих встреч, на нём держится вся информационная связь. Сюда члены Союза заходят как в свой собственный дом, встречаются с друзьями, делятся литературными достижениями, получают помощь коллег. Всем этим мы обязаны замечательному человеку Елене Шмыгиной из Челябинска. Прекрасный литератор и фотокорреспондент, она профессионально подошла к созданию сайта и все эти годы постоянно поддерживает и улучшает его. Лена в основном и размещает все литературные работы членов АРΙΑ. Это вы и сами знаете по тому, насколько оперативно и грамотно она публикует и ваши спецкоровские материалы. И делает это абсолютно бескорыстно.

– Кстати, на сайте было сообщение о том, что Вам присвоено звание академика...

– Не только мне. Двенадцать человек были выдвинуты на присвоение этого звания. В Калифорнийской академии

его получили писатели Виктор Суворов, Наталья Юсупова-Ерёмина, Аркадий Эйзлер, Владимир Буковский, Виктор Петров, Леонид Коваль и другие. Ну, и ваш покорный слуга тоже.

– Замечу, что вы являетесь членом Союза русскоязычных писателей Израиля. Что вас связывает с нашей страной?

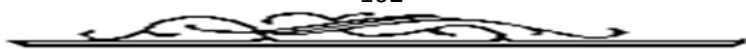
– О, к Израилю я испытываю особенно тёплые чувства. Во-первых, мои родители и другие родственники живут в вашей стране. Я часто там бываю, общаюсь с известными всему русскому миру, и не только ему, писателями Диной Рубиной, Игорем Губерманом, Александром Каневским, Михаилом Сипером. Они тоже бывают у меня в гостях. Сколько замечательных вечеров мы провели с ними и в нашем клубе, и вот за этим столом, за которым сидим сейчас вместе с вами!..

– В каких странах есть посланцы нашего творческого Союза?

– Почти в каждой стране есть у нас свои директора. Например, в Испании работает Георгий Гришин, в Латвии – Елена Васильева, в Германии – Виталий Шнейдер, в Англии – Сергей Хоршев-Ольховский, в Израиле – Леонид Финкель, в США и Канаде – Сергей Плышевский.

– Давид, знаю, что, в отличие от многих других издателей, наш Союз издаёт книги на собственные средства, не прибегая к помощи авторов. Откуда же берутся деньги?

– Сначала, пока у меня был флот, я вкладывал свои средства. Потом привлекли нескольких спонсоров.

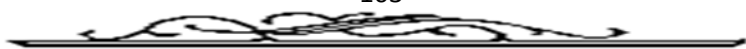

Но мировой финансовый кризис прижал и их. Надо отдать должное, что вся наша редколлегия работает совершенно бесплатно. А членские взносы уходят на разного рода отчёты, на пересылку литературы. Но сегодня даже их уже не хватает. Несколько подкосили работу Союза последние события. Буквально в течение полугода ушли из жизни люди, стоявшие у истоков нашей ассоциации. Мы тяжело переживаем отсутствие поэтов и редакторов всех изданий Сергея Кольцова и Николая Кашина, редактора Вольдемара Бааля, писателей Леонида Коваля и Владимира Кунина. Вот прочтите, что написал в своей последней книге «На основании статьи...» Владимир Кунин.

– *Читаю: «Уважаемый господин Президент АРІА мистер Давид Кудыков! Я очень хотел бы поблагодарить возглавляемую Вами организацию, уже несколько лет уделяющую самое тёплое внимание моей скромной персоне и моему творчеству. Хорошо знаю, что АРІА сейчас переживает нелёгкий период своего благородного существования. Не имея же иной возможности – материальной помощи Вашей организации, – я хочу абсолютно безвозмездно, без выплаты мне какого-либо гонорара, предложить Вам рукопись моего последнего романа, которым, я надеюсь, впоследствии заинтересуется какое-нибудь российское издательство. Сохраняя возможные права будущего русского издательства, я предлагаю Вам следующие условия:*

Вы издаёте мой роман под названием «На основании статьи...» тиражом не более 3.000 экземпляров.

Реализация романа возможна лишь в пределах Великобритании.

Все деньги, вырученные за продажу тиража, пойдут на развитие АРІА и в помощь бедствующим русскоязычным литераторам, находящимся в эмиграции.

Как автор, претендую лишь на пару десятков авторских экземпляров.

Мюнхен, 03 марта 2010 года. Владимир КУНИН.»

– Ну, вот мы бросили клич: «Кто готов быть в редколлегии?». Отрадно, что желающих много. И сейчас редакция в стадии формирования. Тут важно сохранять пропорции, ведь молодёжь, как правило, растёт творчески рядом с сильными, талантливыми литераторами. Согласитесь, для любого начинающего автора напечататься рядом с асом – большой стимул.

– Давид, я желаю успехов в работе нашего Союза и верю в то, что он возьмёт новую высоту. И знаете, почему? Потому что, как правильно заметил организатор поэтического турнира «Пушкин в Британии» Олег Борушко, вы всё делаете чистыми руками. А я бы добавила, что и с любовью. Это чувствуется во всём. В вашем прекрасном доме тоже, где многое сделано собственными руками – благо, жизнь всему Вас научила. И этот замечательный летний домик на поляне, выстроенный вами специально для приёма гостей, членов Союза, приезжающих со всех концов планеты... Представляю, сколько талантливых стихов, занимательных историй и шуток слышали его стены!..

Вы уже много лет живёте в Англии, но ваши дети говорят по-русски даже без акцента. И во всём чувствуется умелая рука, теплота души и понимание вашей супруги Мили...

– Это вы точно подметили. Миля не пишет стихов, но она настолько стала душой нашего круга друзей, что без её участия не было бы того аромата и вкуса настоящей творческой дружбы, которая связывает нашу интеллигенцию. Кстати, Миля – бессменный бухгалтер Союза. Она чётко ведёт все финансовые дела.

А за пожелания спасибо. И вам я желаю дальнейших творческих успехов!

г.Лондон

Июнь 2011г.

В МИРЕ НЕРАЗГАДАННЫХ ТЕНЕЙ

живёт поэт и актриса Ольга Пильщик

Каждый по-своему воспринимает однажды прочитанное. Введение к книге Ольги Пильщик, которое Марина Симкина назвала «Заблудившаяся в веках», просто не отпустило меня и заставило дочитать книгу до последней строки. И в самом деле, подумала я, вернувшись к началу, «Кто эта дама и откуда,/ И как сложилась жизнь её?» Правда, не на все возникшие вопросы нашла ответы в стихах и потому решила встретиться с их автором.

Когда впервые попадаешь в дом, то можешь безошибочно сказать, кто в нём живёт. Мне несложно было понять, что обитательница однокомнатной квартиры на пятом этаже – эстет, любитель живописи, музыки и литературы, старинных вещей и реликвий... Так и кажется: к чему ни прикоснись, всё расскажет о хозяйке дома, поведает о том, что непременно потом ляжет в строку. Но это – на мой взгляд. Впрочем, не ошиблась. Я обратила внимание на небольшую старинную фотографию, висевшую на стене. Девочка лет десяти вместе со своим ровесником-партнёром запечатлена в момент лёгкого, почти скользящего движения в бальном танце.

– Оля, это ведь Вы, правда? По костюмам можно догадаться, что танцуете менуэт...

– Да, это я. А танец – старинный, почти забытый. Когда-то менуэт был популярен на королевских балах.

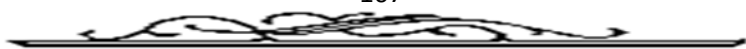
А я с детства любила всё необычное для того времени, всё красивое, как в сказках. Жила наша семья в Москве. Я была способным ребёнком: любила рисовать, танцевать, петь. Голос мне достался от мамы. Правда, у неё было колоратурное сопрано, а у меня – меццо-сопрано. Педагоги обещали поставить голос, когда мне исполнится восемнадцать лет. Но мне трижды удаляли гланды, и потому певческий голос пропал. Вообще-то, судьба меня не только не баловала, она как будто бы пыталась сломать мою жизнь, отнять то, что было заложено природой. Мне пророчили большое будущее в балете, но, опять же, не сложилось. В балетную школу при Большом театре приняли, но здоровье не проверили. А родилась я с пороком сердца. Помню, напилась снотворных таблеток – жить без танцев не хотела. Но всё-таки выжила как-то.

– *Видно, корни были крепкими, и сильный характер заложен при рождении?..*

– Наверное, и то, и другое. Иначе, не выстоять бы мне и в самые тяжёлые времена. В тридцать седьмом моего отца, Якова Марковича Гальперштейна, обвинили в шпионаже против страны Советов и расстреляли без суда и следствия.

– *Кем же он был?*

– Есть некая тайна в его биографии. Никогда ни в одном документе не указывалось место его работы. Знаю, что он окончил два института, но старался не быть на виду. Помнится, мама сказала мне по секрету, что раньше папа был директором то ли фабрики, то ли завода... По заданию правительства в Средней Азии устанавливал Советскую власть, и вся наша семья была вместе с ним. Однажды

отправили его в командировку в Германию. Был там папа недолго, а сразу по возвращении ему «приклеили ярлык» немецкого шпиона. Не стало любящего отца и талантливого человека. Он так много всего знал, многое любил, замечательно играл на скрипке...

– *А мама?*

– Мама, Нелли Борисовна, была не менее талантливым человеком. Она владела пятью языками, была переводчицей. Прямо с листа на машинку переводила тексты, прекрасно играла на фортепьяно и пела. Помню наши домашние концерты. Мой старший брат, Леонид, был просто вундеркиндом. Память – потрясающая. Уроков никогда не учил, запоминал всё, что слушал в классе. А учились мы с братом в школе для детей членов правительства. Возили нас туда и обратно на машине. Когда папу расстреляли, пришли за мамой и, как жену врага народа, отправили в лагерь на целых восемь лет. Мы же с Леонидом автоматически стали «детьми врагов народа». И вот так неожиданно всё хорошее сразу ушло в прошлое.

•
– *Так вы остались с братом совсем одни? И как сложилось всё потом?*

– Бабушка у нас была. Когда маму посадили, она лишилась рассудка. А брат вообще ушёл из дома, и я осталась совсем одна. Как говорится, воспитывалась на улице. Но это не значит, что пошла по кривой дорожке... Когда началась война, дальние родственники забрали меня с собой в Казахстан. Какое-то время продолжала учёбу в школе, но свалил брюшной тиф, после которого учиться я не могла. Через два года вернулись в Москву. И тут надо было как-то выживать. На заводе собирала приборы, потом

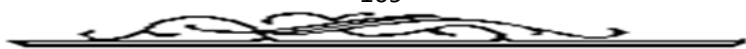
работала с отбойным молотком на строительстве метро. Когда начальник увидел, как меня буквально носит этот молоток по площадке, сказал: «Я не буду отвечать за эту глисту» и перевёл на погрузку гравия в вагоны. Ещё собирались послать меня на восстановление шахт Донбасса, но я поняла, что не выдержу физически. Я хорошо рисовала и поступила в текстильный техникум, а затем – в художественно-промышленное училище. За свой рисунок на экзамене получила пятёрку. Но когда пришла на работу, в отделе кадров посмотрели документы и возмутились: «Мало того, что ты – еврейка, так ты ещё и дочь врагов народа!..» И выставили за порог текстильной фабрики.

– *Выходит, так и были перечёркнуты все ваши три дарования.*

– Но оставалось одно – любовь к театру. Ещё в училище я занималась в драмкружке, откуда меня рекомендовали в народный театр. Но надо было много работать, и времени свободного совсем не оставалось. Пройдут годы, и я напишу: Я жизнь имела непростую,/ Где все способности впустую,/ И все попытки – в омут, в яму,/ Но шла всегда вперёд упрямо...

– *Ну, а когда окончилась война?..*

– К тому времени мой брат работал уже заместителем главного инженера на студии «Мосфильм». Он и меня взял к себе. Сначала работала в пошивочном цехе и заочно училась в институте. Получила диплом инженера-экономиста текстильной промышленности. И, отработав три года на текстильной фабрике, вернулась на «Мосфильм», но уже в качестве заместителя директора съёмочной группы, а потом – и директора. Скажу Вам, что и сын мой, Григорий,

на пенсию ушёл из «Мосфильма», отдав ему все свои молодые годы.

– Видимо, с того времени и надо вести отсчёт вашей по-настоящему творческой деятельности?

– Да, там у меня было много верных друзей. Среди них немало актёров из театра сатиры и тех, кто снимался в киножурнале «Фитиль», режиссер Эмиль Лотяну, с которым нас сдружила совместная работа над фильмом «Табор уходит в небо», композитор Исаак Шварц. Ему я посвятила не одно стихотворение. Правда, стихи я начала писать уже здесь, в Израиле.

– Да, об этом Вы сказали так: «В галуте я была другой,/ Я изменилась здесь, в Израиле». А можно послушать хотя бы несколько строк, посвящённых Шварцу?

– Почему нет? Бывает в дружбе всё наоборот:/ Живёт, творит прекрасный композитор,/ Но для меня лишь только говорит он –/А я несу в душе касанье нот.../ Стихи во мне ещё не родились,/ И оба мы и не подозреваем,/ Что стать могла б гармония нам раем,/ Но мы ещё туда не добрались./ Года, как быстро развели вы нас!/ Ушёл ты, не узнав меня поэтом./ Я слушаю тебя, ты полон света,/ А слёзы горькие текут из глаз...

Свои наиболее удачные стихи я посылала в литературно-художественный альманах «Хронометр», редактору Марку Котлярскому. Он их охотно публиковал. А поскольку у меня большой опыт организаторской работы, то я стала не только постоянным автором журнала, но и его представителем по северу страны.

– И вскоре уже вышла ваша первая книжка стихов?

– Да, это была совсем небольшая книжечка и называлась она «Всплеск души». Вышла в 1994 году. В 96-м – сборник «Бег ручья». Ну, и потом через каждые два – три года выходили книги: «Звездопад», «Свет и тени», «Вечное движение», «Эти разные дороги», «Плывёт мой кораблик» и вот эта, что у вас в руках, – «Острова». Она увидела свет в прошлом году.

– Оля, а кто художественно оформляет ваши книги?

– Юлия Зисман. Она замечательный художник, известный не только в Хайфе. Нелёгкая доля выпала ей – родилась Юля в Сибири, в местах, где проходили ядерные испытания. На свет появилась без обеих ног. Но она сильна духом и очень талантлива. А выставки её картин – одни из самых посещаемых. Вот эти две картины-фантазии на темы Храма, что на стене, тоже её.

– И этот графический лев тоже?

– Да. Я – «Лев» по Гороскопу, и Юля подарила мне его в день рождения.

– Вы верите в Гороскоп? Насколько характеристика знака совпадает с тем, как Вы сами себя определяете?

– Очень даже совпадает. Вообще, оккультные науки меня серьёзно интересуют. Я, например, искренне верю в то, что человека можно сглазить, напустить на него проклятие – в своей жизни не раз сталкивалась с этим явлением. И теперь знаю, как можно снять проклятие. Я верю,

что в нашем мире живём не только мы. Есть некие сущности, которые может увидеть далеко не каждый. Вы будете удивляться, но в моей квартире живёт Домовой. Я с ним подружилась. И Привидение приходилось видеть. Прилетало ко мне вот с этого балкона, на котором мы с Вами сидим сейчас.

– ***Что, вот прямо так и влетело? И что? Как выглядело?***

– А точно так, как рисуют на картинках или показывают в кино. Оно было похоже на не полностью раскрытый белый зонт с двумя черными пятнами-глазами. Покружилось по комнате и улетело. Я нисколько не сомневаюсь, что вещи могут нести собою некую информацию от человека, которому принадлежали ранее. Как-то я купила старинное украшение – серьги. И они принесли мне много неприятностей. Я даже рассказ об этом написала.

– ***Вы и прозу пишете?***

– Да, было дело. Я написала несколько рассказов и опубликовала их в одной из книг. Но, видно, проза не для меня. Заметила, что когда переключаюсь на неё, стихи перестают приходить ко мне. Я оставила прозу, и... Забилась мысль, и сон пропал,/ И ты – невольник, ты в оковах,/ Ты заблудился в рифмах новых,/ Как будто в западню попал...

– ***Оля, но Вы уже не можете жить без этой западни. Правда? И откуда берутся темы?***

– Да, это правда. А темы порой приходят прямо с балкона... И я не просто нахожусь в этой поэтической западне. Я чувствую, что несу на себе многое из своих

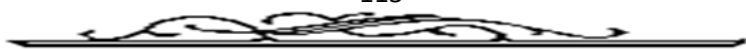
прошлых жизней. Я верю в реинкарнацию – в переселение душ. И души тех людей не дают мне покоя. Полагаю, что у меня было три прошлых жизни. Даже знаю, каких. Одна из них – парижанин, у которого была любимая женщина. И вот уже лет триста душа этого француза рвётся в Париж. Я в сегодняшней своей жизни никогда там не была. Стихи написала об этом после того, как на распродаже увидела картину «Монмартр» и тут же купила её. Послушайте: Картина новая – какой подарок в доме! Кусочек столь желанного Парижа./ Я уголок Монмартра ясно вижу/ В любимой акварели, в светлом тоне./ Пусть я теперь в Париж и не попала,/ Но тянется душа моя к былому./ К мелькнувшему в столетиях эталону –/ Я этого пейзажа ждать устала.../ Во мне не умирает память сердца,/ Я здесь любила, здесь узнала нежность.../ И слов прекрасных поняла безбрежность./ Мне кажется – сюда открылась дверца...

Но, знаете, более остальных меня занимает другая моя прошлая жизнь.

– Вот интересно... Расскажите об этом подробнее.

– Я верю в то, что если человеку надо узнать какую-то важную информацию, она обязательно придёт к нему, и неважно, каким путём. Было это девять лет назад. Мне случайно попала в руки газета «Досуг» с материалом Виктора Прусакова «Жрица любви и поэзии» в рубрике «Загадки истории». Начала читать и вдруг – потрясение! Я накануне видела этот сон о себе самой. Это же обо мне всё написано! Вот, посмотрите сами.

Ольга протягивает мне газету, как самый дорогой для неё документ, и я читаю увлекательную историю о Сафо, родившейся на острове Лесбос в Эгейском море

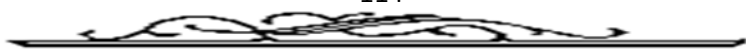
ещё в 612 году до н.э.: «... Она жила так давно, что вопроу и усомниться: а жила ли она вообще? Тем более, что нет почти никаких свидетельств её земного бытия – лишь фрагменты её стихов да слова современников о ней, дошедшие к нам чудом в обрывках папирусов и пергаментов, осколках восковых и глиняных табличек. Но такими страстями дышат эти стихи, таким восхищением и сарказмом, такой нежностью и яростью кипят слова о ней даже сейчас, 25 веков спустя, что отступают любые сомнения. Разумеется, она жила. И жила так ярко, что великой потерей было бы не собрать по крохам хоть то небольшое, что известно о её жизни».

– Оля, Вы так страстно об этом говорите, что почти убедили меня в своих чувствах и догадках...

– Ну, как же здесь можно усомниться? Вот посмотрите её книгу: каждая строка стихов – это я, мои ощущения, переживания, мои мысли. Это же мои стихи!.. Это же тот самый сон, который я видела накануне: Эгейское море. По волнам скользит старинная ладья, я в ней босиком, у меня прекрасное, радостное настроение. И парус несёт меня в даль безбрежную... Случайностей не бывает.

Скажу вам по секрету, дорогой читатель, что книгу Сафо Ольга держит вместе с собственными книгами и считает её тоже своей.

– Я не могу во фрагментах стихов Сафо найти копии своих, ведь в те времена стихи писались и читались иначе. Но вот посмотрите сами: «Я роскошь люблю/ Блеск, красота/ Словно солнце,/ Чаруют меня». Или «Богатство одно – спутник плохой / Без добродетели рядом». Это же всё обо мне самой...

– *О снах. Вы написали: «Я ныряю в сон за отрешением,/ За спасеньем от мельканья дней./ Я найти пытаюсь утешенье/ В мире неразгаданных теней». Так, может, это всё – и есть тени, мираж? Да и образ жизни самой Сафо во многом отличался от вашего образа жизни. Сафо имела античный богемный салон «Дом муз», где собирались женщины, где звучали стихи, царили веселье, наслаждение однополый любовью, иные забавы... Это ведь не Вы...*

– Да, но я ведь и не копия её. Во мне её душа. Вот послушайте, что она сама о себе говорит: «...Если безжалостная природа отказала мне в красоте, её ущерб я возмещаю умом. Я невелика ростом, но своим именем могу наполнить все страны».

– *Замечательно, Оля. Уверенность в себе украшает человека. Тем более, если ему есть чем подтвердить и свои способности, и свой талант... Вы, кроме всего, страстная поклонница театра. И если кто-то приходит в этот храм искусства посмотреть спектакль, то Вы приходите в хайфский театр «Лица», чтобы играть. Играть на сцене саму жизнь...*

– Да, Вы правы. Из всех страстей сегодня мне ближе всего поэзия и театр.

– *Ваша любимая роль?*

– У меня такая не одна. Это и провинциалка Кубыркина из водевиля Фёдора Сологуба «Беда от нежного сердца», и героини спектаклей по рассказам братьев Шаргородских, Марьяна Беленького. Режиссёр нашего театра Хаим Долингер поставил эти спектакли так, что и нам было интересно играть их, и зрителям – смотреть. Спектакли

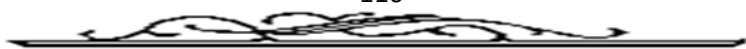
проходили и в актовом зале нашего Дома репатриантов, и в клубах Хайфы и Нешера. Кстати, в некоторых клубах были и презентации моих книг. Там же исполнялись песни, написанные на мои стихи. Несколько песен композитора Изяслава Цейтлина, тоже на мои стихи, исполняла в Доме учёных актриса драмтеатра Лиля Тёмкина, к сожалению, недавно ушедшая из жизни. Одна из песен о Хайфе заняла на конкурсе «Северная лира» первое место, а песня «Красные цветы» – второе.

– *Ну, вот мы, кажется, своей беседой и ответили на вопрос: «Кто эта дама и откуда,/ И как сложилась жизнь её?». Если не сильно утомила Вас, то ответьте, пожалуйста, ещё на один вопрос: что Вас привлекает в людях и кто ваши друзья?*

– Привлекает в людях, прежде всего, порядочность, а импонирует чувство юмора. Я и сама люблю пошутить, но некоторые почему-то обижаются. Из-за этого иногда приходилось даже работу менять – из одного отдела переходить в другой.

– *Однако, в стихах Ваших юмора не нашла...*

– Верно. Стихи мои в основном – это лирика. Любовная, философская. Да, ещё Вы спросили о друзьях. Я дружна с поэтами из литературной студии «Анахну», где прежде была весьма активна, даже была координатором. Теперь прихожу туда реже, но связь поддерживаю. Дружбе с женщинами предпочитаю дружбу с мужчинами. Они никогда не позавидуют, не обидят ни словом, ни взглядом. А моим успехам радуются вместе со мной.

– *Спасибо, Оля, что не отказали во встрече. А мои пожелания? Вижу, у Вас новая тетрадка уже полна свежих стихов. И сложившаяся закономерность выхода книг говорит о том, что в будущем году сможем увидеть Ваш девятый сборник. Так в добрый час!*

– Спасибо, Лариса. Наша встреча вызвала у меня весьма приятные чувства.

P.S. Не прошло и года после нашей встречи с Ольгой Пильщик, а уже вышла её новая книга стихов «Апельсиновое деревце». «Стихи просто льются из меня, – сказала Оля, вручая мне томик в красочной оранжево-зелёной обложке. – Пока книга была в печати, я написала ещё двадцать стихотворений».

ОБЪЯВ ВЕСЬ ШАР ЗЕМНОЙ...

Написала заголовок и почувствовала, что он вполне мог бы стать и поэтической строкой... Но пока отказываюсь от мысли о стихах, потому что задумано мною интервью. Интервью, которое согласился дать учредитель международной литературно-публицистической газеты «Интеллигент» СЕРГЕЙ ПАШКОВ. Цель нашей беседы – представить читателям уникальный проект. Своим печатным словом он объединил творческих русскоязычных людей, которых судьба разбросала по всему свету. Именно этот проект позволил писателям, поэтам, журналистам, художникам, музыкантам, влившимся в новую среду, продолжать обогащать русскую культуру. Однако, прежде чем говорить о самом проекте, знакомимся с его автором.

– Пожалуйста, Сергей, расскажите о себе. И о том, что подтолкнуло Вас на этот шаг?

– Лариса, спасибо за такой заголовок. Он представляет наш проект весьма глобальным. Хотя и говорят, что нельзя объять необъятное, что невозможно возлюбить всех, мы к этому должны стремиться. Поэтому будем считать заголовок интервью своеобразным авансом, характеризующим медийный проект «Интеллигент». О себе? Пожалуй, расскажу случай из своей жизни. Однажды, когда я был совсем молодым, ко мне подошла симпатичная девушка и

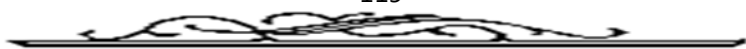
сказала буквально так: «Я знаю себе цену, потому сама выбираю парня. Неважно, будет ли это состоятельный человек или простой трудяга, главное – чтобы с ним было интересно. Правда, с тобой, непоседой, сложно даже дружить. Ты всё что-то творишь, пробуешь, испытываешь, преодолеваешь препоны, решаешь, кажется, неразрешимые задачи и... радуешься этому. А я хочу всегда быть рядом, чтобы вместе с тобой и удачи твои разделять, и горечь от неудач пить из одной чаши. Но главное – быть причастной к твоей интересной жизни». Вы, наверное, поняли, что эта девушка и стала моей женой. А её признание, на мой взгляд, точно передаёт кто такой Сергей Пашков. Сам о себе могу сказать, что я действительно человек сложный, но всегда занимаюсь только тем, что мне интересно.

Сказать, что конкретно подтолкнуло меня к созданию издательского проекта, наверное, не смогу.

– *Почему?*

– Потому что толчка, как такового, не было. Просто обидно стало, что с перестройкой в нашем обществе (я имею в виду страны СНГ) всё пришло в упадок. Многие подменили корпоративными встречами и тусовками, слепым фанатизмом в верованиях, в межнациональных отношениях, в культуре... И этот проект – попытка удержать хотя бы русский язык, удержать на международном уровне.

– *Слушаю Вас, Сергей, и вспоминаю недавнее выступление по телевидению директора музея-заповедника «Ясная поляна» Владимира Ильича Толстого (внука великого писателя). Он с такой болью гово-*

рил о том, какие препоны ставятся в России на пути сохранения русской культуры и, в частности, русского языка. По классификации ЮНЕСКО, существуют несколько стадий отмирания языка. И русский находится на самой тяжёлой из них.

– Русский язык... Было время, когда ещё советские издательства, как правило, совмещались с типографиями. Я работал бригадиром и пробовал себя в публицистике, а стихи писал ещё с юности. Как-то к нам в глубинку приехали из Москвы друзья Юлиана Семёнова и предложили попробовать издать первые номера газеты «Совершенно секретно». Так сказать, подпольно. Я, естественно, был в первых рядах тех, кто этим и занялся. Тогда для провинциального издательства это казалось невыполнимой задачей – огромные тиражи, а газета не четырёхполосная, а во много раз больше. Это было равносильно подвигу. Но я справился. Более того, заинтересовался возможностью иметь вне государственной системы некий рупор для информации. Тогда и открыл своё первое издание «Аквариум». Его коммерческий успех был просто потрясающим. Но я быстро понял, что на тот момент в Российской Федерации делать что-то прибыльное – значит подвергать опасности не только себя, но и своих близких. Переехав в Карелию, я вошёл в состав творческой группы по разработке основ рекламной деятельности. Мы блестяще справились с заданием и получили высшие оценки академических заказчиков.

Имея опыт, я взялся за медиапроект. И хотя был основным разработчиком «Интеллигента», без помощи таких же неутомимых, как и сам, не обошёлся. Эти люди помогают мне и сегодня.

– Но одного энтузиазма мало. Нужны были спонсоры, денежные средства, материальная и полиграфическая базы... Насколько мне известно, авторы не платят за публикацию своих произведений. Как решаются проблемы?

– Наш проект держится на унитарной системе отношений, но есть учредители проекта, и есть те, кто вкладывают в него свои финансы. Иной раз людей удивляет, когда на вопрос «где берёте деньги?» я отвечаю, что мы их просто сами зарабатываем. Мои единомышленники – это редакторы: Екатерина Асмус, Майя Шварцман, Наташа Крофтс, Светлана Савицкая, Дина Лебедева, Вячеслав Барыбов, а также наши представители в разных странах: Наташа Лайдинен, Вера Зубарева, Людмила Шарга и другие участники проекта. Должен заметить, что успех любого дела зависит от личности человека. И чем выше интеллект и духовные начала этой личности, тем успешнее продвигается дело.

– Сергей, мне интересна история выпуска первого номера газеты. Спрашиваю об этом, потому что вспомнила, как сама готовила первый номер одной многотиражной газеты. За всех сама писала, сама макетировала, сама корректировала...

– Похожая ситуация и у меня была. Но тогда я делал авторские альманахи и газеты. То есть всё там было от одного автора – Сергея Пашкова. Чтобы создать международный проект, где задействованы издательства, редакторы, литературные объединения, авторы, между которыми проводятся даже конкурсы, нужна мощная система на государственном уровне. Но потому-то мне и было интересно попробовать свои силы и запустить проект, обойдя эту

систему. Как видите, удалось. Одним из первых материалов была статья «Интеллигент» – интеллигенту», в которой я обозначил интеллигенцию, как людей, находящихся между властью и народом, не исключая того, что они могут быть и теми, и другими. Ну, а потом особых проблем с материалами не было. Международный конкурс выявил наиболее талантливых авторов, которые и стали нашими представителями в странах и регионах. Проект быстро развивался, менялся редакторский состав, менялись представители и авторы, на каждом этапе были свои учредители...

– Предполагаю, что не всё было гладко и однозначно, не обходилось без проблем и препятствий. Новые технологии требовали определённых технических знаний и навыков. Как преодолевались эти трудности?

– Новые технологии и сам Интернет способствовали быстрому развитию проекта. Начав с провинциальной четырёхполосной газеты, мы перешли совсем на другой уровень. Сегодня проект – это несколько международных газет и журналов. Как ни странно, основные препятствия и проблемы идут от тех, кто привык отпускать «сверху» различного рода директивы, указы, запреты. Непростые отношения с такими людьми сложились и в моём городе Костомукша, и в Республике Карелия. Нам не только не помогают, но даже мешают и вредят. Не желая сотрудничать на равных, хотят командовать в проекте. Или игнорируют...

– Но там, где минусы, должны быть и плюсы. Кто помогает и чем?

– В современной России хоть и не много, но есть и те, кто поддерживает нас и морально, и материально. Всячес-

---

кую помощь получаем от Сергея Лебедева, финансовую – от Андрея Медведева... Многие участники проекта удостоены заслуженных ими наград, что стимулирует их к участию в проекте, который многим интересен.

– География на страницах «Интеллекта» довольно широкая. Здесь представлены известные и малоизвестные авторы, творческие объединения из многих стран, в частности, из Израиля. Как складываются у Вас взаимоотношения с нашими авторами и литературными объединениями?

– Расскажу интересную историю из прошлой, советской эпохи. Не ручаюсь, правда, за дословный пересказ. Как-то Берия, решив серьёзно заняться национальным вопросом, в частности, евреями, заметил, что надо с ними что-то решать. На это Сталин сказал, мол, зачем ты, Лаврентий, пытаешься поднять еврейский вопрос? Он уже прекрасно решён советской властью. Эта нация получила не только автономную республику в СССР, но и независимое государство Израиль. А если есть территория, то нет вопроса! Тебе, Лаврентий, евреев надо уважать, так как они вездесущие, живут по всему миру...

Это я вспомнил к тому, что сегодня большинство наших авторов, проживающих в разных странах мира, – евреи. Это люди интеллигентные, одарённые, коммуникабельные. Именно их талантом во многом определяется лицо наших изданий. Потому наши отношения с авторами и сотрудничество с ними можно оценить как отличное.

– Тот, кто читает в «Интеллекте» не только свои публикации, может заметить, что рядом с работами маститых писателей, поэтов, журналистов пуб-

ликуются и первые пробы пера. Для начинающих это большая честь и стимул к творчеству.

– Полностью согласен. Хотя существует градация по изданиям. Порой легче опубликоваться в журнале «Интеллигент. Избранное», чем, скажем, в газете «Интеллигент. Санкт-Петербург», когда его формирует Наташа Крофтс. Отдельные номера комплектуются учредителем и главными редакторами. Есть элитарное издание, которое в основном формируют Майя Шварцман, Екатерина Асмус и Светлана Савицкая. Это журнал «Интеллигент. Нью-Йорк». Периодически печатаем 16-полосную газету «Интеллигент. США».

– Мне нравится, что Вы целые полосы отдаёте самым молодым авторам. Это – своеобразная школа для развития их мастерства...

– Замечу, что раньше юных авторов мы представляли чаще. Сегодня молодых, к сожалению, увлекают совсем иные занятия. Если Вы помните, мы публиковали обзоры каждого номера газеты. Порой критика даже отбивала охоту у начинающих заниматься словесностью. И мы перестали это делать. Кстати, руководителю литобъединения «Анахну» из Хайфы Марку Тверскому после резких критических обзоров приходилось отстаивать своих авторов.

– В последнее время появилось так много литературных интернет-сайтов. Сотрудничаете с ними?

– Официально сотрудничаем с тремя из них. Это «Золотое перо Руси», «Моссалита» и официальный сайт Екатерины Асмус. Она, кстати, переведена из совета редакторов в медийную службу художественным редактором группы. У нас самих много разных сайтов. Более широкое

сотрудничество – с печатными изданиями. Но к выбору их подходим избирательно.

– *Сергей, вот интересно, как отбираются материалы? Какие критерии у газеты? Иногда встречается такое, что, на мой взгляд, не должно появляться в газете с таким обязывающим названием, как «Интеллигент». Имею в виду не только литературные достоинства материала, предлагаемого автором, но и истинную интеллигентность самого автора. Думаю, редактор это может почувствовать по стилю, содержанию, некой «сдержанности» что ли, наконец, скромности или нескромности по отношению к собственной авторской персоне.*

– Понимаю Вас. Все материалы согласовываются. Другое дело, что порой между авторами, внутри объединений, городов, стран складываются сложные взаимоотношения. Изначально, например, сложно было публиковать в одном издании авторов Санкт-Петербурга и Москвы. Кстати, это и предопределило образование двух разных газет: «Интеллигент. Санкт-Петербург» и «Интеллигент. Москва». Мало того, «Интеллигент. Санкт-Петербург» пришлось редактировать не местному редактору, а Наташе Крофтс из Австралии. Вообще я считаю, что определение достойных надо оставить последующему поколению, а сегодня осознать, что у каждого свой вкус и свой стиль подачи материала.

– *Вы расширили свой проект, начав издание журнала. Это потребовало дополнительных затрат?*

– Мы издаём три газеты и два журнала: «Интеллигент. Избранное» и «Интеллигент. Нью-Йорк». Пришлось отка-

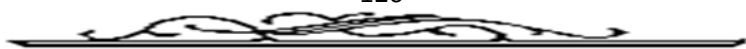
заться от ежемесячных выпусков газет. Они стали выходить реже. А газета «Интеллигент. США» – теперь лишь ежегодник. Естественно, издание журналов стало возможным и потому, что на помощь пришли заинтересованные люди с мировым именем, с серьёзными связями, а главное – с материалами высокого образца.

– Журналы Ваши разноплановые по жанрам, стилям, иллюстрации. Они представляют художников разных уголков Планеты. Среди них и Вы...

– Да, я серьёзно занимаюсь темой космогонических преданий народов мира, и эта тема, естественно, присутствует во всём моём творчестве, в том числе и в рисунках. Но это – отдельный разговор. А журнал действительно представляет широкий культурный спектр. Это и литература, и журналистика, и театр, и кино, и балет... Читателей также привлекает всё, что связано с Фондом Михаила Шемякина, с проектом «Золотое перо Руси», многими другими интересными сферами жизни. Так что не стоим на месте, развиваемся. Правда, иногда подводит здоровье, и это мешает мне более глубоко заниматься своим детищем. Но усилиями замечательных людей проект начал утверждать себя как весьма солидный международный литературный и культурный издательский проект.

– Похоже, что заголовок, предваривший это интервью, не только аванс проекту... Как говорится, ещё чуть-чуть – и покорите весь шар земной. Успехов Вам!

– И Вам, Лариса, спасибо за беседу.

ОТ КОРНЕЙ ДО КРОНЫ

Интервью с профессором Давидом Бороховым

Любые воспоминания о людях носят, как правило, фрагментарный характер. Потому что в них переплетаются не только события и факты, свидетелем которых был автор, но и рассказы о них то ли членов семьи, то ли друзей или родных. Ещё в юности Давид уехал из родительского дома, учился в Крымском мединституте, а потом, вплоть до репатриации в Израиль в 1990 году, жил и работал в Чимкенте, в Казахстане. Туда он привёз и свою молодую жену Анну, там родились оба их сына – Александр и Борис. Там Давид стал профессором.

– Давид, родословная семьи Бороховых, та, которая отражена в вашем генеалогическом древе, ведёт своё начало с девятнадцатого века...

– Да, мой дед Яков был внуком известного Якова Баруха, автора письма (1818 г.) Российскому императору Александру I «О бедственном положении крымчакской общины вследствие землетрясения и последовавшей за ним эпидемии чумы с просьбой снизить размер податей». Это письмо, написанное на крымчакском языке ивритскими буквами, сейчас находится в архиве библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге.

– А чем объясняется двойное имя Вашего прадеда?

– Скорее всего, древней еврейской традицией давать тяжело заболевшему человеку второе имя. Для того, чтобы, якобы, ангел смерти, пришедший за душой больного, не нашёл свою жертву. Таким образом, все потомки Якова-Баруха и стали носить фамилию Борохов.

– *Кем же был его внук, то есть ваш дед Яков?*

– Яков Исаакович был сапожником и от рождения до смерти жил в Карасубазаре, ныне это крымский город Белогорск. После еврейских погромов, прокатившихся в конце семидесятых годов восемнадцатого века, дед решил уехать в Палестину вместе со всей семьёй. Но репатриация была неудачной: в родах умерла жена, оставив его с тремя детьми. Кроме того, дед оказался профессионально невос требованным – местное население, в своём большинстве, ходило босиком и в услугах сапожника не нуждалось.... Промаявшись несколько лет, он оставил младшего сына в приюте и с двумя старшими вернулся в Карасубазар. Работал, собирал деньги, чтобы съездить в Иерусалим за четырёхлетним сыном Илиягу и вернуться в свой Крым...

– *Интересная история. И как же потом сложилась судьба вдовца с тремя детьми?*

– По возвращению в Крым он поселился в Керчи. Здесь вступил в брак с Саррой Абрамовной Жудо. Союз этот оказался удачным. В семье родилось пятеро детей – три дочери (Шамах, Ревека, Захарий) и два сына (Анисим и Кали).

– *Плюс трое сыновей Якова от первого брака... Как жила семья? Не нуждалась?*

– Со слов бабушки Сарры, их семья могла быть отнесена к семьям среднего достатка. Они купили дом в Театральном переулке. Все мальчики учились в хедере. А после его окончания устраивались для обучения какому-нибудь ремеслу – жестянщика, сапожному, портняжному, шапочному... Девочек обучали швейному мастерству, парикмахерскому делу и домоводству.

– А какой профессии обучили вашего отца, Захария Яковлевича?

– Моего папу отдали в обучение в мануфактурную лавку, где он прошёл путь от «мальчика на побегушках» до приказчика. А в 1914 году началась Первая мировая война, и папу призвали на действительную воинскую службу. В связи со значительным дефектом зрения он служил до 1917 года во вспомогательных частях, расквартированных в Симферополе. Сдружившись там с двумя солдатами, тоже евреями, он впервые узнал об идеях сионизма, сердцем принял их и активно участвовал в сионистском движении. Ужасы гражданской войны, когда обе воюющие стороны, мягко говоря, не отличались толерантностью к евреям вообще и к крымчакам в частности, делали в прошлом спокойную жизнь полной опасности, сомнений и неуверенности в завтрашнем дне. Тогда на семейном совете было принято решение ехать в Палестину.

– И это была уже вторая попытка представителей вашего рода...

– Да. Единственный путь попасть на Землю Обетованную был таков: на борту фелюги добраться до Батуми, а затем с контрабандистами – до Турецкого берега. Уже оттуда либо морским, либо сухопутным путём – до Палести-

ны. Лодка могла взять лишь немногих пассажиров. И тогда решили отправлять семью маленькими группами. Отец и две его старшие сестры с семьями благополучно добрались до Константинополя. Судьба младшего брата, Анисима, была трагична. Их лодку захватили пираты. Анисима и всех пассажиров зарезали. Надо отдать должное турецким властям. Они поймали преступников и осудили их на девяносто девять лет каторги.

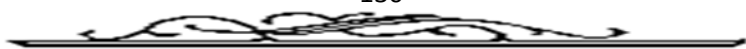
– *Давид, откуда такие подробности?*

– Мой отец видел этот судебный процесс своими глазами. Известие о гибели младшего сына подкосило моего деда. Он так и не оправился от удара и через некоторое время скончался. Так как часть семьи оставалась ещё в Батуми, отец вместе с другими родственниками принял решение вернуться к матери и младшей сестре и покинул Турцию.

– *Так крепки были родственные узы, что отец отказался от заветной мечты...*

– Да. В возрасте двадцати семи лет он поступает в техникум, а после его окончания работает в инфраструктуре Керченского кирпичного завода. Женится он на крымчачке Султан Давыдовне Нейман. Она стала родоначальницей медицинской династии уже трёх поколений нашей семьи. А в тридцать четвёртом появился я. И, в память об отце моей мамы, нарекли меня Давидом. Так мы и жили в своём доме на Второй Митридатской улице, пока в дверь не постучалась война.

– *Давид, расскажите, пожалуйста, о том, как*

благодаря участию вашего отца в, не побоюсь этого слова, патриотической акции многие крымчаки, оставшиеся в оккупированной Керчи, смогли избежать расстрела.

– Когда немцы заняли Керчь, то, согласно законам оккупационных властей, всё трудоспособное население обязано было зарегистрироваться на бирже труда. При этом было оговорено: «за исключением евреев». Это насторожило многих крымчаков: надо ли им регистрироваться? Но за отказ был обещан расстрел. И тогда, по инициативе известного просветителя Исаака Самойловича Кая, собралась группа в составе керченских крымчаков: самого Кая, Валита, Токатлы, Мизрахи и моего отца, Борохова. Они принимают решение сыграть на немецком педантизме и передают в городскую комендатуру этнографические материалы о, якобы, тюркском происхождении крымчаков. При этом прекрасно осознают, что в случае провала этой «операции» первыми жертвами станут они и их семьи. Этот гражданский подвиг на какое-то время отсрочил трагическую гибель людей и спас почти половину крымчакской общины города, насчитывавшей тогда около девяти-сот человек. Люди успели эвакуироваться и спастись от тотального уничтожения.

– Так что и Вашей семье удалось тоже эвакуироваться...

– Удалось. До сорок четвёртого года мы жили в Удмуртии, в Сарапуле, где папа работал на оборонном заводе, а мама – акушеркой в больнице. За выполнение важного заказа оборонной промышленности отца должны были представить к правительственной награде при условии, что он останется на заводе до конца войны. Однако семья ре-

шила вернуться к разрушенному очагу. Через четыре года после тяжёлой болезни умирает мама...

До выхода на пенсию папа работал на закрытом оборонном предприятии. Перенесённые тяготы и болезни оборвали его жизнь. Я знаю, что он, как и его отец, мечтал жить на земле предков, в Израиле. А мама очень хотела, чтобы я стал врачом. Мне удалось воплотить мечты своих родителей и передать их своим детям вместе с изречением, оставшимся от моего деда: «Гордиться своими предками могут лишь те, за кого эти предки краснеть бы не стали».

Послесловие к интервью

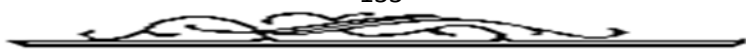
Сегодня, спустя более четырёх десятилетий после ухода из жизни Захария Борохова, я мысленно возвращаюсь в те двадцать лет своей жизни, фрагменты которой всплывают в памяти яркими картинками. Яркими потому, что окрашены они самым образом этого человека.

В нашей семье и семьях папиных родных взрослые обращались к нему почтительно: «Захарий Яковлевич», хотя обычно старших по возрасту крымчаки по отчеству не называли. К мужскому имени добавляли слово «акай» (дядя), а к женскому – «апай» (тётя). Нам, детям, Захарий Яковлевич доводился двоюродным дедушкой, но дедушкой он не выглядел. Был моложав, высок, подтянут, всегда аккуратно и со вкусом одет в строгий костюм, непременно при галстуке. Носил очки с толстыми стёклами, а за ними угадывался добрый взгляд. С губ как будто не сходила чуть сдержанная улыбка. Создавалось впечатление, что он всегда рад встрече и общению. А впрочем, даже и не казалось – так было на самом деле. Наверное, ещё и по-

этому при встрече хотелось с ним поговорить, пообщаться и получить ответы на все свои вопросы. Помню, усаживал меня где-то в сторонке, терпеливо выслушивал и, не торопясь, отвечал на все «зачем» и «почему». Рассеивались мои сомнения, все становилось простым и понятным. Но право принять решение он всегда оставлял за мной. Помню, прочитал что-то из моих первых «журналистских проб» и сказал: «Умница. Продолжай работать и больше читай...». И когда у меня что-то не получалось, мысль не шла, заходила в тупик, я оставляла перо и погружалась в чтение. Наш дядя Захарий и сам был человеком образованным, начитанным, хорошо знал историю, читал Тору в оригинале на древнееврейском языке, прекрасно разбирался в текущей политике, но старался обходить эту тему. Потому что слово, сказанное невзначай, могло обернуться бедой — мало ли людей сгноили в тюрьмах и ссылках...

В своих публикациях я не однажды вспоминала о дяде Захарии, ведь детская память очень стойкая. Вот мне пять лет. Апрель 1946 года. Вечереет. В доме нашем чистота и уют — весь день мы с мамой наводили порядок, готовили традиционную праздничную еду. Вместе со старшей сестрой мы старательно прочерчивали листики мацы специальным резцом ручной работы и не могли дожидаться, пока наши изделия будут готовы. Они так вкусно пахли поджаренной пшеницей...Запечённые в духовке яйца, жареную курицу, хрен, мацу и другие пасхальные яства мы укладываем в сумку. Меня и сестёр одевают в праздничную одежду, и уже по темноте, чтобы, как говорит мама, «не

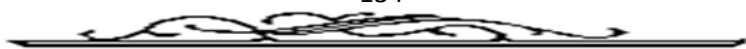

мозолить глаза соседям», мы отправляемся к дяде Захарии и его жене, замечательной и доброй тётё Шура (Султан). Все вместе накрываем на стол. Тётя Шура хлопочет возле нас, детей. А дядя Захарий раскладывает на краю стола все, что нужно для пасхального седера. Я помню его старинные молитвенники и толстые книги, стоявшие на книжной полке. От них исходила какая-то тайна и совершенно особый аромат времени что ли... К пяти годам я уже выучила все буквы русского алфавита, но прочесть название книг не могла, потому что написаны они были на иврите.

Торжественного момента, когда дядя Захарий начнёт свой рассказ, обращаясь, в первую очередь, к нам, детям, я ждала, затаив дыхание. А он, взяв листик мацы, в котором был выломлен один сектор, спросил у меня – самой младшей из детей, уже умеющих говорить: «Скажи, ты знаешь, почему я так поломал мацу?» Я отвечала, что нет, не знаю. И тогда он начинал свой неспешный рассказ о том, почему и как вышли евреи из Египта, кто вывел их из рабства и потом сорок лет водил по пустыне, пока не привёл на Обетованную Землю. Мы слушали эту историю, как самую интересную сказку. Сейчас я думаю, что так доходчиво и понятно он рассказывал её не столько взрослым, сколько нам, детям. Чтобы она запомнилась, и чтобы здесь, на земле Израиля мы не чувствовали себя чужими (наверное, был уверен, что рано или поздно обретём на ней свою вторую родину). Может показаться странным, но вот уже почти два десятилетия моей жизни на этой земле, в пасхальный вечер вместе с зажиганием свечей ко мне в дом входит образ нашего дяди Захария...

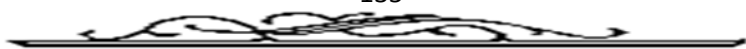
Семьи папиных братьев дружили между собой.

Ни одно важное решение без Захария Яковлевича не принимали. Его мнение было для всех авторитетно и весомо. Вот написала – и нарисовалась картинка: сидят все за чайным столом в виноградной беседке. На блюде тошме – пирог со свежей вишней, только что испечённый моей мамой, горка хвороста, припорошённого сахарной пудрой, подсушенные на солнышке пластинки сливового повидла, пиленные кусочки рафинада в сахарнице. И шумная беседа. Братья горячо о чем-то спорят – все темпераментны, не сдерживают эмоций и чувств, перебивая друг друга, пытаются доказать каждый своё. А дядя Захарий слушает и молчит. Но как только он начинает говорить, все сразу замолкают: в его словах – истина...

Почти полвека прошло, как нет его с нами. Но образ мудрого, просвещённого человека идёт со мною по жизни рядом. Особенно с тех пор, как я живу в Израиле. Впервые приехав в Иерусалим, у входа в музей Яд ва-Шем увидела я картину скорбящего иудея, плечи которого покрывал талит. Как молнией пронзила меня эта картина. Словно всплыла она со дна памяти, из далёкого детства и вернула меня в дом дяди Захария. Вспомнилось, как я, пятилетняя девочка, долго стояла перед точно такой же картиной, обрамлённой небольшой рамкой. Картина та вызывала во мне непонятную печаль, от которой я долго не могла освободиться. Но здесь, в Иерусалиме, меня захлестнули самые светлые чувства. Почему? Столько лет мои прапрадеды стремились сюда, в Иерусалим, но жизненные перипетии не позволяли им вернуться на землю их предков. Вот и моему дяде Захарии тоже не удалось осуществить свою мечту. Я же хорошо помню, как после каждой пасхальной молитвы на иврите он произносил по-русски: «В будущем

году в Иерусалиме...». Для нас, детей, он говорил это на понятном нам языке.

Ни одна встреча с Давидом не обходится без наших воспоминаний о его отце – этом светлом человеке. А недавно Давид показал мне тетрадку в клеточку, какими пользовались мы ещё в свои школьные годы. Ровным, аккуратным почерком в неё были вписаны данные крымчаков Керчи, проживавших в нашем городе в начале шестидесятых годов. Рискаю нажать себе неприятности, которые можно было ожидать от тогдашних властей, он тайно ходил по квартирам и вёл перепись населения нашего малочисленного народа, который советская власть вообще не признавала. Я листала эти ветхие страницы, читала в них все данные членов нашей семьи и семей близких – тех, которых давно уж нет в живых, и чувства благодарности к дяде Захарии вновь захлестнули меня.

След в истории крымчакской общины Керчи он оставил весьма заметный. Его «Воспоминания», связанные с трагической страницей нашей народности, были приведены в книге «Изгнанники Израиля». А передал их автору – второму президенту Израиля профессору Бен Цви двоюродный брат дяди Захария, Моисей Борохов, живший тогда в Тель-Авиве. А уж с каким риском для себя и своей семьи передавал брату эти «Воспоминания» сам дядя Захарий, находясь в Керчи, и говорить не приходится... Сделать это было нелегко. Книга «Изгнанники Израиля» переиздавалась уже несколько раз и есть во всех библиотеках Израиля. Сами же «Воспоминания», написанные рукой отца, Давид подарил музею Яд ва-Шем.

Такие люди, как Захарий Борохов, не умирают, такие люди остаются жить в нашей благодарной памяти.

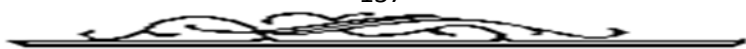
« МУЗЫКУ ПИШУ ДЛЯ ВАС »

так сказал композитор Валерий Слуцкий

Поржавевший обруч, когда-то скреплявший надутые бока бочонка, подпрыгивал на ухабинах изрядно разбитой булыжной мостовой. Малыш катил этот обруч с помощью загнутой на конце крепкой проволоки и старался не отклоняться от воображаемой колеи. Но, похоже, главным для него было не столько само это занятие, как таковое, сколько ритмы, которые улавливались и в его стремительном беге, и в музыке, которую издавало колесо. Ритмы эти были похожи то на звон металла, то на гулкую барабанную дробь, то на прощальное курлыканье журавлей, улетающих за облака. Мальчик крутил своё колесо до тех пор, пока где-то внутри его самого не выстроился некий музыкальный ряд. Бросив свою забаву у порога, он вбежал в дом и открыл рояль. Пальцы заскользили по клавишам, и дом наполнился неровными ритмами. В них угадывалось звучание то духовых, то ударных, то шумовых инструментов.

– Да ты, сыночек, будешь у нас джазменом, – похвалила Тамара Михайловна. Она подсела к Валерке и, уловив сыгранную им мелодию, симпровизировала музыкальную фразу. – Ты это услышал?..

Мальчишка согласно кивнул, и руки его вновь забежали по клавиатуре, извлекая из неё продолжение мелодии.

Наверное, это и было началом того, что стало потом главным в жизни. А может, истоки лежали ещё глубже, в том времени, когда Тамара Михайловна Рафаилова только ожидала рождения сына. Она не была музыкантом, но пела и играла на фортепьяно и гитаре так, что впору было забыть обо всём и слушать, слушать только её...

И ей самой любовь к музыке передалась от Валеркиной бабушки. Симха-Това Бакши-Сарач. Да кто же из крымчаков – малочисленного самобытного и талантливого народа не знал эту певунью?! А как танцевала она ритуальный танец хайтарму...

Столько лет минуло, считай, полвека. Образ жизни нынче совсем другой, в прошлом осталось всё, что было связано с национальными обычаями, семейным укладом. И песни старые как будто бы давно забыты, и хайтарма теперь слышится как отзвук чего-то далёкого, но такого родного. Как-то Валерий Яковлевич услышал в записи старые крымчакские песни, исполняемые без музыкального сопровождения. Пели пожилые люди, ещё знавшие свой родной язык. И такая тоска о прошлом нахлынула, что вспомнилось всё, проявились какие-то детали, подробности, всплыли картинки времён юности...

Вот с этого момента мы и поведём разговор с композитором, заслуженным деятелем искусств Автономной Республики Крым, лауреатом Государственной премии Крыма, академиком Международной Академии Духовного и Правового единства народов Мира Валерием Слуцким.

– Валерий, представляя тебя, я не стала перечислять все твои регалии и звания, потому что это заняло

бы много времени и места. Давай начнём с темы нашей национальной культуры, в частности с того, как родился вот этот диск «Песни исчезающего народа»?

– Видишь ли, к этой теме я вернулся сравнительно недавно, когда повсеместно стали создаваться культурно-просветительские национальные общества. Наше стало называться «Кърымчахлар» («Крымчаки»). Тем, кто стоял во главе его, пришлось нелегко – собирали буквально по крупицам то, что осталось от нашей культуры после массового уничтожения крымчаков фашистскими палачами в годы войны. Я возглавил музыкальный отдел общества, писал песни на стихи национальных поэтов. Например, у меня есть песня на стихи Нины Бакши (Карасубазарской) «Красавица-крымчачка», написал и «Крымчакский блюз», который исполнял вместе с известным саксофонистом и кларнетистом Виктором Ломброзо. Помню концерты и творческие вечера, которые проводил вместе с музыковедом Майей Гурджи и пианистом-вокалистом Владимиром Бакши.

– А что касается диска?..

– А здесь мне помогла и генетическая память, и память о юности. Мне довелось, например, играть на крымчакских свадьбах вместе с такими виртуозами, как Виктор Ломброзо, трубач Леонид Хондо, баянист Исачка Ломброзо. Без этого вряд ли я смог бы сделать аранжировку песен и танцев, сложившихся в нашем народе. Я обращался к музыкальным национальным энциклопедиям, использовал накопленный багаж восточных мелодий. Потребовалась максимальная концентрация памяти и навыков. Может показаться странным, но помог мне в создании аранжировки один старый рок-н-рол.

– И это при том, что наш музыкальный фольклор изобилует не только типичными для него шуточными песнями, песнями-присказками, но и песнями-плачами, песнями-молитвами, обращёнными к Богу...

– Представь себе, что да. В творчестве, как ты знаешь, всё, что несёшь в себе, рано или поздно может вызвать определённые ассоциации. Причём, самые, на первый взгляд, неожиданные. И эти ассоциации могут стать основой произведения. Но не будем вдаваться в эту кухню...

– Да, конечно. Как бы там ни было, а работа эта тебе действительно удалась. Выдержаны стиль, характер, колорит музыки. Я вот тоже слушаю и вспоминаю, как некоторые песни, собранные в диске, пели и мои родители. Насколько мне известно, подобное собрание песен пытались возродить композиторы разных стран мира, где нынче живут крымчаки. Но попытка не удалась.

Очень проникновенно отозвалась о твоём творчестве преподаватель Музыкальной Академии в Вашингтоне, пианистка Софа Колпакчи, в совершенстве владеющая крымчацким языком. Она пишет: «Ты и сам не представляешь, какую уникальную работу сделал для своего маленького, но гордого народа, который на века сохранит твоё имя! Нигде поэтическая народность музыки не выступает с такой картинной убедительностью, как в этом истинно крымчацком альбоме! Эстетика его покоится на обострённой наблюдательности, опыте целой жизни. Так звукозаписать природу крымчацкой музыки в бесчисленных оттенках – ярких, тусклых, бодрых и спокойных, но истинно

крымчакских красок – мог только человек, страстно любящий и глубоко знающий эту природу. Этика же этого альбома в том, что утверждается идеал мирных чувств, истинная красота народной музыки!»

– Спасибо ей за эти тёплые слова и такую профессиональную оценку. А знаешь, она размножила этот диск и разослала его крымчакам, живущим в европейских, азиатских и африканских странах. Такое подвижничество радует и вдохновляет.

– Валерий, я хотела коснуться очень больной темы, отображённой в твоей музыке...

– Знаю, какой. Наше поколение – это дети войны или те, на чьё детство пришлись тяжёлые послевоенные годы. И эта тяжесть не уходит из нашего сердца. Вот и ты пишешь в своих книгах о том, что хранит стойкая детская память, и о том, что мешает нам спокойно жить сегодня. После того, что случилось с Нью-Йоркскими близнецами, я написал Пьесу для фортепьяно с симфоническим оркестром «Ранняя осень – 11 сентября 2001 года». На партитуре значится: «Памяти людей планеты Земля, погибших от террористических актов, посвящается». Пьеса эта и сегодня в репертуаре симфонического оркестра Крымской государственной филармонии. Дирижёром там – народный артист Украины Алексей Гуляницкий.

– Это о ней когда-то очень тепло отозвался Андрей Эшпай. Пьеса хотя и на трагическую тему, но несёт она собою жизнеутверждающие послылы, потому что подобному кошмару уже не бывать, ведь человечество должно понять, что мир на грани исчезновения. Где-то лирическая мелодия прерывается, и мы слышим

гул самолётов, слышим, как всё рушится и понимаем, что люди перед подобным злом беззащитны. И всё же ты веришь, что настанет час, когда на планете нашей будет полная гармония. И веру эту вселяешь своей музыкой. Да, кстати, несколько слов, пожалуйста, о рождении музыки. Её ведь ты пишешь не только, откликаясь на события. Верно?

– Ну, это когда как случается. Вот, например, как-то прочитал в «Крымских известиях» стихотворение поэта Людмилы Шершнёвой «Русское слово». И родилась идея написать гимн этому самому русскому слову. Пришлось немного переделать стихи, добавить припев. Получился «Гимн русскому слову». С тех пор он стал как бы заглавным на традиционном фестивале «Великое русское слово», который ежегодно проходит у нас в Симферополе 6 июня на площади у драмтеатра имени Горького, рядом с которым есть памятник Пушкину. А впервые гимн прозвучал на третьем Международном форуме русистов Украины, проходившем в музыкальной гостиной Ливадийского дворца. Исполнила его народная артистка Украины Елена Басаргина.

– Валерий, известно ведь, что каждый композитор мечтает найти поэта, близкого по духу. На чьи стихи ты пишешь музыку, и кто из известных певцов исполняет твои произведения?

– Так сразу всех и не вспомнить, ведь на моём счету более семисот произведений и их исполняли и исполняют разные певцы, в том числе и весьма популярные. Ну, вот, например, когда-то Юрий Гуляев пел их, Юрий Богати-

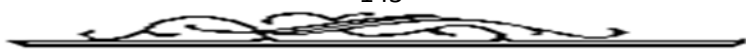

ков, Иосиф Кобзон, Лев Лещенко, Ирина Панаровская, Лариса Долина, заслуженная артистка Автономной Республики Крым Лариса Тимофеева и многие другие. А пьесу для саксофона с оркестром «Я синей птицей полечу» исполнял эстрадно-симфонический оркестр СССР под управлением Александра Михайлова. Позже я написал к этой мелодии стихи, и в переводе на английский язык песню исполняла Лайза Флай. Без ложной скромности скажу, что песни мои звучат во многих странах мира. Более десятка песен написано и на стихи известного писателя, поэта, бывшего военного корреспондента Александра Лесина. Одна из них «Уходят от нас побратимы» прозвучала на творческом вечере по поводу моего пятидесятилетия. Присутствовал на нём легендарный командир батальона Степан Андреевич Неустроев, который вместе с Кантария и Егоровым водружал знамя победы над Рейхстагом.

– Знаю, ты пишешь не только музыку, но и стихи, и сам их поёшь...

– Да, случается. Но главное не это. Главное в моём творчестве – это создание музыкальных произведений. У меня даже есть такая песня, которая называется «Я музыку пишу для вас». Несмотря на то, что работаю в разных жанрах, мне тесно бывает в рамках одних и тех же ритмов. И потому любимым жанром остаётся всё-таки джаз. Многие мои песни звучат как джазовые импровизации. Например, песня «А жизнь – всего лишь взмах ресницы» на стихи известного украинского поэта Александра Коротко. С ним у меня написано более десяти песен.

– И так джазовая музыка становится песней. Выходит, не случайно тогда, в далёком детстве мама тебе

предрекла судьбу джазмена?.. Вообще судьбу песни решает время. Правильно? Есть у тебя такие произведения, которые выдержали испытание временем?

— Не могу этого сказать обо всех песнях. Некоторые, написанные ещё в семидесятые годы, звучат и сегодня. Но вот десять моих произведений Московский филиал Международной Академии Духовного и Правового единства народов Мира определил как не имеющие аналогов. На фестивале «Крымская радуга», в котором принимали участие все национальные общества и общины Крыма, апофеозом прозвучала песня «Мои друзья» — слова и музыка мои. Сам же я её и исполнял, а подпевали все участники фестиваля. Одна из них — «Гимн добру» на стихи известного украинского поэта Бориса Олейника. Эта песня находится в музее Фонда культуры Украины. А диск с песнями, о котором мы с тобой уже говорили, — в единственном в мире музее крымчаков. Это у нас, в Симферополе. Ну, вот ещё песни, вошедшие в эту десятку: «Покаяние», «Мы — славяне». А песня «Я очень любила Отчизну» о юной ялтинской подпольщице Наде Лисановой, расстрелянной фашистами, звучит уже более тридцати лет в школе, в которой училась Надя, и на теплоходе «Надя Лисанова» Ялтинского морского пароходства. Песня стала своеобразным памятником подвигу подпольщицы и является достойным героической летописи Крыма и Украины. Её исполняла народная артистка Украины Зоя Рудник. С заслуженным работником культуры Крыма, поэтом Валерием Субботенко мы написали более двадцати гимнов, посвящённых городам, районам, предприятиям... В том числе и аэропорту «Заводское», пилоты которого работают в восемнадцати странах мира и каждый новый день начинают этим гимном. Особенно мне дорог гимн городу

Карасубазару (Белогорску), где зародился наш крымчакский этнос.

– Валерий, ты занимаешься и общественной деятельностью, подготовкой праздников, фестивалей, вечеров, концертов... Имеешь дипломы, награды, почётные звания. А недавно узнала о присвоении тебе титула «Рыцарь Мальтийского Ордена Святого Иоанна Иерусалимского». Расскажи, пожалуйста, об этом Ордене и о том, за какие заслуги посвящён в рыцари.

– Мальтийский Орден зародился в период крестовых походов на Святую Землю. На протяжении своей истории Орден менял местонахождение, и рыцари назывались по географическому признаку, оставаясь при этом «рыцарями Святого Иоанна Иерусалимского» или «рыцарями-госпитальерами». Сама история Ордена оказалась тесно связанной с историей России, особенно в период царствования Павла I, который был протектором Ордена, а потом и Великим Магистром. А символом Ордена является белый восьмиконечный мальтийский крест. Это как символ медицины и гуманитарной помощи.

– Это понятно, Валерий. А какое отношение к Ордену имеешь ты, будучи музыкантом?

– Известно ведь, что нуждающимся в госпитализации помощь оказывали рыцари-госпитальеры. Собственно, это и являлось их основной деятельностью. И в наше время их назначение такое же. Сегодня несколько сотен госпиталей и медицинских центров Мальтийского Ордена открыты в восьмидесяти странах, в том числе и на Украине. А я не раз давал благотворительные концерты в этих медицин-

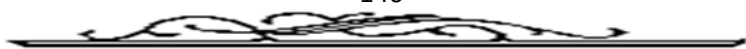
ских учреждениях, поддерживаю с ними связь, помогаю, чем могу. И когда мне позвонили из Центра и сообщили, что я посвящён в рыцари этого Ордена, конечно, обрадовался. А вскоре мне вручили соответствующий документ.

– И что, он наделяет тебя какими-то полномочиями?

– Видишь ли, сам Орден сегодня находится в Италии, в Риме, но он является государством и поддерживает дипломатические связи со 104 государствами мира. Я, как рыцарь, теперь являюсь полноправным гражданином Ордена и по удостоверению, выданному им, могу свободно въезжать в эти страны, участвовать во встречах, симпозиумах.

– Как человеку творческому, это позволит тебе набираться новых впечатлений, завязывать знакомства с интересными людьми, а значит, появятся и новые музыкальные произведения. Известно, что те, которые ты уже создал, стали любимыми не только в Крыму и на Украине, но и в других странах мира. Так пусть твои песни, как птицы, всегда будут перелётными.

– Спасибо, Лариса, за приятную беседу.

«Я НЕ ВЫБРАН, НО Я – СУДЬЯ!»

**сказал о себе словами Александра Галича
профессор Фёдор Лясс**

Шестьдесят лет тому назад, 13 января 1953 года в центральных газетах СССР в «Хронике ТАСС» было опубликовано сообщение об аресте группы врачей, обвинённых во вредительстве. А газета «Правда» открывалась редакционной статьёй «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», в которой уточнялось, что арестованные врачи, объединённые в «террористическую группу», будучи на службе у иностранных разведок, ставили своей целью путём вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза. По сути, из профессоров-врачей, в основном евреев, Сталин, активно готовясь к военному конфликту, делал врагов народа. Была обезглавлена вся верхушка кремлёвских врачей и врачей других крупных медицинских учреждений.

5 марта 1953 года Сталин умер. Но умереть – это не значит исчезнуть из истории. Поэтому главное – найти в ней место для Сталина и воздать ему должное. Сталин – вождь и вдохновитель одной из самых чудовищных диктатур, которые когда-либо знала история. Наша беседа – с профессором, доктором медицинских наук Фёдором Ляссом, автором вышедшей в Иерусалиме, в издательстве «Филобиблон» книги «Поздний сталинизм и евреи».

– Фёдор Миронович, уже самим названием книги Вы вводите читателя в атмосферу политической жизни Страны Советов, царившей в послевоенном времени под прямым и непосредственным руководством Сталина. Лейтмотивом романа проходит тема еврейского сопротивления злой воле вождя, направившего страну на развязывание нового военного конфликта с целью нанесения окончательного удара по капиталистической системе и насаждения всемирного социализма-коммунизма. Кстати, я сказала «романа», но это не совсем так... А как Вы сами определяете жанр книги?

– Эта книга не укладывается в рамки определённого жанра. Это и документальная публикация, и научно-историческое исследование, и мемуары, и историография, и даже острая полемика. Основных тем, освещаемых в книге, – четыре: о злейшем недочеловеке Сталине и его безропотных, покорных холопах; об антисемитизме, как основе внутренней и внешней политики СССР; о еврейском сопротивлении, сыгравшем ключевую роль в том, что сталинские планы, и в частности расправа над врачами, не успели осуществиться. Наконец, о провалившемся намерении ещё одной попытки окончательного уничтожения еврейского народа.

– Предваряя книгу, Вы особо отмечаете, что сейчас, по данным социологов, почти половина населения России уверена, что «отец народов» сыграл в истории положительную роль и хочет видеть во главе страны «нового Сталина». В определённых кругах России, в работах ряда историков и журналистов имеется тен-

---

денция обелить Сталина, превознося «успехи» в так называемом послевоенном социалистическом строительстве. И вместе с тем замалчивается цена, которую платили жители страны, и ставится под сомнение наличие у Сталина планов ужесточения репрессивных мер по отношению к населению, в частности по отношению к евреям.

– Это на самом деле так. Карательная машина, заведённая Лениным, – эта «мыслящая гильотина» – так её характеризовали многие и недруги, и соратники, бесперебойно работала до самой кончины Сталина. И главным результатом этой работы была смерть. Если принять официальные цифры за достоверные, то не трудно подсчитать, что в течение двадцати лет каждые пятнадцать минут приводился в исполнение расстрельный приговор. За час убивали четверых ни в чём не повинных людей, сто – за сутки. И так без перерыва все двадцать крошечных лет. Ежедневно в лагерях, тюрьмах и поселениях гибли до двух тысяч заключённых. Нормальному человеку трудно представить себе весь размах сотворённого Сталиным «праздника смерти». Он убивал, чтобы властвовать и властвовал, чтобы убивать.

– Переходя от страницы к странице, я поражалась, знаете чему? Тому, какой труд предшествовал написанию книги. Редко в каком издании можно проследить весь исторический путь, который проделал советский народ в период властвования Тирана. Это голодомор и его последствия в 1932 – 1933 годах. Это и политические судебные процессы, и террор со стороны власти, которые опутывали народ мифом о внутренних и внешних врагах и доводили его до полной деградации...

Ваша книга – это как учебное пособие по советской истории. К сожалению, несколько поколений людей изучало историю страны по совершенно другим источникам, таким, какие были выгодны нашим вождям, вернее нашему вождю...

– Вы правы. Потому что тотальный страх, насилие и террор определяли нашу жизнь во всё время правления Сталина. И самое страшное то, что террор был сотворён над мыслящей частью общества, над интеллигенцией, а затем и над всем советским народом. По данным историков, демографов, общее число граждан СССР, подвергшихся репрессиям в виде лишения или значительного ограничения свободы на более или менее длительные сроки (в тюрьмах, лагерях, колониях, спецпоселениях и т. п.) с конца 1920-х по 1953 год составило не менее 40 000 000 человек. В этот период был осуждён практически каждый третий дееспособный член общества. Пожалуй, в стране не было семьи, в которой не было бы жертвы, так или иначе пострадавшей от большевистского мракобесия. Помимо реальных физических потерь, сталинская репрессивная политика растлевала и уничтожала морально. Советская власть за эти годы сотворила «совков» – заурядных представителей населения, которые создавали промышленность, трудились в сельском хозяйстве, развивали культуру, здравоохранение. Все это происходило под ежесекундным страхом, непониманием его пагубности и разрушительности.

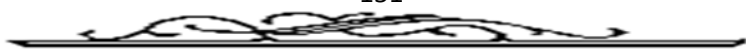
– Скажите, а что послужило выбору темы книги, в которой Вы понятие «поздний сталинизм» связываете с судьбой еврейского народа?

– Дело в том, что именно в это время еврейский народ

должен был сыграть определённую роль при реализации коварных замыслов Сталина, направленных на завоевание мирового господства. Я заострил своё внимание на «еврейской проблеме», так как образовалась ситуация очень напряжённая по отношению к еврейскому населению. Практически дело шло к геноциду евреев. Грозило их полное уничтожение как этнической общности. В стране в период Позднего сталинизма изменилось официальное отношение к евреям. Антисемитизм стал неотъемлемой составляющей политики большевистско-коммунистической партии и советского государства. «Война – Сталин – Евреи» – эти политические, социальные категории соединились в зловещий взаимосвязанный треугольник.

За многовековую историю евреев над ними не раз нависала опасность их полного уничтожения. Как правило, к реализации этих преступных акций – гонениям, притеснениям, погромам, депортациям привлекался не только весь партийный аппарат, но и практически все государственные структуры власти. И о них, их действиях мы многое знаем. А вот о запланированных, но не осуществлённых – недостаточно. Вскрыть причины провала хорошо идеологически продуманной и технически оснащённой акции важно не только для истории вообще, но и для настоящего и будущего любого народа, в частности, для любой этнической группы. А евреи в этом ряду всегда стояли на первом месте. Вот о таком сорванном геноциде советских евреев, начальные мероприятия которого уже были реализованы в виде судебного «Дела ЕАК» и следствия по «Делу профессоров врачей-вредителей», я постоянно думаю уже более пятидесяти лет и, наконец, мои мысли реализовались в виде книги, которая у Вас в руках.

– Вообще-то материалы по «Делу Еврейского антифашистского комитета» и «Делу врачей-вредителей», о преследовании еврейской элиты широко известны...

– Широкое освещение в научной и публицистической печати материалов по преследованию и расправе над еврейской элитой не снимает многих вопросов и не всё, с моей точки зрения, правильно истолковывается. Взять хотя бы медицинские аспекты «Дела врачей-вредителей», которые у историков вообще выпали из поля зрения. А если к ним и обращаются, то непрофессионалы, которые допускают грубые ошибки, с медицинской точки зрения. Согласитесь, таких моментов много. Хотя бы тема о причине смерти Сталина, о роли Лидии Тимашук в ходе следствия по делу врачей, о диагностике сердечной патологии А.А.Жданова.

Важное место занимает дискуссия о планировании Сталиным депортации еврейского населения из промышленных центров страны в районы дальнего Севера и пустыни Казахстана, а также трансформация текста письма высокопоставленных советских евреев в газету «Правда» с просьбой сослать евреев для освоения «просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера».

Совсем выпала из внимания оценка роли и значения профессиональной деятельности арестованных «врачей-вредителей», «варваров в белых халатах», «злостных отравителей», «врачей убийц, ставших извергами рода человеческого», «подлых шпионов и убийц под маской врачей». Спорны заключения экспертов о роли личного письменного обращения И.Г.Эренбурга напрямую к Сталину, будто бы заставившего «дать отбой» судебному гонению на евреев и свёртыванию «дела врачей-вредителей».

Но самое главное: знакомясь с рассказами моей мамы и повествованиями её подельников о тюремном и лагерном периоде, изучая опубликованные документы и материалы, я пришёл к одному очень важному заключению.

– *К какому?*

– К тому, что на всех этапах подготовки и осуществления «Последнего политического судебного процесса Сталина, состоящего из «Дела ЕАК» и следственного периода «Дела врачей-вредителей», нашлись евреи, которые, будучи в тюремных застенках, по мере сил и вопреки возможностям, противодействовали Сталину и его подручным из МГБ. И в результате победили. Впервые Сталин и его приспешники не смогли одолеть тех, кого представили врагами народа. Им не удалось устроить грандиозный показательный судебный процесс, в котором антисемитизм должен был сыграть определяющую обвинительную роль. Это главная причина, почему я – клиницист с пятидесятилетним врачебным стажем – решил взяться за несвойственный мне литературный труд, поглотивший все последние двадцать лет. Причина, побудившая меня взяться за перо, это окрепшая вера в то, что живое свидетельство очень важно для тщательного анализа и оценки исторических фактов.

– *Примите моё признание, как одного из благодарных читателей вашей книги. Листая её страницы, я, кажется, вместе с Вами прошла весь долгий путь длиною в десятилетия. Я поражаюсь тому, скольких моральных и душевных сил стоила Вам работа над этим материалом. Согласитесь, полвека всё это носить в себе и потом ещё два десятилетия, что называется,*

кровью своей писать о том, о чём сердце болит, это ли не риск? Не боялись, что может не хватить сил?

– У меня не было выбора, потому что носить в себе всё это я не мог. Знаете, Лев Николаевич Толстой писал: «Слово – есть поступок». Но молчание – тоже ведь поступок. И молчать я не смог.

– Понимаю, тем более, что, например, «Дело врачей-вредителей» коснулось непосредственно и Вашей семьи. Я не пропустила ни одной строки из многочисленных протоколов допросов Вашей мамы, до ареста работавшей врачом в кремлёвской больнице. Они лучше самых ярких описаний говорят о чудовищных методах работы эбистов, доводивших обвиняемых до потери моральных и физических сил, и приёмах, подавляющих психику и волю. Самые стойкие не выдерживали. Скажите, Фёдор Миронович, как Вам удалось добыть секретные документы, которые столько лет хранились за семью печатями, и насколько велика была переписка с официальными органами?

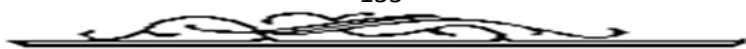
– Мои многочисленные попытки добыть секретные документы не заслуживают внимания читателей. В результате у меня появилась возможность держать в руках, читать, выписывать текст из «истории болезни», которая сопровождала маму в Институте судебной психиатрии имени Сербского, а также её «следственное дело» под №5522 Министерства государственной безопасности. И благодаря моей врачебной профессии мне удалось разобратся в этих делах. Было это в смутное время горбачёвской перестройки, повлиявшей на кратковременное смягчение взаимоотношения между просителем (это я) и руко-

водством страной (включая начальство из грозного заведения под названием КГБ-ФСБ). Сначала я ознакомился с «историей болезни», потом – с протоколами и документами из четырёх томов маминого следственного дела. И осознал, что эти документы выходят за рамки семейного интереса, что они – лучшие свидетели эпохи «позднего сталинизма». Знаете, я не взялся бы за написание этой книги, если бы не был уверен, что смогу сказать нечто новое об одном из самых страшных периодов жизни в моей бывшей стране. Я не стал бы писать, если бы не осознал необходимость отдать должное людям, которые смогли победить страх перед палачами и осознать, что от их поступков зависит и их собственная судьба, и судьба народа, к которому они принадлежали. Именно эти люди повернули ход советской истории.

– Ваша книга, как говорят полиграфисты, вышла «в свет» в электронном варианте. В виде интернет-книги. Ранее все ваши книжные издания были в бумажном варианте. Вы отказались от бумажного издания? Это что, дань моде?

– Скорее не моде, а серьёзным успехам в развитии высоких технологий и, в частности, интернет-книги. Издание бумажных книг медленно, но верно сокращается, а на смену приходят книги электронные. Так же неумолимо растёт число электронных библиотек. Уходят люди, читающие с бумаги, им на смену приходит поколение восьмидесятых, предпочитающее читать с экрана. Удорожание бумажных книг приводит к снижению покупательского интереса и, как следствие, тиражей. Я, с первых шагов существования электронных периодических изданий, электронных библиотек и интернет-книжных магазинов, чис-

люсь среди их пользователей. Журнал, который организовал 14 лет тому назад Евгений Беркович, «Заметки еврейской истории» – яркий пример этого прогрессивного явления. За эти годы журнал оброс новыми авторами и приложениями. Да и я сам пользуюсь его помощью. За время существования журнала на его страницах нашли место 30 моих публикаций. Фактически бесплатно. И спасибо за это Евгению Берковичу и его команде. Финансовые вопросы имеют немаловажное значение. Если для автора издание книги, как моей, в 600 страниц и множеством иллюстраций тиражом в 500 экземпляров обойдётся цифрой не менее, чем с четырьмя нулями, то для издания такой же книги в электронном виде с неограниченным тиражом цифрой только с двумя нулями. Для читателя приобретение интернет-книги ограничится цифрой с одним нулём, а скорее всего, окажется вообще бесплатным. Единственное условие – иметь стационарный или переносной компьютер.

– Спасибо за беседу, Фёдор Миронович, и за то, что Вы нашли в себе силы донести до нас новую информацию о времени позднего сталинизма, хотя было это и нелегко.

– Знаете, мне вспоминаются строки из песни Александра Галича:

«Так вот, значит, и спать спокойно,
Опускать пятаки в метро?!

А судить и рядить на кой нам?!

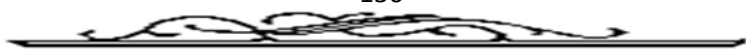
«Нас не трогай, и мы не тро...»

Нет! Презренна, по самой сути,

Эта формула бытия!

Те, кто выбраны, те и судьи?!

Я не выбран. Но я – судья!»

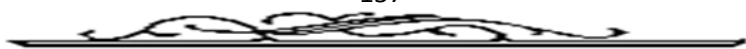

«МОЯ ВЧЕРАШНЯЯ ДУША»

«Как правило, мои рисунки не являются изображением чего-то конкретного. Поводом для их создания, наряду с реальными предметами, лицами, явлениями, могут быть ассоциации, вызванные кем-то или чем-то. Поэтому не стоит в них искать скрытый смысл. Попробуйте проникнуться ими, как проникаются музыкой, и, возможно, откроется нечто близкое только Вам, откроется нечто, волнующее только Вас».

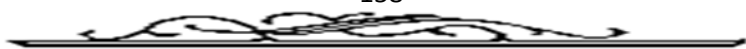
Прочитала я совет автора этих строк Семёна Каплана перед тем, как посмотреть его работы, и первое, что произошло, это один из его рисунков молниеносно взорвал мне душу. Нет, в тот момент я не прониклась звуками музыки. В тот момент меня оглушили стоны, крики, плач... Я смотрела на череду искорёженных шестиконечных звёзд, зияющих чернотой подземелья. А в них тонули жертвы, захлёбываясь последними вздохами. Лица, лица, лица... Рядом, на соседней странице книги Елены Текс «Мой сад камней», вышедшей в Израиле, – её стихи, озвучившие рисунок Семёна. Или это сам рисунок – как иллюстрация к ним... Так тесно переплелись мысли художника и поэта, для которых тема Холокоста – как заноза, которую не вытащить из больной души. Вот и плачет она, изливая свою печаль через карандаш и через строки: «Разнузданно заумная эпоха –/ Оглохшая, лишившаяся эха,/ С кривой гримасой боли вместо смеха,/ С отчаянным молчаньем вместо вздоха./ Мы, копошащиеся в ней устало,/

Отведав от стола эпохи крошек,/ Живём, а жизнь – ценою в медный грошик.../ Сегодня – есть, а завтра нас не стало». Вот так же в один момент не стало всей большой семьи и моей мамы. Всех – её сестёр и братьев, племянников, родителей (моих бабушку и дедушку) нацисты расстреляли у рва на десятом километре Феодосийского шоссе в Крыму. Эта боль терзала сердце мамы, пока она была жива. Эта боль живёт и со мной, хотя моё рождение пришлось на самое начало Отечественной войны и, естественно, многое я не могу помнить. Боль передавалась мне через мамины слёзы. Я не раз приезжала к этому рву, где в 1941 году было расстреляно свыше двадцати тысяч крымчаков, евреев, партизан. Более семидесяти лет прошло с тех пор, но отголоски зверства и бесчеловечности доходят до нас и сегодня. Доходят в виде глумления над кладбищенскими могилами, где захоронены семиты, в виде акций вандалов, уже в который раз раскапывающих расстрельный ров в поисках ценных вещей. Я писала об этом и зримо представляла себе, как гонимые жаждой наживы молодые люди с крестиками на шее радовались каждому найденному колечку, каждой золотой звёздочке – магендовиду... И образ деда Авраама вставал передо мной. Вот он идёт по узкой улочке оккупированного фашистами Симферополя. Идёт, вопреки указу, не нашив на рукав жёлтую звезду. Этого не простил ему режим. Так он и оказался в гестапо, куда в тот же день привели всю его семью...

Шестиконечные звёзды... Они – как неотъемлемая деталь многих работ литовского художника Семёна Каплана. Выставка его рисунков, открытая в Вильнюсском еврейском культурно-информационном центре, украсила художественную галерею «Шофар». И волнующая тема

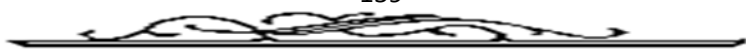

Холокоста здесь присутствует не случайно. В нынешнем году отмечается 70-летие ликвидации Вильнюсского гетто. Достаточно лишь взглянуть на графические рисунки, чтобы почувствовать боль автора. «Черта оседлости». Здесь гетто мы воспринимаем через стилизованные решётки. Они – в изломах шестиконечных звёзд, а за ними – лица. В глазах застыли печаль и безнадежность. Вот «Дерево страданий», как выражение боли за погубленные поколения. Люди умирали с магендовидом в руках, а значит, и с верой... Можно долго перечислять рисунки-шедевры: «Павшие, но живые», «Последний путь», «Предчувствие», «Вспоминая о Кете Кольвиц»... Ещё один характерный штрих графических работ – витки колючей проволоки... К ним, к звёздам, к неугасаемому семисвечнику Семён Каплан обращается во многих своих работах.

– Как же складывалась судьба художника? Давайте знакомиться.

– Родился я в Литве спустя три года после окончания войны. Вся моя жизнь связана с Вильнюсом. Детство и юношество прошли на провинциальной улочке Гедрайчу, тем не менее, очень близко расположенной к центру города. Она до сих пор сохранила свой, почти первозданный вид деревенской окраины, хотя очень символично упирается в самое высокое в городе здание и, вероятно, в этом состоянии доживает свои последние годы. А в те далёкие, почти послевоенные времена, здесь компактно проживало довольно большое количество еврейских семей.

– Но, как вы говорите, евреи в вашем районе всё-таки остались компактно жить и после войны...

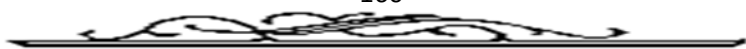

– Да, но я говорю уже о более позднем времени, о времени моего сознательного детства, когда возвращались в родные места люди уже более позднего поколения. Вот вы вспомнили о своих дедушке и бабушке. А мне, тогда ещё мальчишке, было, например, странно и непривычно слышать от моих друзей, что они лето провели в деревне у бабушки и дедушки. У большинства из нас, еврейских детей, их давно уже не было. Вот почему, когда сегодня говорят, что было много уничтожено евреев, и даже называют внушительные числа, для меня это звучит даже не так убедительно, как то, что во всём нашем районе не было ни дедушек, ни бабушек.

– Скажите, Семён, и когда у вас появилось желание выразить эту боль в рисунках?

– Я неплохо рисовал ещё будучи школьником. Во всяком случае, на уровне учебной программы. Даже приглашали в кружок рисования. Наверное, зря отказался тогда...

– А чего сожалеть-то, если сегодня ваши работы экспонируются во дворцах выставок Прибалтики, в еврейской школе имени Шолом Алейхема, во Всероссийском выставочном центре Москвы. Ваши работы приобрели Новосибирский музей мировой погребальной культуры, Литературный еврейский музей, а многие графические рисунки находятся в частных коллекциях Израиля, Америки, Канады, России, Литвы, Беларуси, в частной галерее Марины Кларк в Лондоне...

Скажите, как шли Вы к своей популярности?

– Рисовал я всегда, сколько себя помню. Вначале это были «рисунки на полях», то есть они появлялись там, где было свободное место на листах. Мне кажется сейчас, что рука была постоянно в работе. Доходило до автоматизма. По-настоящему увлёкся графикой в свои студенческие годы, когда учился в Вильнюсском инженерно-строительном институте. Много рисовал во время службы в армии.

– А как приходили темы?

– По-разному. Они навевались и литературой, и музыкой, и моими частыми поездками. Любил с друзьями путешествовать на байдарках. И где мы только не побывали... В Карелии, Саянах, на Байкале... И всегда дороги пролегли через Москву, Ленинград, где мы не упускали возможность побывать в музеях, галереях, на выставках произведений лучших художников. Именно в этот период я стал активно рисовать, осмысливать то, что выходило из-под моего карандаша. Увлёкся литературой, классической музыкой, приобретал пластинки, книги. Прочитанное и услышанное переплавлялось в рисунки. В это время у меня появились друзья-художники. И хотя в тот период я не увлекался темой еврейства, и в работах не присутствовали такие детали, как магендовид или менора, профессиональные художники не раз замечали, что рисунки мои семитские.

– Не это ли повлияло на обращение к теме Катастрофы?

– Не могу сейчас сказать. Может, и это тоже. Но я в

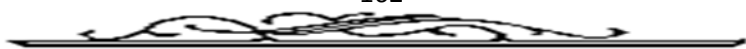
тот период серьёзно увлёкся музыкой. Кстати, жена моя Галина – музыкант, она преподаватель консерватории по классу фортепьяно. Я слушал музыку, а рука с карандашом не успевала за мыслью, за идеей. Я откладывал рисунок, а потом вновь возвращался к нему. Мне хотелось донести до зрителя, например, то, что рождалось в моей душе под звуки «Первого концерта» Чайковского. Хотелось от зрителя обратной связи...

– *Вы этого добились. Я видела, что в вашу виртуальную галерею заходят люди и оставляют свои отзывы. Они не могут не радовать художника. Верно?*

– Конечно. Поделюсь только одним примером. Я выставил как-то в галерее свой новый графический рисунок. Это был маленький человечек с доверчивым и наивным взглядом. Он как бы обнимал сам себя, то ли защищаясь от внешнего мира, то ли ёжась от холода... Рисунок не был подписан. А через некоторое время художник из Алма-Аты Нина Терлецкая дала ему название: «Моя вчерашняя душа». Знаете, это так созвучно было моим ощущениям, даже моему взгляду на самого себя – вчерашнего и сегодняшнего.

– *И каков же Семён Каплан в прошлом и в настоящем?*

– Вы знаете, трудно говорить о самом себе. Я могу процитировать то, что написала одна из наших газет по поводу моей выставки: «Это так непросто – познать мир и себя в этом мире. К познанию идут долго, порой всю жизнь. Когда начинает казаться, что ты что-то уже понял, вдруг возникает внутреннее беспокойство. Оно ведёт тебя

дальше и дальше. Но впереди по-прежнему много неясных очертаний. И ты осознаёшь, что познание себя – это процесс, это бесконечное движение в мыслях и чувствах». Это созвучно моим ощущениям.

– Да, когда ты молод, то ещё не знаешь себя. А сегодня смотришь как бы издалека и узнаёшь свою вчерашнюю душу – такую же наивную и доверчивую, какой увидела её в вашем рисунке автор придуманного названия.

– Потому и выставку свою, приуроченную к 70-летию ликвидации Вильнюсского гетто, я назвал так же: «Моя вчерашняя душа». И хотя тема Катастрофы мною воспринимается сегодня с такой же болью, как и в детстве, и в юности, я не вправе считать себя настоящим певцом этой трагической страницы истории еврейского народа. Потому что не выразить мне до конца эту боль...

– Кто помогал Вам готовить выставку?

– Познакомившись с моими работами, директор галереи «Шофар» Альгимантас Гурявичус предложил мне выставить их. А дальше мы работали вместе с менеджером галереи Римой Казлаускайте: готовили афишу, размещали работы. И презентацию выставки тоже вела Рима. Не могу не сказать и о своей дочери Юлии. Она, как и я, увлекается художественной фотографией, принимает активное участие в виртуальной галерее.

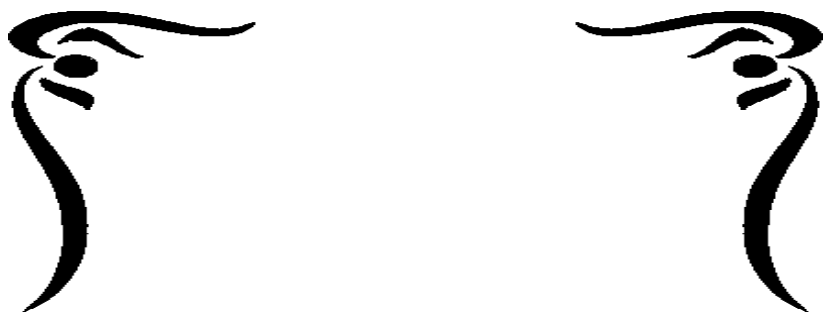
– Спасибо Вам, Семён, за эту встречу и за ту рабо-

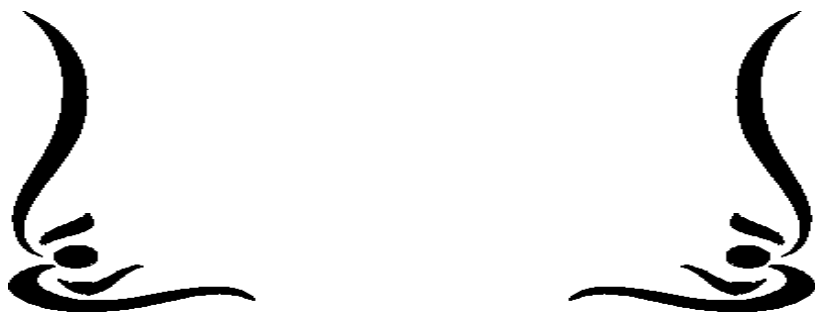
ту, которой несёте правду людям.

– И Вам спасибо за беседу и за интерес к моим рисункам. И ещё: если представить искусство в виде генеалогического дерева, в котором главный ствол представляют работы таких великих художников, как Микельанджело, Леонардо да Винчи, Гойя, Пикассо, Дали, то я буду счастлив, если мои рисунки отдалёнными листочками будут шелестеть на этом дереве.

*Магия слова, магия кисти,
ты чародейство и волшебство*

И ПОЗВАЛА СТРОКА ПОЭТА...

«Мы будем счастливы, мой друг...»

Коржавинская строка... Предполагал ли автор, обращаясь с нею из далёкого Бостона к своему московскому другу, что спустя более полувека она станет заглавной в стихах любителей поэзии многих стран мира?

Она, эта строка, будоражила, волновала, примеряла на себя наши чувства. Искренни ли они, можем ли мы утверждать, что будем счастливы и верим ли сами в это?

У каждого своя вера, своя надежда. С нею мы и связывали мечту о счастье, слагая стихи. В чём же счастье для тех, кто волею судеб оказался в эмиграции или репатриировался на свою историческую родину? Для тех, кто продолжает жить в стране, в которой родился и вырос, или кто своим домом считает весь Мир?

«Мы будем счастливы, мой друг...» – звучало в нас и воплощалось в стихотворные строки. Лирические и не только. В них угадывалась надежда на то, что мир станет добрее, что люди начнут понимать друг друга и тогда не будет на земле войн и распрей.

Мы – это участники Десятого Международного поэтического турнира в Дюссельдорфе. Финалы предшествующих турниров познакомили и сдружили своих участников. Посланцы разных стран планеты встречались в городе на берегах Рейна, а потом – на страницах сборников. И вот – последний турнир проекта, задуманного когда-то четой энтузиастов Галиной Педаховской и Рафаэлем Ай-

зенштадтом. По традиции, финал турнира – в Дюссельдорфе.

Середина мая в Израиле – это знойное лето с тремя тёплыми морями, с давно отзеленевшими травами, с жаркими суховеями. Несколько часов в небе – и мы на земле Германии, встречающей нас колючим моросящим дождём, холодным ветром, но приветливыми улыбками устроителей праздника поэзии.

Впереди – целая неделя другой жизни, в которой должно хватить места новым открытиям, впечатлениям, познаниям, знакомствам. Мы чувствуем и благодарно принимаем радушие хозяев и их желание поделиться с нами всем, что за долгие годы эмиграции полюбили сами. А о том, что осело на донышке души и горьким вкусом порой напоминает об эмигрантских трудностях на пути к сегодняшней жизни, мы уже знаем из их авторских книг. Но эта часть их бытия, кажется, тонет в той любви к красоте, в которой они живут, к культуре, к музыке, живописи... И вместе с Галиной мы идём старыми улицами Дюссельдорфа. Слушаем её неспешный рассказ об истории памятников архитектуры, о судьбах великих людей Германии, подарившей миру таких гениев, как Гейне, Гёте, Бах, Моцарт, Вальтер, Шопенгауэр... Но вдруг эта феерия, это почти сказочное зрелище вмиг исчезает – мы у здания Музея Холокоста, места, где собраны вещественные доказательства Катастрофы европейского еврейства. Болью пронзает чувство горечи, обиды, скорби – не выразить и не высказать всего, что живёт в нас и будет жить ещё во многих поколениях народа. Этого не простить и не забыть...

... А новый день обещал и новые впечатления. На встречу с поэзией в Общинном Еврейском Центре под сводами местной синагоги мы шли, взяв с собой только поло-

жительные эмоции, доброту и открытость. И умиротворение от общения с дивной природой Дюссельдорфа – его чистым воздухом, легендарным Рейном, парками с их мелководными речками. И прудами, что стали местом обитания водоплавающих птиц, где полными хозяевами чувствуют себя грациозные белые и чёрные лебеди.

... Подобно взмаху лебединых крыльев взметались стихи с трибуны финала. Можно было поражаться, удивляться и радоваться полёту фантазии поэтов, разнообразию выбранных ими тем, но связанных одной идеей – идеей утверждения веры в счастье. Не смотря ни на что. По-коржавински.

Если бы на финал съехались все участники турнира, то, пожалуй, одного дня не хватило бы, чтобы услышать все мысли и понять все чувства авторов, проникнуться их радостью и болью, пережить вместе с ними миг творческого вдохновения, родившего стихи. И где бы ни были они написаны – в самой Германии, в Израиле, в Соединённых Штатах Америки, в России, на Украине, – здесь, с этого поэтического Олимпа стихи звучали на одном языке – русском. Это и роднило, и сближало нас. Чувство единения стало более ощутимым, когда после финала мы отдыхали в Оэрлингхаузене. Гостиница на краю этого небольшого городка, сохранившего свою чисто западную культуру, встретила нас радушием своих хозяев, домашним теплом и вкусными пирогами.

Первозданную тишину вокруг, охраняемую лесом дивной красоты, нарушал лишь редкий колокольный звон. В определённые часы он собирал нас за одним хлебосольным столом. А после трапезы мы вновь и вновь спешили к духовному общению. Оно – как глоток свежего воздуха,

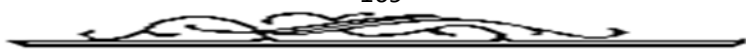

придавало сил, уверенности, рождало новые идеи и темы. Пять дней и, можно сказать, почти все пять ночей под сводами залов этого дома звучали стихи, откровения, исповеди о порой трудной судьбе, но счастливой, потому что она, эта судьба, привела к творчеству, к поэзии. Стихи многих участников этого поэтического форума положены на музыку. Мы слушали песни, записанные на диски, пели сами, делились творческими планами и, казалось, не будет конца этим встречам.

Думаю, никому из нас не забыть тех памятных вечеров в уютном каминном зале. Тепло шло не только от потрескивающих поленьев, отблесков пламени на картинах и наших лицах, от мягких фортепьянных звуков и аккордов гитарных струн, но и от наших сердец тоже. За плечами, кажется, не было десятков прожитых лет – пелось и плясалось как в юности. И... мечталось.

Новые впечатления выливались в стихотворные строчки. Ну, разве могла, например, не взволновать встреча с природой, когда в нескольких шагах от тебя, застыв на мгновение, пара испуганных ланей устремляется в свой лесной мир? Или когда, что называется, на глазах оживает легенда, связанная с историей города Хаммельн? Как ребёнок, ждёшь появления этой сказки. И под бой часов она приходит к тебе из далёкого прошлого в образе известного персонажа, избавившего город от нашествия крыс. Отворяются ставенки – и ты уже в механическом кукольном театре. Эту известную историю о Крысолове можно было вновь пережить на концертной площадке в городском парке. Мюзикл сопровождался массовым гуляньем с угощениями и подарками.

Конечно же не только поэзией мы жили эти пять дней. Семинары и презентации только что вышедших книг, дис-

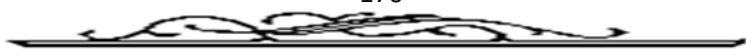
куссии на политические и экономические темы, лекции, экскурсии, демонстрации кинофильмов гармонично вплелись в программу турнира.

Например, надолго останется в памяти поездка в город Кассель с его символом – девятиметровой скульптурой Геракла, установленной на 30-метровой каменной пирамиде. А пирамида эта венчает восьмиугольное здание Дворца примерно такой же высоты. Ах, эти каскады фонтанов! Ах, этот загадочный мир замков, надёжно хранящий тайны давно ушедших веков!.. И незабываемы впечатления о посещении картинной галереи, собравшей шедевры мировой живописи.

Последним днём пребывания в Германии был день, проведённый в Дюссельдорфе. И он так же не прошёл бесследно. Мы стали участниками праздника – Фестиваля джазовой музыки, который, по традиции, проводится здесь ежегодно и собирает многие тысячи слушателей. Побывав в этот вечер на нескольких концертных площадках города, мы окунулись в чарующий и неповторимый, вечно волнующий мир джаза.

Вот на такой высокой ноте мы расставались и с Германией, и друг с другом. Уезжали с чувством радости за тех, кто в творчестве достиг своего Олимпа.

Наша литературная студия «Анахну» известна участникам всех десяти международных поэтических турниров. И на десятом, юбилейном, она вновь заявила о себе, как о коллективе, в котором немало талантливых поэтов. Не в первый раз олимпийским призёром стала, например, Евгения Босина, получив высшую награду – весёлый символ турнира «Лягас» (по аналогии с Пегасом – крылатым конём, любимцем муз). Наша лягушка (в известной притче, попав в бидон со сметаной, не сдалась, а своими прыжками

взбив её в масло, выбралась-таки на свободу) – тоже с крыльями. Как символ преодоления трудностей эмиграции, вдохновения и окрылённости мечтой.

Призёром турнира стала поэт и переводчик Ирина Явчуновская, лауреатами – поэт и прозаик, руководитель студии «Анахну» Марк Тверской, поэты Григорий Гозман и Абрам Эленбоген.

Отрадно, что в Международном турнире приняли участие многие израильтяне, среди которых призёры – Любовь Знаковская и Марк Луцкий. Список лауреатов дополнили Фредди Зорин и Роман Островский.

... Расставаясь, мы не прощались друг с другом. Мы говорили: «До новых встреч!». Но теперь – в другой стране. Германия передала Израилю своеобразную эстафету турнира. Счастливого ему пути и новых, восточных красок!

г. Дюссельдорф
Май 2010 г.

«ВОСХОД РИСУЕТ ВНОВЬ ИЕРУСАЛИМ»

Согласно легенде, последний завоеватель Иерусалима войдёт в город через Яффские ворота. Построенные около пятисот лет назад, сегодня они являются главным входом в старый город и пропускают через себя всех, кто пришёл в эту древнюю столицу Израиля с миром и любовью. Если вы с нами – добро пожаловать. Но одно условие: поберегитесь жарких солнечных лучей. «За бортом – плюс сорок!» – предупредил нас на подъезде к городу экскурсовод Марк Эдельштейн. И хотя мы не на борту самолёта, а в микроавтобусе, понимаем бывшего лётчика, отлетавшего за полярным кругом более тридцати пяти лет.

В Иерусалим нас тянет всегда. Но эта поездка – особенная. И «окрашена» она немаловажной датой – двадцатилетием восстановления дипломатических связей между Россией и Израилем. А это значит – не только укрепление межгосударственного мира, но и развитие экономики, культуры, искусства, туризма. Состав нашей группы – самый, что ни на есть, творческий: хайфская литературная студия «Анахну», вокально-инструментальный ансамбль «Шалом алейхем!», гости из Франции. Кстати, парижане как раз и приглашены в Израиль для участия в фестивале соотечественников «Возьмёмся за руки!». Не утомить бы читателя перечислением всех регалий нашего гостя Андрея Гульцева, но он – известный журналист, писатель и общественный деятель, академик Международной Академии наук и искусств Парижа, президент Конфедерации Русских

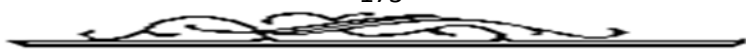

общин Европы и Франции. С ним – его очаровательная супруга Клодин. И хотя она не знает русского языка, ничего не остаётся непонятым. Наши поэт и переводчик Ирина Явчуновская, руководитель студии, писатель и поэт Марк Тверской говорят с нею по-английски, а поэт и писатель Паулина Чечельницкая – по-французски. Забегая вперёд, скажу, что день, проведённый вместе с гостями, на святой земле Иерусалима сдружил и сблизил нас. Мы обменялись своими книгами и адресами, многое узнали друг о друге, а значит, теснее станут и наши творческие связи.

А пока – снова под горячий солнечный разлив, на небольшую обзорную площадку, куда мы прошли через знаменитые Яффские ворота, и откуда открывается вид на самое сердце святыни. Когда-то здесь стоял дворец легендарного царя иудеев Ирода, а теперь от него остались лишь стены башни. Наши предки так искусно возвели эти мощные стены, что с их высоты можно было легко увидеть, не подбирается ли к городу враг.

Сегодня же границы Израиля защищены самыми надёжными средствами, но ворота Израиля распахнуты для тех, кто идёт к нам с добрыми намерениями, кто открыт к познанию правдивой истории народов, уважению их добрых традиций. Пройдите, например, армянским кварталом Иерусалима, почувствуйте аромат ушедших веков, загляните в собор святого Андрея, услышите колокольный звон...

По узким древним улочкам, пусть не самого старого города на Земле, но зато самого величественного, ходили пророки, прорицая миру его будущее. Здесь обращали иудеев в христианство, здесь же избивали и казнили... Эти места видели многое: массовое заселение евреями и впоследствии – появление арабских деревень, присоединение

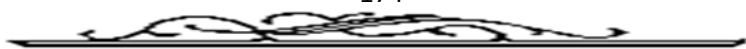

царём Соломоном к Иерусалиму священной для иудеев горы Мориа и возведение Второго Храма.

Остановитесь на минуту вместе с нами на четырёх прямоугольных камнях, отшлифованных временем в две тысячи лет. Это всё, что осталось от мостовой. Совсем рядом – самая большая синагога, восстановленная после разрушения её арабами в войне 1967 года. Красавица!

Люди многих конфессий уживаются под небом Иерусалима. Католические и православные храмы, иудейские и мусульманские святыни не просто украшают город, а являются местами, где единятся сердца верующих с Богом. Но почему евреев считают избранным народом? Толкование тому – простое. Этот народ избран для служения Богу. И разве готовность Авраама принести в жертву своего сына Исаака – не подтверждение тому?..

Вот-вот, как раз мы и подошли к этому святому месту, где Авраам впервые услышал голос Всевышнего. А рядом – тот клочок земли, ради которого сюда идут и едут со всех концов Планеты. Стена Плача. О ней так много написано, с нею так много связано легенд, преданий и вполне правдивых историй... Не станем долго задерживаться здесь. Тем более, что к самой Стене трудно подойти. Народу – уйма! Религиозные и светские – все стремятся хотя бы дотронуться до этой Вечной Стены, чтобы обратиться к Богу с благодарностью или мольбой о помощи. И опять же, забегая вперёд, в последние минуты нашего пребывания в Иерусалиме, на фестивале в Культурном центре на улице Гилель,²⁷ хочу привести слова из песни о Стене Плача: «Здесь душа пророчит удачу,/ Здесь сбывается всё всерьёз./ Дай, Господь, чтоб на Стену Плача/ Меньше падало наших слёз».

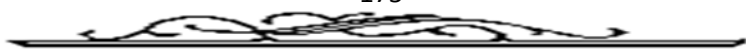

Эта песня на слова Ларисы Рубальской прозвучала в записи, как выражение самой идеи фестиваля – нам нечего делить, мы готовы дружить народами и странами. Предлагаем мир и взаимопонимание, обмен достижениями в культуре, искусстве, туризме... А чтобы помнить о том, как дорог нам мир, а не вражда, разжигающая войны и насилие, какая цена заплачена за наше сегодня, мы идём в Музей Катастрофы европейского еврейства Яд ва-Шем.

Здесь всегда – толпы. Идут и идут люди... Их паломничество – как дань памяти принявшим смерть и ставшим в ранг святых мучеников. Каждый наш шаг по подвижной дощатой дорожке, ведущей к Мемориалу, отдаётся скрипом, так похожим на стон... Вот с этим стоном и отозвавшейся в сердце болью мы и входим в своеобразный город мёртвых. И пусть нет здесь могил, но каждым экспонатом навечно вписана в память ушедшая жизнь невинных жертв фашизма.

Об этом Храме скорби можно говорить бесконечно. Но давайте возьмёмся за руки и вместе войдём в круглый зал. Здесь тихо-тихо. Наши взгляды скользят по потолку, пологом спускающемуся к стенам. Он сплошь увешан фотографиями. Лица, лица, лица... А за перилами, внизу – мрак. И только едва мерцающий, почти потусторонний, свет позволяет разглядеть в этой пугающей темноте едва различимые отражения.

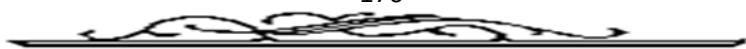
Спокойным отсюда не уйдёшь. Всё увиденное возвращается к тебе в самый неподходящий для этого момент. Ты сидишь уже в переполненном зале, со сцены льются мелодии прекрасных песен, и вдруг – та самая строчка Ларисы Рубальской: «Дай, Господь, чтоб на Стену Плача меньше падало наших слёз»...

По большому счёту, и во имя этого тоже инициативная группа, преодолев многие административные препоны, организовала фестиваль «Возьмёмся за руки!». Это стало возможным при поддержке руководителя проекта «Мир искусств» в Иерусалиме Зиновия Клебанова, композитора и руководителя ансамбля «Шалом алейхем!» Марка Зельдича, литературного редактора этой группы Марины Симкиной и координатора русскоязычных израильтян Нешера Георгия Гершковича. Сюда, в этот уютный зал, маршруты фестиваля привели нас не сразу после посещения музея Яд ва-Шем. По дороге мы почтили память жертв сталинских репрессий. Небольшая стела, установленная на пересечении улиц Герцога и Черняховского, познакомила нас с именами людей, представлявших лицо еврейской культуры. Это известные деятели литературы и искусства: Ицик Фефер, Перец Маркиш, Давид Бергельсон, Бенъямин Зускин, Соломон Михоэлс, Лев Квитко и многие другие. Среди нас – замечательный художник и поэт Михаил Левин. Его отец Нахум Левин работал вместе с Соломоном Михоэлсом в Государственном еврейском театре, преподавал в театральной студии и был литературным редактором материалов Еврейского антифашистского комитета. Вместе с другими руководителями Комитета расстрелян двенадцатого августа 1952 года по сфабрикованному обвинению в шпионаже.

История большевизма знает немало преступлений. Взять, к примеру, старейшую газету «Русская мысль», основанную в Москве в 1880 году. Неудобной она была советскому режиму, и потому стала издаваться в Париже. У русскоязычных читателей сегодня она пользуется большой популярностью, выходит тиражом 250 тысяч экзем-

пляров и распространяется в сорока странах мира. В «Русской мысли» работает и гость фестиваля Андрей Гульцев. Его родственник когда-то тоже был причастен к выпускам «Русской мысли» и сотрудничал с ней ещё вместе с А.П.Чеховым, который впервые опубликовал здесь свои рассказы: «Палата номер шесть» и «Дом с мезонином». И мы с большим интересом смотрим короткометражный фильм «Возвращение» об истории и сегодняшнем дне газеты, для которой писали Бунин, Шмелёв, Верешков, Прокофьев, Булгаков, знакомимся с членами редколлегии, такими знатными людьми, как граф Пётр Шереметьев, князь Александр Трубецкой...

Русская мысль, русский язык, русская культура... Всё это так объединяет нас, рассеявшихся по всему миру. Но как бы далеко ни были друг от друга, нас связывает то, что делает человека Человеком.

Перед началом концерта короткий диалог с Андреем Гульцевым:

– Знаю, вышла Ваша новая книга «Мастер судного дня». В номинации «Проза» за отрывок из этой книги «Казнь тамплиеров» Вы стали Серебряным лауреатом конкурса «Национальная литературная премия – Золотое перо Руси». Это – большой успех. Но Вы в Израиле впервые. Что для Вас эта поездка? Чего ждёте от неё?

– А чего можно ждать от встречи со Святой Землёй? – Вопросом на вопрос ответил мне академик. – В первую очередь – открытий, хотя много читал и слышал о вашей замечательной стране. И потому встреча с ней особенно желанна. Моя книга – о тамплиерах, членах католического

духовно-рыцарского Ордена. Он был основан в начале второго тысячелетия в Иерусалиме. А трагическая судьба его – решена во Франции. Так что мой интерес к Израилю понятен. Я благодарен за приглашение. Если прежде у меня было две страны, которые считал своим домом, то теперь появилась и третья – Израиль. Тёплые встречи, радующие, взаимопонимание – это так важно для нас.

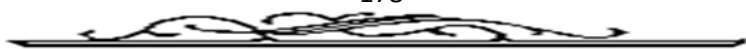
– Израиль – еврейское государство. Вы рождены русскими родителями. Как ощущаете себя здесь в этом плане?

– Здесь стираются межнациональные границы. Наверное, потому, что в Вашей замечательной стране удачно сочетается Родное с Вечным.

Эта мысль находит подтверждение и в самой программе концерта. Её открывает венок еврейских песен. Их исполняет группа Марка Зельдича «Шалом алейхем!». В её составе Влад Эстрин, Инна Цыпина, Ричард Петерсон и скрипач Игорь Рубинчик. Песни подхватывает зал. Зрители, как бы «примеряя» «веночек» на себя, тоже становятся участниками концерта. Песни на французском, английском, русском и языке идиш всем одинаково близки, и поэтому исполнителей награждают овациями.

И, как сюрприз, нам предлагают встречу с известным поэтом Андреем Дементьевым, для которого Израиль стал второй Родиной. Здесь ему хорошо пишется, здесь рождаются его лучшие стихи. И он не может удержаться, чтобы не прочитать строки, самые дорогие его сердцу.

Как ответ на его признание в любви к Израилю, звучит песня Марка Зельдича на стихотворение поэта «Поставь свечу за здоровье любви!». Эта песня в исполнении

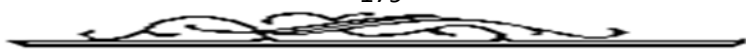

Влада Эстрина стала призёром фестиваля в Италии. И ещё одна совместная работа поэта и композитора – «Никогда ни о чём не жалейте!».

Поверьте на слово, мы не только не пожалели о том, что стали участниками фестиваля. Мы были просто счастливы общением, встречами за домашним хлебосольным столом, поездками по историческим местам.

Фестиваль закончился. Мы с лёгкой грустью прощались с новыми друзьями. А в мыслях всё звучало дементьевское: «Восход рисует вновь Иерусалим»...

г. Иерусалим
Август 2011 г.

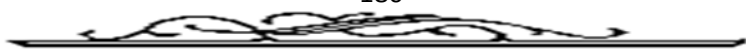

«А ВЕНА КРУЖИЛАСЬ И ПЕЛА»

Заметки с Международного форума русско-язычных писателей «Литературная Вена – 2011»

*... Ведь мы всё меньше – жители России,
И мы всё больше – жители Земли».*

Я не случайно вынесла в эпиграф своих заметок о IV Международном форуме русскоязычных писателей «Литературная Вена-2011» стихотворные строки его участника – поэта, публициста и общественного деятеля, доктора наук, вице-президента Международной Ассоциации писателей и журналистов АРПА по Северной Америке Сергея Плышевского. Не случайно потому, что строки эти, прозвучавшие с трибуны Форума, проходившего в Российском центре науки и культуры в самом сердце Австрии – в Вене, очень точно отражают приметы времени. Представьте себе, что в литературном конкурсе, предшествовавшем Форуму, приняли участие около полутора тысяч человек, пишущих на русском языке, из 33 стран Мира. И в этом нет ничего удивительного, ведь русская культура и, в частности, литература, обогащает сегодня общечеловеческую культуру, становится всё более понятной и приемлемой на всех континентах и объединяет носителей русского языка, независимо от того, какая страна стала их второй Родиной. В отличие от международных поэтических турниров, проходивших в последние десять лет в Дюссельдорфе (Германия), где характер произведений определяла отдельно

взятая строка из какого-либо стихотворения поэта-классика, конкурс, предшествовавший Форуму в Вене, предложил сразу несколько номинаций: прозу, поэзию, публицистику, литературоведение и литературную критику, литературу для юношества. Поэтому он высветил всю палитру нашего бытия. Это вечная тема любви и глубоко личные чувства и переживания, тема войны и трагических судеб людей и целых народов, это взаимоотношения поколений и проблемы сохранения культуры малых народностей, вопросы воспитания детей... Всего не перечислить, ведь жизнь так многогранна.

Мне представляется, что этот международный форум, на котором в течение трёх дней звучали наши произведения, раскрыл мастерство и творческий потенциал русскоязычных авторов и дал высокую оценку по-настоящему талантливым личностям. Он преследовал и более глубокие цели. Скажем, как помочь в издании той или иной литературы, как расширить географию публикаций, подсказать пути участия в подобных литературных форумах и фестивалях. Не случайно ведь в работе Форума приняли участие такие известные поэты, как А.Кушнер, О.Чухонцев и В.Масалов, как директор журнала «Вопросы литературы» И.Ковалёва, главный редактор журнала «Знамя» С.Чупринин, писатель, автор 36 романов Е.Логунова, дипломаты и их советники...

Все три дня работы форума были насыщены и содержательны. В залах великолепного здания Российского центра науки и культуры звучали голоса посланцев России и Америки, Украины и Беларуси, Австрии и Германии, Норвегии и Чехии, Латвии и Канады, Сербии и Эстонии... Наша, израильская, делегация была весьма немногочисленной. Из Бат-Яма приехала Марина Борщевская, а Хайфу

представляли Евгения Босина, Мария Фердман и автор этих строк. Но несмотря на такой узкий круг представительства, литературный Израиль, в лице талантливого поэта, члена Союза писателей Израиля, автора двух поэтических сборников Евгении Босиной, предстал во всей поэтической красе. Евгения стала признанным победителем в этой номинации. Причём, признанным не только авторитетным жюри, но и всеми участниками форума, ведь не случайно же она была удостоена и приза зрительских симпатий.

Получая награду из рук Президента Союза русскоязычных литераторов Австрии, руководителя оргкомитета Международного писательского форума «Литературная Вена» Марины Калашниковой, она искренне благодарила всех за высокую оценку своего творчества. А в ответ на гордое заявление одной из участниц форума о том, что вот, мол, я – славянка и очень горжусь своим русским языком, сказала: «Я не совсем славянка. А точнее – вообще не славянка. Но зная русского языка в своей стране мы несём высоко...». Зал встретил это бурными аплодисментами.

Вообще участие в подобном форуме – это не только возможность представить свои произведения и познакомиться с творчеством коллег. У нас, например, была возможность участвовать в дискуссии «круглого стола» по проблемам достижения современной зарубежной русской литературы и её месте в сохранении историко-художественного наследия. И жаль, что не хватило времени выступить всем желающим. Не забыть нам и мастер-класса, который дала член международного экспертного жюри творческих конкурсов «Литературная Вена» россиянка Наталья Малинина. Русское слово. Оно, как, навер-

ное и любое другое, требует бережного к себе отношения. И это хорошо понимаешь, когда слушаешь «перлы», при-
сылаемые на конкурс.

Вообще слово не только в литературе, но и во всей русской культуре, довольно значимое. Не об этом ли свидетельствует большое количество книг, издаваемых за пределами России, множество литературных интернетсайтов, широкая русскоязычная пресса, частые театральные гастроли и выступления артистов эстрады... Специально для участия в Форуме, как посланница доброй воли ООН, прибыла, например, Заслуженная артистка России из Перми Ксения Захарова (Воловик), исполнившая русские народные и авторские песни. Бывший москвич Александр Лысенко, известный в Австрии как победитель и призёр многих международных конкурсов художественной фотографии, подготовил фотовыставку «С любовью к России», украсившую фойе Центра. Здесь же, по сложившейся традиции, была представлена продукция издательства Свято-Елисаветинского монастыря (Беларусь). Это прекрасно иллюстрированные книги, молитвенники, иконы и сувениры ручной работы. Их привезла участникам форума сестра этого монастыря Лариса. Святая обитель стала своеобразным благотворительным центром, помогающим больным и обездоленным детям. На эти цели идут средства от реализации продукции. На них же создаются новые мастерские, чтобы расширить ассортимент уникальных предметов прикладного искусства.

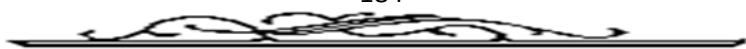
Пройдите улицами Вены и вы без труда найдёте следы русской истории. В самом центре города – мемориальный комплекс. Мы пришли к нему во второй день работы форума. Это тоже традиция. Каждый год литераторы приносят цветы к памятнику советскому солдату. Его

здесь называют «Алёшей». На мраморном постаменте – многометровая фигура воина, одной рукой поддерживающего знамя, устремившееся в небесную синь, а другой – герб СССР. На колоннаде, окружающей центральную композицию, надпись: «Вечная слава героям Красной Армии, павшим в боях с немецко-фашистскими захватчиками за свободу и независимость народов Европы». Ежегодно 8 мая сюда приходят с георгиевскими ленточками на груди дети русских эмигрантов и работников дипломатического корпуса России. Они приносят к памятнику цветы и венки, поют песни о Победе.

Нам, представляющим Израиль, да, впрочем, как и многим евреям, живущим за его пределами, хотелось прикоснуться и к очень болезненной теме – трагедии Холокоста. Очаровательная экскурсовод Анна, познакомившая нас с роскошными дворцами и музеями, уникальной Национальной библиотекой, соборами и парками, остановилась у небольшого памятника еврею, чистящему мостовую. Как унижительная страница истории глумления над человеком застыла здесь скульптура в чёрном камне под колючей проволокой. А в нескольких метрах от неё, как что-то потустороннее, – белая скульптура, символизирующая смерть. Это образы-символы. В память о тех, кто сожжён в крематориях, уничтожен в концлагерях.

Но есть в Вене и другие лики. Например, лики картин известнейшего австрийского живописца Густава Климта, жившего и творившего в XVIII – XIX веках. Меценатами его творчества были еврейские семейства венской буржуазии: влиятельные магнаты и те, кто поддерживал искусство Модерна. Все они заказывали Климту портреты своих жён: Марии Хенненберг, Геты Фельшфани, Серены Ледерер, Сони Кнапс, Маргарет Вингенштейн...Заказов было

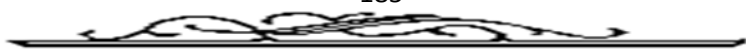

много. И сегодня, спустя столетия, мы чуть ли не на каждом шагу – на афишах, плакатах, у входов в музеи и картинные галереи, в сувенирных магазинах и лавках видим портретные изображения картин Климта.

Красивый, величественный своей архитектурой, город, где кажется, будто сами мелодии «Венского вальса» летают над крышами зданий, где во дворцах и музеях собраны лучшие образцы мирового искусства, всё-таки полон контрастов. Например, рядом с фешенебельными отелями и дорогими магазинами можно увидеть нищего, стоящего на коленях с протянутой рукой. Можно в ресторанчике взять порцию самого обычного бульона за четыре евро и по билету, стоимостью в три евро пройти в оперный театр. Правда, тебе придётся не сидеть, а стоять. Но зато не надо платить 200 – 300 евро, чтобы послушать «Травиату».

Участники нашего форума разбрелись по городу, где чуть ли не за каждым углом открывается чудо неопишуемой красоты. А впрочем, почему «неопишуемой»? Ведь наш русский язык так богат. И потому наверняка Вена оставит свой заметный след в творчестве литераторов – родятся новые стихи, рассказы, эссе, репортажи и зарисовки... На фуршете в одном из уютных ресторанов, где мы, кстати, были приятно удивлены прекрасным ивритом его барменов, уже делились впечатлениями и творческими планами, обменивались своими книгами и адресами.

... Когда уплывала в ночь взлётная полоса, и наш Эль-Альевский лайнер набирал высоту, засверкала огнями и постепенно стала удаляться великолепная Вена. От Тель-Авива её отделяло время в три с половиной часа. Мы побывали в настоящей осени с ветрами, дождями и опавшими кленовыми листьями и уже готовились к встрече

со своей тёплой землёй. Кстати, возвращаясь с большого праздничного гулянья в честь независимости Австрии, когда, «Вена кружилась и пела», мы собрали роскошные багряные букеты. Они будут напоминать о венских встречах и новых друзьях.

г.Вена
Октябрь 2011 г.

ОЧЕЙ И ДУШ ОЧАРОВАНИЕ

Как неудержимо время! Как быстротечны события, происходящие в нём! Не успела оглянуться – год пролетел. Но он оставил яркие и сильные впечатления, которыми не могу не поделиться.

Когда встречаемся с Ириной за столом друзей, бываем на поэтических конкурсах или отправляемся в творческие поездки, нам всегда есть о чём поговорить. И не только потому, что объединяет нас любовь к литературе и журналистике, но и потому, что обе мы из Крыма. Всегда интересно возвращаться в прошлое – неважно, далёкое оно или близкое. Так вот из недавнего прошлого, из 2009 года, у меня в руках оказался сборник стихов «Пушкин в Британии». В нём собраны стихи и переводы участников одноимённого поэтического турнира, который проходил в Лондоне. Ирина участвовала в этом турнире и, естественно, её переводы стихов с английского на русский язык были помещены в книгу. О том, какую оценку они получили, говорят лаконичные строки, оставленные на страницах сборника. Ну, вот хотя бы эти: «... Одной из моих отчётливых номинантов. Директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы Екатерина Гениева». Московский писатель, переводчик и сценарист, первый русский биограф В.Набокова, почётный член жюри турнира Борис Носик вручил тогда Ирине персональный приз – свою книгу «Мир и дар Владимира Набокова». Мы листаем страницы сборника, а Ирина всё вспоминает

Лондон и сам турнир, сожалея, что в нынешнем году не приняла в нём участие – было много работы, семейных забот. Нет, писать стихи и делать переводы она не переставала, но в конкурсе не участвовала. И сожалела о том, что не увидит в этом году тех, с кем намечались творческие связи. Например, с главным редактором журнала «Иностранная литература» Александром Ливергантом. Литературовед, переводчик, кандидат искусствоведения, он просил присылать переводы, а в сборнике написал: «Дорогой Ирине с настоящим пожеланием переводить и впредь».

Тогда, на турнире, к ней подошёл Президент АРІА Давид Кудыков и предложил стать членом этого международного творческого союза. Ну, а спустя время Ирина дала и нам с Марией Фердман и Михаилом Левиным рекомендации для вступления в Союз. Нас приняли.

– А что, если побывать не участниками, а гостями традиционного Фестиваля? – предложила Ирина.

«Приезжайте. Размещу вас в своём доме. И без лишних затрат обойдётесь» – пригласил Давид.

Ну, и отлично, обрадовались мы с Ириной и Марией. Едем! Заодно поддержим одного из наших лучших 54-х поэтов Евгению Босину. Как победитель международного конкурса «Литературная Вена», она получила приглашение к участию в финальном супертурнире «Поверх барьеров». В Кембриджском университете самые талантливые должны «скрестить шпаги» за титул «Короля Королей поэзии русского зарубежья 2012». К тому же окунёмся в многовековую историю Лондона, пройдём-проедем его площадями и переулками, побродим по паркам и легендарной улице Пикадилли, побываем в музеях. Или заглянем в них, потому что за неделю всё просто невозможно увидеть, узнать, постичь.

Мои стенографические заметки, весьма беглые, – сейчас перекочёвываю из крохотного блокнотика вот на эти страницы тоже весьма кратко.

Итак, наш Эль-Альевский лайнер, где всё было так просто и понятно на иврите, приземлился в аэропорту «Хитроу». Надо переходить на английский. Но наша маленькая компания держится уверенно – с нами Ирина. Выпускница Симферопольского университета, она там же преподавала английский, а потом, переехав в Израиль, защитила диссертацию по английской филологии в Ливерпульском университете. И в Лондоне, конечно, бывала. Так что мы смело шагнули в огромный мегаполис. Лондон встретил пронизывающим ветром и серым небом. Час на метро – и мы на краю города. Здесь и ожидал нас Давид. Заталкивая чемоданы в багажник своего автомобиля, он успокаивал, мол, не огорчайтесь, что обещаны дожди, вам будет тепло и уютно в нашем доме.

Дом Давида и Мили – на тихой улочке, в ряду таких же домов с высокими пирамидальными крышами и печными трубами. Здесь чаще, чем в других районах города, дома покупают евреи. Неподалёку небольшая синагога, куда с наступлением субботы торопятся верующие, облачённые в привычные нашему глазу одежды; парикмахерские, магазины с вывесками знакомых имён и фамилий их владельцев.

К приятному проживанию в доме Давида располагает всё: от напоминающей бар кухни до помещения с душем, ванной, джакузи и всевозможными тренажёрами. Салон с бильярдом и фортепьяно. Комната для гостей. Летний домик на зелёной поляне с деревьями, цветами и виноградником. Давид построил его специально для друзей по Союзу литераторов и журналистов – людей, близких ему

по духу, взглядам, увлечениям и любви к поэзии.

Напоив нас душистым английским чаем, гостеприимная Миля предложила:

– Если хотите, поедem в парк. Сегодня там гулянье – празднуем шестидесятилетие правления королевы Елизаветы...

Ну, кто же откажется от такого предложения! По дороге к парку Давид обращает наше внимание на скромные обелиски с именами и фамилиями тех, кто погиб в войнах. Уже потом, гуляя по городу, мы встречали такие же вот вехи людской памяти.

Машина подкатила к самому парку, и мы тонем в роскошном мире природы: дубы и липы, клёны и акации... Зелёные поляны благоухают цветами, аллеи скрывают вольтеры для диких птиц, прячущихся под вечер в своих домиках-гнездах. А вот спокойно гуляющие косули... Видно, живётся здесь братьям нашим меньшим свободно и сытно. Пробежала небольшая зверушка, похожая на зайца, но чем-то напоминающая кенгуру. Наверное, выведен новый вид животного. И пруд со скользящими по воде лебедями... Когда-то здесь часто гуляла и знаменитая балерина Анна Павлова, она кормила своего любимого ручного лебедя Джека. Видимо, эта птица и помогла ей создать бессмертный лебединый образ. Жила Анна совсем рядом с парком, в деревянном доме, который очень любила и обустривала многие годы. Дом этот после долгих странствий балерины, стал её последним прибежищем и последней обителью. Теперь в этот коттедж «Айвви-хаус» на окраине Лондона приходят туристы, чтобы больше узнать о великой балерине, личности во многом загадочной для её биографов. Считалось, что Анна Павлова – незаконнорождённая дочь одного еврейского банкира и прач-

ки. А недавно доказана версия о караимских корнях её отца Шабетая Шамарша. Он был уроженцем Евпатории и происходил из семьи потомственных музыкантов...

Гуляя по парку, мы и не заметили, как стемнело. Но народ не расходился. Люди собирались в группы. Все скамейки были заняты. Кстати, на спинке каждой из них отчеканены имена и фамилии людей, которые внесли свой вклад в строительство и благоустройство этого района. Маленькие оркестры, разместившиеся на полянах, ещё оглашали парк музыкальными ритмами, когда раздался выстрел. И всё сразу смолкло. А через мгновение купол неба расцветил праздничный фейерверк. Разноцветные сияющие созвездия в виде брызг, стрел и причудливых узоров сменяли друг друга. Такого яркого зрелища, как признался нам Давид, за свои почти двадцать лет жизни в Лондоне он не видел. Похоже, королевские службы не поскупились, чтобы празднества были людям в радость.

В том, что знаменательная дата отмечалась щедро и с размахом, мы убедились и во второй день нашего пребывания в столице Англии. Повсюду – флаги, транспаранты, праздничное оформление фасадов зданий. В парках и на улицах – оркестры...

Букингемский дворец – официальная лондонская резиденция Её величества Елизаветы II. Здесь королева работает, здесь живёт и сама она, и вся её семья. Когда-то дворец был закрыт для посещения, а теперь сюда могут приходить туристы. Но в этот день королева и её семья сами вышли к людям. Этот исторический момент сопровождался воздушным парадом и транслировался на нескольких огромных телеэкранах, установленных на городских площадях. Мы видели улыбки, радость, рукоплескания в честь королевы. И этот момент выражения искренней

любви и почитания правительницы Англии, наверное, мы не забудем.

Придёт время – и это уйдёт в историю. Так же, как и всё, что происходило сто и двести, и триста лет назад... А ещё останется не только в памяти людской, но и в творениях скульпторов, художников, архитекторов. Как, например, и одно из исторических событий – победа английского флота под командованием Нельсона у мыса Трафальгар в 1805 году. О ней нам напоминает 44-метровая гранитная колонна в центре Трафальгарской площади. А венчает эту колонну статуя самого адмирала Нельсона. Успели мы в этот день пройти и залами (далеко не всеми) Национальной картинной галереи. Зато уж в музее Мадам Тюссо, куда удалось попасть в третий день нашего пребывания в Лондоне, смогли посмотреть, кажется, всё. И, конечно, сфотографироваться рядышком с фигурами любимых писателей и музыкантов, актёров и политических деятелей, персонажей литературных произведений. А вот чтобы в наших фотоальбомах осталась память, к фигурам королевской семьи, пришлось выстоять длинную-предлинную очередь.

Дом, в котором создан музей Шерлока Холмса, был построен почти 200 лет назад и внесён в список зданий Её Величества. Сегодня он представляет архитектурную и историческую ценность. Мы мило поздоровались с Миссис Хадсон (не восковой фигурой, каких здесь множество, а живой и улыбчивой), правда, помолодевшей до возраста внучки литературного персонажа. Она встречала гостей радушно, но по-английски сдержанно. Сам музей вернул нас в захватывающие истории, знакомые с детства. Мы переходили из комнаты в комнату, узнавали героев рассказов Артура Конана Дойля, поднимались и спускались по

скрипучей лестнице и казалось нам, что вот-вот из какого-то угла покажутся светящиеся глаза собаки Баскервилей...

Встречи с историей, встречи с литературными персонажами, встречи с искусством... Но ничто так, наверное, не запоминается, как случайные встречи с людьми. Этот же день как раз и подарил нам такую встречу в Риджентс-парке. Кстати, парк получил это название в честь принца-регента Уэльского, по заказу которого ещё в начале девятнадцатого века был разработан план устройства этого уникального места отдыха. За день невозможно посмотреть всё: строения, зоопарк, пруды с водоплавающей птицей. Не обойти и все поляны, аллеи с резвящимися белками и ненасытными голубями... Но вот на одной из аллей встретили мы пожилую супружескую пару. Познакомились. Он – Рональд Ирвинг, адвокат, автор нескольких книг. По национальности – еврей. Приветливый, разговорчивый, он легко идёт на контакт. Почему подошёл к нам? Может, привлекла наша характерная внешность. Вот и потянулась душа... В Израиле бывал туристом. Иврита не знает, общается на английском.

– Русский язык знаете?

– К сожалению, нет. Но очень люблю Чехова, Пушкина, Толстого. С удовольствием читаю Гроссмана. В переводе, конечно.

– А ваши корни? Где они?

– Мой дед (он из рода Гольдштейнов) в 1870 году, спасаясь от рекрутства, бежал в Англию из Украины. Да так и остался здесь, в Лондоне. Здесь же родился и я.

– А ваша супруга?

Миловидная улыбчивая женщина, с которой наша Мария пыталась поддержать разговор на идиш, близкий к не-

мецкому языку, подключилась к общей беседе и представилась:

– Меня зовут Рейке. Я – немка. Но это очень длинная история о том, как мы с Рональдом оказались вместе. Отец мой служил в гитлеровской армии, в СС...

По-разному можно было бы додумать историю объединения двух людей – еврея и немки, дочери офицера-карателя. Но супруги не стали продолжать эту тему. А Рональд, склонный всё обращать в шутку, на наш комплимент его приятной супруге сказал:

– А немцы, знаете ли, все приятные, – и добавил, – пока война не началась...

При этом он нежно обнял Рейке, улыбнулся ей и нам, и мы дружески распрощались с этой парой, от которой шло тепло и очарование.

Очарование встреч... Сейчас, когда написала эти два слова, мысленно окунулась в атмосферу того поэтического турнира «Сверх барьеров», в котором участвовала наша Евгения Босина и который проходил в одном из лучших университетов мира, в Кембридже, где требования к студентам настолько высоки, что свои зачёты они должны сдавать с первого раза, иначе – отчисление. И кафедра славистики здесь – тоже одна из лучших. Потому студенты, приехавшие со всего мира, русский язык изучают именно в этом университете. В перерыве к Евгении подошли две молодые женщины. Одна из них с сильным акцентом представилась:

– Меня зовут Элеонора. А это – моя подруга из Германии. Я австрийка, живу в Вене. Учю ваш язык. Знаете, я так плакала, когда вы читали свои стихи «Говорите со мною по-русски»... Я вас уже просто люблю...

И такие искренние признания, наверное, дороже самых высоких оценок жюри. Как, впрочем, и признание одной из старейших преподавателей русской литературы Кембриджского университета Ирины Кирилловой или директора Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы Е.Ю. Гениевой...

— Вы замечательно пишете и замечательно читаете свои стихи, — сказала Екатерина Юрьевна. — Я дала вам самую высокую оценку.

Е.Ю. Гениеву мы слушали и в зале Представительства «Россотрудничества», где и финалисты, и члены жюри читали свои стихи, и в знаменитом Британском клубе PALL MALL, где она рассказывала о Марине Цветаевой, после чего развернулась интереснейшая дискуссия о жизни и творчестве знаменитого поэта.

Два круга чтения лучших стихов участников десятого юбилейного конкурса «Пушкин в Британии» прошли под сводами церкви «Сэнт-Джайлс». Зрительская оценка должна была повлиять на определение победителя. Завершилось чтение фуршетом в церковном саду. Нам приятно было пообщаться здесь с поэтами-израильтянами, с которыми уже не раз встречались на подобных международных турнирах.

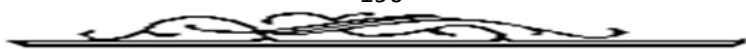
Ну, а далее в нашей личной программе было посещение Вестминстерского аббатства — главного храма страны, в котором короновались все английские монархи, начиная с IX века. Регулярно здесь проходят церковные службы, присоединиться к которым может каждый желающий. Интересным показалось то, что именно здесь захоронены известные английские писатели и поэты. Это место в храме так и называется «уголок поэтов». Неподалёку Букингемский Дворец, здание парламента и знаменитый Биг-

Бен – самая большая из шести часовая башня Вестминстерского дворца. Когда-то в Биг-Бене была тюрьма, в которую помещали чересчур распоясавшихся парламентариев. Последней узницей здесь стала борец за женские права Эмелин Панкхерст. Теперь рядом с часовой башней ей поставлен памятник. Узнала об этом – и представилась картинка разборок наших хаверим Кнессета, которые во время горячих споров могут облить друг друга стаканом холодной воды и... успокоиться.

Прошное, настоящее – всё здесь имеет свой смысл, своё значение. Всё, да не совсем. Вот, например, так и остался не понятым нами один парад. По дороге в Британский музей мы попали под дождь. И мгновенно открылось множество разноцветных зонтиков. У дороги столпился народ – кого-то ждали. Остановились и мы. К всеобщему удивлению, а может быть только к нашему, показалась колонна велосипедистов. Это были нудисты – парни и девушки. Своим обнажением они, возможно, пытались заявить о каких-то своих правах или свободах. А может, это был их протест чему-то... Посиневшие от холода девушки с распущенными волосами, украшенными веночками из искусственных цветов, трубили в детские дудочки, гордо следуя проспектами Лондона.

Привлекло наше внимание в этот день и ещё одно массовое мероприятие. Но это была уже патриотическая акция. В ней участвовали представители одной из индуистских общин. Мы не сразу поняли, что происходит здесь, на площади у Национальной галереи. Тьма народа. У взрослых и детей – одинаковые оранжевые головные уборы в виде тюрбана или чалмы. Кто-то рядом пошутил: «Оранжевая революция что ли?».

Почему оранжевый цвет, так и не выяснили, а вот по какому поводу акция с пламенной речью оратора нам объяснила молоденькая, невероятной красоты девушка. Её мама хлопотала неподалёку, у дымящегося котла и всем желающим раздавала горячее национальное кушанье. Оказывается, семнадцать лет назад, 10 июня лидер этой общины был арестован и, по мнению народа, ложно обвинён. И теперь ежегодно в памятный день здесь проводится акция протеста в защиту прав человека и демократии.

– Только, пожалуйста, не надо меня фотографировать, – запротестовала наша собеседница и прикрыла лицо руками, заметив, что я достаю из сумочки фотоаппарат.

А я подумала, что фото каждого из митингующих могло бы украсить любое издание. На удивление, красивый народ! Ну, хоть, как говорится, кино снимай.

Аппетитные пряные запахи, витающие над котлами, напомнили, что подошло время обеда. Мы заглянули в небольшой французский ресторанчик на Пикадилли и, для разнообразия, остановили выбор на нём. Мы уже успели отведать японскую, китайскую и итальянскую кухни. Кстати, у итальянцев нам подавали (что бы вы думали?) «котлету по-киевски». Ну, очень было вкусно.

Во второй половине дня солнечная погода подарила нам прекрасную речную прогулку. Катер скользил по водной глади Темзы, а мы любовались красотами Лондона. Потом гуляли по набережной с живыми скульптурами. Бросишь монетку – и можешь сфотографироваться рядом с ними. А что? Это тоже маленький бизнес. Призывно манили уличные музыканты, завораживая нас своей игрой и приветливо улыбаясь.

До отъезда оставалось немного свободного времени,

и мы отправились в кафедральный Собор Святого Павла. Попали на литургию в честь первого, после Святой Троицы, воскресенья. Соборный хор под сопровождение органа вместе с прихожанами пел на английском языке, прославляя наш Иерусалим – вечный город, который объединяет людей, где бы они ни жили и какую бы религию ни исповедовали. Это придавало нам чувство благодарности судьбе за то, что мы живём на нашей, Святой Земле. И было от этого на душе тепло. Вот с таким же чувством мы усаживались и в свой Эль-Альевский самолёт, на подступах к которому стояла полицейская охрана. Точнее, два чувства теснились в нас: с одной стороны – уверенность в том, что мы в безопасности, с другой – тревога. Ведь не изжиты пока в нашем обществе зависть, зло и ненависть. Потому так неспокойно в мире.

Но как бы там ни было, а ступив на свою землю, мы поняли: очарование от встреч с удивительно красивым городом, от общения с людьми, дающее посыл к творчеству, останется с нами надолго.

г. Лондон
Июнь 2012 г.

МАГИЯ СЛОВА, А МОЖЕТ, КАМНЯ...

Но прежде о магии камня. Камня со сквозной дырочкой, которую сотворила сама природа. Его называют Куриным богом. Куриным – потому что в старину камешек подвешивали над входом в курятник для того, чтобы хохлатки исправно неслись. Со временем его чудодейственную силу люди перенесли и в свою жизнь. И свято верили в то, что если при себе держишь такой продырявленный камень, то будет тебе удача во всём, здоровье отменным, сон крепким, и богатства придут. Единственное условие – камень надо найти самому.

Легенда ли, мистика?.. Но порой вполне реальные события, чьи-то успехи и удачи, невероятные совпадения люди слова – писатели, журналисты порой тоже связывают с магической силой Куринобога. Недавно из фильма в передаче «Особый случай» российского телевидения я узнала о том, как такой вот Куриный божок, якобы, помог архитектору осуществить идею о строительстве в Москве города своей мечты, ставшего впоследствии Всесоюзной выставкой достижений народного хозяйства СССР. Известному скульптору Мухиной Куриный бог «посодействовал» в создании её неповторимого творения – монумента «Рабочий и колхозница», украсившего эту выставку.

Правда ли, выдумка ли или просто приём сценариста? Кто знает... Только взяв в руки новую книгу поэта Елены

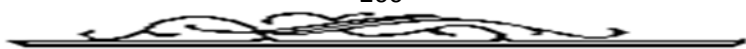

Текс «Мой сад камней», я подумала, что нет, не Куриный бог помог ей заполнить 320 страниц проникновенными стихами, написанными ею за последние десять лет. Не он привёл её к талантливому художнику из Вильнюса Семёну Каплану, графические рисунки которого так удачно проиллюстрировали эти стихи, полнее раскрыв их содержание. Я знаю, как долго и упорно искала Елена картины, даже сама пробовала их рисовать. А стихи эти о любви и природе, о Земле Обетованной всё ждали, когда, наконец, появятся такие рисунки, чтобы читатель мог почти воочию увидеть, когда «Ты только руку протяни —/ Здесь небо ниже./ И как бегут за днями дни.../ И к Богу ближе!./ Здесь каждой клеткой ощутишь/ Земные токи./ Святая вечная Земля —/ Любви истоки!». Ждали этого и стихи о тех мгновениях, которыми наполнена наша жизнь. А в ней и философские размышления, и музыка, и миражи, и предчувствие, и желанные сны, и свидания с полотнами любимых художников. И дождались. Читаю: «Любуясь россыпью камней,/ Я восхищаюсь дивным цветом,/ Природой созданным букетом,/ Так гармонично слитым с ней» и будто бы вижу, как рождается стих, который завершает строфа: «О, камни, сказка или быть?!/ Всегда лишённые свободы,/ Вы презираете невзгоды —/ Вы есть всегда! Вам вечно жить!».

Окунувшись в мысли и чувства поэта, я спросила Елену:

— Что для тебя — твой сад камней и кто привёл тебя в него? Не заветный ли камешек — Куриный бог?

— Нам всегда хочется верить в чудо, — ответила мне Лена. — Вера в магическую силу талисманов основана на вере в свои собственные силы. И эта вера даёт нам толчок к творчеству. А известный сад камней — творение

японских монахов, в котором пятнадцатый камень никогда не виден, с какой стороны ты бы ни смотрел на сад, — и навёл меня на мысль о том, что мы должны стремиться к тому, что скрыто от нас сегодня. Мой сад камней — это перспектива, это карта жизни. У каждого из нас есть свой сад...

С этим трудно не согласиться. В своём воображаемом саду живёт и пишет стихи Ольга Пильщик. Но, в отличие от Елены, она ощущает себя в саду, населённом всеми своими прошлыми жизнями, потому что сама верит в реинкарнацию — переселение душ. Души живших когда-то людей не дают ей покоя, они как будто диктуют ей мысли, рифмы...

— Не верите, — лукаво улыбнулась мне Ольга и уже на полном серьёзе сказала: полагаю, что у меня было три прошлых жизни. Самая яркая — жизнь Сафо, родившейся на острове Лесбос ещё до новой эры. Это открытие пришло ко мне во сне. Однажды проснулась и написала: Я ныряю в сон за отрешеньем,/ За спасеньем от мельканья дней./ Я найти пытаюсь утешенье/ В мире неразгаданных теней.

Тогда, готовя интервью с Ольгой к выходу её девятой книги стихов «Апельсиновое деревце», я осторожно возразила:

— Это ведь не Вы, Ольга...

— Да, — согласилась моя собеседница, — но я ведь и не её копия. Просто во мне её душа...

Стоит ли возражать поэту, если из книги в книгу кочуют строфы, подобные тем, что поселились и в только что возвращённом ею «Апельсиновом деревце»: «Мне кажется, что я жила всегда. / И возникает в строчках стихотворных/ Порою — из других миров звезда,/ Порою — цепь подробно-

стей повторных.../ И знаю я – не старится душа,/ И нить существования не порвётся.../ И я, другую жизнь начать спеша,/ Пойму, что речка жизни дальше льётся...».

Куда унесёт течение Ольгу, к каким берегам причалит её поэтический кораблик? А, может, ему вовсе и не нужен никакой причал? Отправилась ведь когда-то в плавание под названием «Поэзия» поэт и переводчик Ирина Явчуновская, и вот уже много лет её чёлн бороздит необъятные просторы безбрежного океана слов. Пятая книга стихов Ирины, которую она назвала «Брожу по комнатам зеркальным», мне увиделась отражением её пребывания в некой волшебной стране. Ощущение этого видения придали и рисунки, и сама обложка, выполненные поэтом и художником Михаилом Левиным, поэтическая душа которого просматривается в каждом сюжете, в каждом штрихе картинки. Наверное, ещё и поэтому так пронзительно и так лирично звучат для читателя стихи, рождённые в Зазеркалье. Всё было необычно в этой стране, по которой вела Ирину мечта. Она поднимала странницу к облакам, среди которых можно было парить как в невесомости, опускала в прохладу ласковой волны Чёрного моря – моря её детства и мечтательной юности с яркими звёздами и запахом магнолий. Это та самая, юношеская мечта подарила ей встречу с двумя слившимися в танце мотыльками. Они купались в солнечном мареве, наслаждаясь свободой...

Но жизнь – это своеобразное странствие – преподносит поэту не только счастливые минуты. Ты вдруг наталкиваешься на глухую стену, пусть она даже и зеркальная. А что за ней? Тебя может там накрыть океанской волной или поднять высоко на ступени, позволив глотнуть свежего воздуха, и снова опустить, перекрыв дыхание... В своём зеркальном отражении Ирина видит следы обид и пора-

жений и просит время замедлить бег и растянуть лишь прекрасные мгновения. Но они, увы, не всегда помогают. Без душевных мук и болей не рождаются искренние, правдивые стихи. Я спросила Ирину:

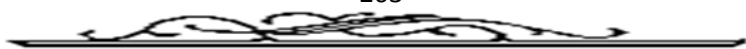
– Когда бывает трудно в жизни, кому поплачешься в плечо?

– Друзьям, – ответила она. – А ещё – листу бумаги и своему Ангелу: Я знаю, ты спасал меня не раз,/ Не ты ль рукой незримой то и дело/ Мне стёклышко цветное в тёмный час/ Давал, чтобы на мир я поглядела!../ Пусть ручеёк на клавишах камней/ Играет, и ликует всё земное,/ Сплетённое из света и камней,/ Перетекая в стёклышко цветное.

– Думаю, что именно такое цветное стёклышко помогает тебе писать яркие и добрые стихи для детей и делать для них переводы с английского и иврита на русский и наоборот...

– Наверное, и оно тоже. С не меньшим желанием я перевожу и с русского на иврит полюбившиеся израильтянам песни.

Минувший год и текущий особенно урожайные для нашей литературной студии «Анахну», которая недавно отметила своё двадцатилетие. Мне кажется, это время – рекордное по количеству книг, изданных моими друзьями. И вот когда уже на книжной полке в шкафу не осталось свободного места, я и села за компьютер. Путешествуя по этим книгам-исповедям, я проникалась всё большей симпатией к их авторам. Вот скромный поэтический сборник инженера Григория Гозмана, который он назвал очень просто: «С т и х и». Но в них умещается вся жизнь автора – от рождения и до вполне зрелых лет. Я листаю страницу за страницей и окунаюсь в воспоминания человека,

который свои стихи называет поздними детьми: «Я с детства очарован был стихами,/ И вот теперь, почти на склоне лет,/ Пишу, как начинающий поэт./ Что получилось – посудите сами». Или: «Я не страдаю манией величия,/ Амбиции мои скромны, ей-ей,/ Стихи, как небольшая стая птичья,/ Вдруг выпорхнули из души моей...»

А получилась своеобразная повесть в стихах, в которой раскрылся добрый, чуткий и ранимый человек, умеющий порадоваться за друга и принять его боль на себя, благодарный и любящий родителей сын, страдающий от того, что, возможно, недодал внимания и заботы матери и отцу: «Может, потому мне грустно стало,/ Что в далёком и родном краю/ Нет такой, которая бы ждала,/ Вглядываясь в карточку мою». Особой страницей легла в воспоминания Григория тема войны: «Победу празднуем весной,/ Но в звуках солнечного мая/ Вдруг с прежней болью оживает/ Тот безутешный женский вой./ Я не забуду этот плач,/ Пока дышать не перестану,/ Не залечить мне эту рану,/ Хоть время – самый лучший врач».

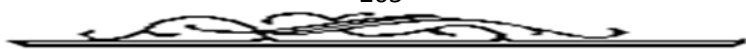
Похоже, душу Григория Гозмана и лечить-то не от чего. Она достаточно широка и добра, в ней находится место для радости, сострадания, любви, сочувствия... Посмотрите оглавление книги: кроме стихов-воспоминаний, вы найдёте здесь строки, в которые вплелись еврейские мотивы и дуновения израильской природы, размышления и раздумья об истинных ценностях жизни и вполне земные радости и огорчения.

Может быть потому, что я лично знакома с автором и мне весьма импонирует его скромность, очень по душе пришлись строки из стихотворения, в эпиграф которого вынесены слова Бориса Пастернака: «Быть знаменитым некрасиво»: «Какое счастье быть незнаменитым,/ Свободным,

независимым, открытым,/ Неузнаваемым для большинства людей,/ И не бояться ярких фонарей.../ ... Не слышать надоевших комплиментов,/ Не ожидать подвоха конкурентов,/ Не убегать через служебный вход,/ Оставив без автографов народ,/ А дальше, в мире вечности и тлена/ Не слышать голос гида вдохновенный,/ Что донесёт сквозь каменные плиты:/ «Здесь похоронен некто знаменитый».

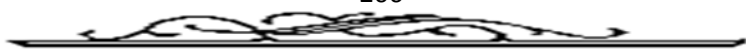
А вот поэту Юрию Лейдерману известности не занимать, хотя и в скромности ему не откажешь. Когда и как он создаёт свои неповторимые творения, от которых порой сердце защежит или замрёт? Спрашивать бесполезно, потому что скорее всего Юрий просто пожмёт плечами и нам останется лишь удивляться его работоспособности, которой не могут помешать ни тяготы жизни, ни настроение, когда не пишется... Кажется, что пишется ему всегда, а стихи рождаются просто ниоткуда. Доказательством тому – вышедшие один за другим сборники стихов: «Время печали» и «Соломенный дождь». Это четвёртая и пятая его книги. И чуть ли не каждая страница – это рентгеновская плёнка, которая высвечивает метущуюся, неуспокоенную душу поэта. Хотя, тут я возражу самой себе, никакой рентген не покажет, как терзают поэта сомнения и беспокойство, поиск истины и смысла жизни... Наверное, не случайно Юрий своё «Время печали» открывает циклом стихов под названием «Я, как слепой, питаюсь ложью...», продолжая: «Что отыскал дорогу божью:/ В траву созвучий, в дебри чувств,/ Где много слёз, а счастья чуть./ Где плюс – крестообразный минус,/ И стих во мне, а не на вынос./ И лес в окне – дубовый ставень –/ По эту сторону оставил/ Любовь, а ненависть по ту,/ Где луч пробился и потух./ И темноту ласкает слово,/ Как чуткий посох у слепого...»

К душе своей Юрий Лейдерман обращается во многих стихах. И душа эта, будто тонкая скрипичная струна, вибрирует на всё, что происходит с поэтом. Ну, вот, например: «Душа моя – колодец мой./ Ну, сколько можно черпать слово,/ Тянуться к звёздам, а за тьмой/ И умысла не видеть злого!/ Там камни белые на дне –/ Года застывшие и лица./ Ну, сколько радоваться мне/ И сколько в глубине сердиться!/ Но я поверил, что любим,/ Что я – не загнанная лошадь./ И выплывает из глубин/ Всё, что печалит и тревожит».

Многие стихи, вошедшие в книгу «Соломенный дождь», ещё свежи в памяти, ведь почти каждое из них мы слушали на своих студийных встречах, замороженные Юриным чтением, и цепenea от неожиданных, только Юриных сравнений и метафор. Но вот открыла книгу и увидела вступительное слово к ней Вадима Халуповича, члена Союза писателей Израиля, лауреата премии им. Давида Самойлова. Он пишет: «Книга состоит из четырёх разделов... В этих разделах недлинные, точные, лирически законченные стихотворения. В них живёт мятущаяся душа автора и масса литературных героев от Гомера до Иосифа Флавия, от Саула до Колумба, от Кирилла и Мефодия до Ромео и Джульетты. Всякий раз эти герои из сокровищницы мировой литературы и Поэзии появляются на мгновение в стихе, чтобы помочь автору привлечь нашу память, раздвинуть границы стиха и подчеркнуть градус метафорического говорения. А лирическое содержание в каждом стихотворении новое... Лейдерман пишет много коротких стихов и делает это блестяще, выстраивая в восьми строчках точную, прозрачную лирическую мысль. Так о времени всё сказано в двух строках: «И пишет на песке Сократ/ О быстротечности песка...». До Лейдермана никто

так не говорил».

Да, каждый настоящий поэт неповторим, как и неповторимо его творчество. Вот недавно брала интервью у поэта и писателя, всеми нами уважаемого Эдуарда Фишера. Его собранности и работоспособности можно только позавидовать. При этом понятию «зависть» надо придать самый положительный смысл. Я пришла к нему в гости после прочтения вышедших одновременно двух книг – повестей. А им предшествовал новый, четырнадцатый сборник стихов под названием «Зов», который открывают такие строки: «Стихи – как волны или ветер –/ Мнут жизнь мою,/ Как мнут траву.../ Но знаю,/ Что на белом свете/ Без них и дня не проживу...». Эдуард не лукавит. На каждую встречу студийцев он приносит десяток и более новых добротных, глубоких по своему содержанию и наполненности чувствами, стихов. Себя он считает больше поэтом, чем прозаиком. К его прозе я прикоснулась впервые и, право же, не знаю – отдать предпочтение его поэтическому таланту или писательскому. Хотя замечу, что чуть ли не каждое его стихотворение – это повесть в миниатюре. Книжки же: «А дорога едина...» и «Ёлочки-иглопочки» открыли для меня писателя, мастерски владеющего словом. Не удивительно. Филолог по образованию, он всю жизнь отдал педагогике. Хорошо понимая юные души, сумел нарисовать образ героини «Ёлочек-иглочек» очень правдивым.

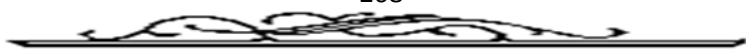
Вообще все повести Эдуарда Фишера – документальные, хотя и не лишены художественности. «А дорога едина...» вообще автобиографическая. Она о военном и послевоенном детстве Эдуарда и о сегодняшнем дне. Эти два периода жизни писателя как бы вступают в переключку времён и событий. Событий, связанных с боевыми дейст-

виями, в которых принимал участие его отец Яков Фишер, сложив голову на поле битвы под Рузой. Одна из страниц книги «Зов» содержит стихотворение «На Поклонной горе», в котором просто невозможно не увидеть двойственности чувств автора. Вот несколько строф: «На Поклонной горе синагога./ Щит Давида средь белых берёз./ Ах, как надо еврею не много,/ Чтоб расчувствоваться до слёз./ В стороне от парадных фонтанов,/ От музейных российских побед —/ Незажившая, вечная рана —/ Пробудившейся совести след.../ Синагога на русской аллее./ Зыбким пламенем свечи горят./ Заходите, молитесь, евреи,/ За погибших российских солдат...».

Ещё, как говорится, не высохла типографская краска этих трёх книг, а в работе Эдуарда одновременно ещё две повести и, конечно же, стихи.

А вот наш руководитель студии писатель и большой знаток поэзии Марк Тверской поэтом себя не считает, хотя стихи его частенько звучат на наших встречах. Да и в пародиях равных ему среди нас, пожалуй, и нет. Зато мы зачитываемся его повестями и рассказами. Особенно яркие и эмоциональны его короткие и не очень короткие рассказы, вошедшие в книжку «За кулисами ординаторской». Доктор медицины, он автор двух медицинских монографий и свыше пятидесяти статей в ведущих англоязычных профессиональных журналах. Совсем недавно вышла его новая книга, которая называется «Дежурство с продолжением». Интересна обложка книги. На ней графическое изображение свитка Торы, одну из скрижалей которой обвивает гибкое тело змеи — как часть символа медицины. Чувствуется, что автору очень дорог этот рисунок. Открываю книгу и читаю: «Сегодняшняя жизнь настолько напряжена и полна забот, что у наших детей, а тем более

у выросших внуков, обычно не остаётся времени для родителей, бабушек и дедушек. То, что мой старший внук Дов Цацкис по собственной инициативе нарисовал обложку для этой книги, доставило мне большую радость...».

А мы с радостью окунаемся в хорошую, добротную прозу, которая захватывает с первых же строк. Из повестей и рассказов мы узнаём, как автор не стал дворником на Жилянской улице, о герое рассказа Дуду Шкловском, до которого никому не было дела, о судьбах многих людей – героев повести «Путешествие в Тимну» и других.

Вышел недавно из печати и плод нашего коллективного труда – третий номер альманаха «Хайфские встречи» под редакцией Марка Тверского, Юрия Лейдермана и Евгении Босиной. Кстати, «на подходе» новая книга стихов Евгении. И мы ждём её с нетерпением. Потому что магия её поэтического слова завораживает. А талант поэта зреет с каждой новой книгой. И помогает в этом не Куриный бог, а тот Бог, которого мы несём в своём сердце.

г. Хайфа.

Август 2013 г.

«ХАЙФСКИЕ ВСТРЕЧИ» – СЕРДЕЧНЫЕ ВСТРЕЧИ

Размышления после презентации

– Признаюсь тебе, Маша, шла на презентацию, в основном, чтобы послушать твои стихи, но получила огромное удовольствие от встречи с каждым из авторов альманаха... Это откровение художника Светланы Ганкин я невольно услышала, когда литературно-музыкальный вечер уже закончился, но зал хайфского Бейт-оле был ещё полон зрителей. Люди не торопились уходить, делились впечатлениями, просили авторов подписать купленные книги.

Альманах «Хайфские встречи» у литературной студии «Анахну» – уже второй. Первый вышел в 2009 году. Тогда, на его презентации, я и познакомилась со студийцами, встречи со многими из которых и по сей день для меня как праздник. Потому что в нашей суетной жизни, наполненной заботами, необходимыми делами, бесконечными обязанностями, интересное общение даёт не только импульс к творчеству, но и сближает нас, и, не побоюсь этого слова, даже роднит. Ведь с кем, как не с родным человеком, поделишься радостью или печалью, кому, как не ему, прочитаешь только что родившиеся строки, зная, что получишь доброжелательную, но строгую оценку?

Поставила вопросительный знак и подумала, что уместна была бы и утвердительная точка. А вот высокий

профессионализм авторов, представивших своё творчество во втором альманахе, отметил весьма авторитетный в литературных кругах поэт-шестидесятник Вадим Халупович. Для многих студийцев – большая честь быть напечатанным в одной книге с автором одиннадцати поэтических сборников, членом Союза писателей СССР и членом Союза писателей Израиля. Предваряя выход авторов на сцену, Вадим Халупович выделил такие строки в их стихах, в которых без труда угадывался стиль автора, но это нами, студийцами. А вот многие присутствовавшие в зале открыли для себя по-настоящему талантливых поэтов.

Стихи Евгении Босиной, Юрия Лейдермана, Михаила Левина, поэта и переводчицы Ирины Явчуновской, Марка Тверского, Елены Текс, Иосифа Вула (к сожалению, ныне покойного), 20 лет назад основавшего студию и много лет возглавлявшего её, Марии Фердман, Семёна Генделя, Марины Симкиной, Абрама Эленбогена, Тамары Ростовской, Григория Гозмана, Ольги Пильщик, Владимира Маркина, Дворы Яблонской, Леонида Костинского, Сусанны Зайцевой в зрительских аудиториях звучали не раз. И всегда тепло принимались. Я вспоминаю поездку в Германию, где многие наши студийцы участвовали в X Международном поэтическом турнире в Дюссельдорфе.

Полтора года, прошедшие с тех пор, пролетели как-то незаметно. Вообще, когда жизнь насыщенная – не замечаешь, как утекает время. Но оно оставляет свой заметный след. Моя книжная полка за этот период пополнилась очень ценными подарками. Рядом с моими появились книги и моих друзей. Вот второй сборник стихов Жени Босиной «Там, где нас нет» с её, как сказал В.Халупович, страстными монологами, которые мало кого оставят равнодушными; вот две книжки стихов Юрия Лейдермана:

«Театр одного актёра» и «Голос крови», в которых главной надо бы выделить мысль самого автора: «Из тысячи всех одиночеств стихи остаются с тобой». Взяла в руки книгу члена Международного союза писателей и журналистов (АРИА) Иры Явчуновской «Нити», перелистала в который раз и представила себе, как из своего волшебного клубка «вывязывает» она рядки-строчки. Дай-то, Бог, чтобы этот клубок никогда не заканчивался. А рядом ещё одно уникальное, можно сказать, издание. Это книга «Сквозь годы» Бориса Сермана, известного писателя, поэта, журналиста, правозащитника – отца Ирины. После его ухода из жизни Ира и её мама Элиза Львовна Серман дополнили книгу воспоминаниями, стихами и очерками друзей поэта. В своеобразный вечер-мемориал вылилась тогда презентация этой книги, которая прошла прямо у нас в студии. Мы читали стихи автора, делились воспоминаниями о встрече с ним в Израиле и на крымской земле, откуда он был родом.

А вот сборник стихов «Мы будем счастливы, мой друг...» нашего поэта-лирика и барда, открытого душевно-го человека Семёна Генделя. На все литературно-музыкальные встречи он приходит со своей верной подругой – гитарой.

Человек-легенда есть в нашем литературном объединении. Это Тамара Ростовская (Лазерсон). Вместе со своей семьёй она в годы немецкой оккупации находилась в Каунасском гетто, где были уничтожены её родители и старший брат. Оставшиеся в живых средний брат Виктор и сама 13-летняя Тамара тайком вели дневники. Дневник Тамары вобрал события и периода её жизни в гетто, и времени, когда она скрывалась в литовской глубинке. Дневник жив до сих пор. Он лёг в основу книги Тамары и Вик-

тора Лазерсонов «Записки из Каунасского гетто». Книга, которой нет цены, – в ряду дорогих мне подарков...

Три месяца назад моя полка пополнилась новыми поступлениями. Свою тринадцатую книгу стихов «Сладкая соль» написал наш уважаемый Эдуард Фишер. На подходе у него следующая. Но это уже будет проза.

С любовью к автору, Ольге Пильщик, введение к её книге «Острова» даёт Марина Симкина. Сама Марина пишет стихи и прозу и редактирует книги некоторых наших студийцев. Хочется отметить и серьёзную, вдумчивую работу над альманахом редколлегии в составе Марка Тверского, Юрия Лейдермана, Марины Симкиной.

Очень надеюсь, что в недалёком будущем выйдет вторая книга стихов любимицы студии Елены Текс, чья поэзия трогает сердца и души. Двери гостеприимного дома Лены, как и её широкая душа, всегда открыты для друзей. Придёшь сюда – и найдёшь отдохновение...

Ну вот, собиралась писать о самой презентации второго альманаха, а получается рассказ о творческих удачах студийцев. Хотя не будь их, то и сам альманах не был бы так высоко оценён, ведь в него вошли лучшие из лучших стихов, рассказов, пародий. Наш руководитель Марк Тверской с любовью и гордостью вёл презентацию. Не случайно. Потому что альманах – это его детище и в него Марк вложил много сил и времени. О каждом, кто выходил на сцену читать свои произведения, он говорил с особым уважением и симпатией. Ну, как, например, иначе можно было представлять зрителям Евгению Босину, которая недавно вернулась из Австрии с большой победой? На IV Международном форуме «Литературная Вена» в номинации «поэзия» она получила не только самый главный приз, но и приз зрительских симпатий. Мы с Марией

Фердман, тоже участвовавшие в этом форуме, искренне радовались Жениной победе и гордились тем, что она высоко несёт знамя русского языка, живя не в России, а в Израиле. Участие в таких международных форумах раздвигает наши творческие границы и даёт возможность печататься на многих интернетовских сайтах, в журналах и альманахах, выходящих за рубежом.

Однако вернёмся в наш уютный зал. И теперь окунёмся уже в мир музыки. Вы спросите, какое она имеет отношение к презентации альманаха? Отвечаю – самое прямое. Дело в том, что уже два известных композитора – Елена Сухенькая из Тверии и Марк Зельдич из Хайфы – заинтересовались стихами наших поэтов и написали на некоторые из них музыку. Получились замечательные песни. Многие из них становятся весьма популярными. Например, песня на стихи Марины Симкиной «Отпустить тебя», написанная в ритме вальса, или «Цыганка» и «Израильская патриотическая» – на стихи Ирины Явчуновской. Приятно видеть, что на литературно-музыкальных встречах зал подпевает исполнителям. И здесь особо хочется отметить песню «Золотой Иерусалим» на Ирины стихи. Точнее – на её перевод стихов израильского поэта и композитора Наоми Шемер. Сегодня русскоязычные израильтяне вместе с исполнителем Владом Эстриным под сопровождение скрипки Игоря Рубинчика вдохновенно поют «Золотой Иерусалим». Хочу передать впечатление нашей гостьи из Тверии, преподавателя немецкого и французского языков, автора нескольких книг Паулины Чечельницкой о прошедшей презентации:

– В зале, – сказала она, – были и люди, не имеющие отношения к русской литературе вообще и к поэзии в частности. Но через музыку стихи становились им

понятными. Это было видно по реакции зрителей.

Мнение Паулины поддержала и руководитель литературной студии «Волны Кинерета» из Тверии, поэт и писатель, филолог Любовь Знаковская. Две наши студии связывает многолетняя творческая дружба.

Совсем недавно фонотека нашей студии пополнилась новыми музыкальными произведениями. Написаны песни на стихи Марии Фердман «А женщина, рождённая в сорочке», и Елены Текс – на стихи: «Слёзы – горох», «Целуют всегда не тех» и «Огонь любви».

Стихи, стихи – они, конечно, занимают главное место в творчестве студийцев. На своих занятиях мы всякий раз слышим что-то новое, обсуждаем, спорим... Реже нас хвалят, чаще – не то, чтобы критикуют, а подсказывают, поправляют, советуют. И это нормально. Обид не бывает. С прозой – сложнее. Двух часов занятий недостаточно для того, чтобы послушать рассказ и обсудить его. Тогда на помощь приходит интернет. Мы пересылаем друг другу тексты, и обсуждение идёт по скайпу. Ну, что ж, это тоже форма творческого общения. И, надо сказать, вполне приемлемая.

Неверным было бы не назвать авторов альманаха, творчество которых представлено прозой. Это Тони Барлам. Его увлекательное повествование об истории Хайфы открывает альманах, Это Александр Вильшанский, Тамара Ростовская, Лина Селицкая, Марина Симкина, Марк Тверской (он же прекрасный пародист), Мария Фердман. Наши творческие успехи, юбилеи и праздники мы отмечаем вместе. Но в жизни нашей бывают не только радости. И в беде мы не оставляем друзей. Не случайно же наша студия называется «Анахну» («Мы»).

СТРАННИЦА ЗАЗЕРКАЛЬЯ

С к а з к а - б ы л ь

Она бродила по зеркальным комнатам как по лабиринту. Холодные стены этого странного дома то возвращали её в прошлое, то переносили в будущее. Они грозились накрыть океанской волной и неожиданно поднимали высоко на ступени, давая надежду на спасение. А потом снова и снова уводили в своё зазеркалье... И только гулкое эхо было для Неё той тонкой ниточкой надежды, которую из всех сил пыталась удержать где-то внутри себя. «Не провались и не споткнись!» – предупреждало эхо. И Она продолжала идти, терпеливо преодолевая препятствия. Куда? Зачем? И сама не знала. Наверное, Она шла за своей Мечтой.

В одном из зеркал Она увидела двух слившихся в лёгком танце мотыльков. Они беспечно порхали над маками, слегка касаясь алых лепестков. Вдруг ветер подхватил невесомых танцоров и поднял их в солнечное марево. Влюблённые купались в этом мареве, наслаждаясь своей, увы, однодневной жизнью и свободой.

Она невольно залюбовалась этим танцем и вдруг увидела себя саму, так же, как и мотыльки, свободно парящую среди белых облаков. Лишь крыло самолёта разделяло их. Она попыталась поймать пушистые клубки, но они, тая на глазах, исчезали. А может, боясь прикосновения, намерен-

но уплывали в те края, где нет оков... Она и сама готова была следовать за этими клубками лебединых облаков. Зачем? Может, затем, чтобы связать себе из них самое необыкновенное платье, в котором смогла бы вот так же свободно парить в небесах...

А где-то там, внизу, где просматривались контуры морских берегов с зовущими огоньками, волна уводила от причала одинокую белую лодку. Она с радостью подхватила бы сейчас два весла, которые, как два крыла, спасли бы её, не дали затеряться в морских просторах или разбиться о скалы. Может, тогда Она и себя смогла бы спасти от одиночества...

Море. То оно манит ласковой волной, то бушует и негодует. Какое море сейчас в Зазеркалье? Чёрное ли оно – море её детства и юности с яркими звёздами и запахом магнолий? Или Красное – с прозрачными водами и рыжими скалами, где алые горячие закаты? Эти моря – Её вчера и Её сегодня. Но Она точно знает, что сегодня сама уже не та, что была вчера. Другая. Прибавилось в жизни не только белых, но и чёрных полос. А в чём-то уже и жирная черта подведена, которую никакая волна не смоеет. И всё это укладывается в жизненный опыт. Но почему-то всё больше появляется сомнений, всё чаще возникают вопросы. И жизнь, как говорится, не сходится с ответом. А может, ответа и вовсе не существует...

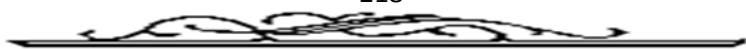
Другая зеркальная стена увела Её к звёздам, к далёким планетам, будто восставшим против тысячелетнего кружения по кольцевой орбите. Она увидела, как нарушив привычное движение, планеты вырвались из плена. И всё вдруг смешалось. Марс помчался за Луной, Меркурий – за Венерой, а Земля в зелёно-синем сарафане прилетела на

свидание к Плутону. «А мы? Какие мы странные и смешные создания, – подумала Она, – живём по каким-то канонам, подавляем в себе сигналы собственной души, не слышим зова Мироздания...».

Фантазии захлестнули Путешественницу Зазеркалья. Позже они лягут в основу многих её стихов. А пока Ей так захотелось немного счастья, удачи... Она перешагнула ещё один порог лабиринта и попала в цирк. Под его куполом, шурша обёртками, кружилась... Фортуна. «Не поймать её, плутовку, – подумала Она, – эта капризная девица – поводырль лишь для слепцов. Сама справлюсь!». И волшебное зеркало тут же перенесло её в Париж, в тихую мансарду Монмартра, где грустил поэт, мечтая о Музе. А она, капризница, делая странные виражи, то взлетала по перилам, то садилась на балкон, то тихонько приоткрывала калитку. Муза шептала поэту: «Пей, пей моё лекарство. Вот увидишь, всё пойдёт на лад». И было в этом некое таинство, некий обряд, похожий на шаманство. И почему-то, как во сне, когда и к Ней самой неслышно приходила Муза, вдруг всплыла картинка: прямо из окна льётся волшебный голубоватый свет, а рука Мастера сжимает руку Маргариты... Эти тайны ночи наполняют Её радость. И тогда рождаются стихи.

Переходя из комнаты в комнату, от зеркала к зеркалу, Она ловила себя на том, что начинает вести некий немой диалог со временем, которое прозрачною струёй неустанно перетекает в прошлое. А с ним и её собственная жизнь. На мгновение охватывает страх, что в пяти шагах – вершина этой жизни. Но живая птица, что бьётся в груди, не позволяет остановиться. В своём зеркальном отражении Она видит следы обид и поражений. И просит время

замедлить бег, и растянуть лишь прекрасные мгновения. Такие, которые помогут ощутить единство души и тела, позволят быть в ладу с собою. Конечно, время не перестаёт падать на плечи, оно безжалостно. Но не дай, Бог, встать на якорь. «Я оттолкну свой чёлн, – обещает Она времени, – оттолкну, пока не поздно». Она уплывает, а из далёкого детства машут вслед тонкие стебли васильков.

Куда уплыл Её чёлн? Может, в то самое детство или юность, где остались верные друзья? А может, в неизвестное завтра, которое вроде бы рядом, за следующей зеркальной стеной, а на самом деле?.. Не заблудиться бы в этом лабиринте жизни, не потеряться бы... Это так похоже на виртуальный мир, который держит нас в одном окошке монитора и врывается в дом по нашему желанию. И тут мы встречаемся с дорогими нам людьми, принимаем на себя их беды и радости, открываем им души и сердца, в общении находим вдохновение. «Что имеем, не храним... – застучало вдруг в её виске. – Нет, что имеем, непременно сохраним». – Она мысленно исправляет известную фразу и пытается вникнуть в те прописные истины, которые порой просто не постичь.

«Что есть истина? – задаёт она себе вопрос. И ответ ищет в своей поэтической душе. «Как легко заблудиться в просторах фантазий,/ Променив золотой на гроши./ Как прийти от игры, что обманчиво дразнит,/ К откровению чистой души?». Она точно знает, что «Если чёрный разрыв меж тучами/ Обжигают ветра колючие,/ И неймётся тебе, не дышитесь,/ Вот тогда стихи и напишутся». А ещё уверена в том, что «Просто не приоткройшь дверцу/ В лабиринты своей души –/ Проживёшь без сонат и скерцо./

Так попробуй-ка – не пиши!»

Она уже изрядно утомилась в поисках выхода из странного лабиринта. И вообще как оказалась Она здесь? Кто пытался завести её сюда, в этот нереальный, непознанный мир? А может, он придуман ею самой? Тогда для чего? Не для того ли, чтобы найти некую идиллию? Стало тревожно и немного боязно – а есть ли вообще где-то идиллия и надо ли дальше в поисках её блуждать по Зазеркалью? Она закрыла глаза и позвала на помощь своего Ангела: «Я знаю, ты спасал меня не раз,/ Не ты ль рукой незримой то и дело/ Мне стёклышко цветное в тёмный час/ Давал, чтобы на мир я поглядела!... Пусть ручеек на клавишах камней/ Играет и ликует всё земное,/ Сплетённое из света и теней,/ Перетекая в стёклышко цветное».

Стихи прозвучали, словно молитва, и миг необычное путешествие закончилось. Будто занавес сцены опустился, разделив надвое мир фантазий и мир реальности. И тут Она поняла: «Пусть в этой жизненной прогулке/ В тупик так трудно не свернуть./ Но в тупиковом переулке/ Из самых мрачных закоулков/ Найдётся выход. В этом суть». Она успокоилась, страсти улеглись. Перед нею оказался её рабочий стол. Лунный свет падал на экран компьютера, и чуткие пальцы спешно заскользили по клавиатуре. Странница Зазеркалья рассказывала свои сказки для маленьких и больших. Спросите, а так бывает? Отвечу: бывает. Потому что истина – она для всех одна.

А в результате появилась удивительная по своему содержанию книга стихов, которую художественно оформил Юрий Рапопорт (скажу по секрету: сын нашей Странницы), а обложку и рисунки книги сделали Михаил Левин и Светлана Миллер. Ну, и не буду больше томить

вас: имя Страницы – Ирина Явчуновская, член Союза русскоязычных писателей Израиля и Международного Союза литераторов и журналистов (APIA).

* * *

Когда Ирина вернулась из путешествия по Зазеркалью, я взяла у неё короткое интервью.

– Ира, это твоя пятая книга стихов. И родилась она, на мой взгляд, так необычно, и название её «Брожу по комнатам зеркальным» тоже весьма интригующе. Мы чувствуем, как страницы книги будто дышат теплом, нежностью, глубоким проникновением в суть самой жизни, поиском истины и смысла бытия. Но главное, что я выношу из твоей поэзии, – это открытость к людям и вера в доброе начало... Что помогает тебе нести свет в душе?

– Ох! Ну и вопрос. Трудно говорить о себе. Могу сказать только, что из собственного многолетнего опыта преподавательской работы, а мне довелось работать и с маленькими детьми, и с подростками, и со взрослыми людьми, мне ясно одно: всё закладывается в семье. Человек впитывает, как губка, всё, что окружает его в детстве, и это остаётся с ним на всю жизнь. Поэтому, если во мне что-то такое и есть, я прежде всего должна быть обязана моим родителям.

– Не в меньшей степени привлекают и твои переводы стихов с английского языка на русский и стихов с русского – на иврит и на английский. По какому принципу ты отбираешь стихи для своих переводов?

– Обычно я перевожу поэзию, которая мне близка и находит отклик в моей душе, тогда мне хочется как можно лучше донести её до читателя на другом языке. Я люблю переводить английскую детскую поэзию, с её подтекстом и тонким юмором, обожаю парадоксы Льюиса Кэрролла, хотя это лишь на первый взгляд парадоксы, стихи Кэрролла очень глубокие и пронизательные, потому современны и сегодня. Мне нравится и пейзажная лирика американских поэтов 19 века Джорджа Арнольда и Пола Хэмилтона Хайне, и философская лирика Роберта Фроста, и тексты своеобразных песен-баллад Боба Дилана. Из израильских поэтов мне очень близка Леа Гольдберг, поражают своей искренностью и открытостью стихи Ханы Сенеш. Я пытаюсь переводить и русскую классику на английский: это самые любимые стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, Есенина. Интересно, что Владимир Набоков писал стихи на русском, и я не нашла их переводов на английский, решила сделать собственную попытку. Особенно увлекает перевод песен. Существует расхожее мнение, что песенные стихи нельзя назвать поэзией. Я с этим не согласна. Разве плохо, когда музыка гармонично сливается с настоящими стихами, и рождаются замечательные песни? К ним я отношу, например, песни Булата Окуджавы, Новеллы Матвеевой, израильской поэтессы и композитора Наоми Шемер. Перевод песни – это сложная задача, тут нужна необычайная точность и чуткость к тексту оригинала. Я рада, что мне удалось донести до русскоязычного слушателя замечательный текст песни «Золотой Иерусалим» и видеть с каким глубоким чувством и переживанием слушают коренные израильтяне «Журавли» Расула Гамзатова на иврите.

– Уже очень много твоих стихов положено на музыку. Кто автор песен и кто их исполняет?

– Больше всего я сотрудничаю с талантливым композитором из Тверии Еленой Сухенькой, и очень рада этому. С ней мы выпустили диск «Нити», кроме того в детском театре «Плим», которым она руководит, был поставлен небольшой мюзикл «Хикори-Дикори-Дак» по моим переводам английского детского фольклора. Иногда Лена просит меня перевести для неё песни на иврит или на английский, с которыми её питомцы выступают на разных сценах. Вот, например, недавно состоялась премьера песни на слова Дербенёва «Куда уходит детство», исполненной на английском, русском, иврите, а один куплет был переведён на французский, но не мной, а поэтом Паулиной Чечельницкой. Музыку к моим стихам писал и композитор Марк Зельдич. Недавно вышел диск его песен, созданных совместно с поэтами нашей литературной студии «Анахну». С Марком мы продолжаем сотрудничать и сейчас.

– И несколько слов, пожалуйста, о тех, кто помог тебе написать и оформить эту книгу.

– Над правкой этой книги работала вся моя семья. Я просила делать замечания, и охотно исправляла подмеченные недостатки, неточности. Обложку нарисовал на одном дыхании наш поэт и художник, бессменный оформитель альманахов «Хайфские встречи» и многих сборников стихов Михаил Левин. Он же подарил мне для этой книги свой рисунок «Летящая Маргарита», ставший иллюстрацией к стихотворению «Тайны ночи». Ещё несколько рисунков были сделаны художницей Светланой Миллер.

К сожалению, её уже нет с нами. Компьютерную вёрстку, перевод рисунков в графические и весь дизайн книги – эту просто ювелирную, кропотливую и тоже творческую работу – проделал мой сын Юрий Рапопорт. Спасибо огромное им всем за участие в создании этого сборника стихов и переводов.

– А тебе, Ира, спасибо за книгу. Ждём следующую.

« ... КАК ПЛАМЯ ПО ХОЛСТУ »

заалели цветы художника и поэта Михаила Левина

Умытый дождём и пригретый весенним солнышком, асфальт хранил старательные прикосновения маленького художника. Михаилу показалось, что это юное дарование побывало здесь вот только что и оставило как подарок своё творение – фантастически яркое и весёлое. Нарисованная разноцветными мелками, смешная рожица задиристо подмигивала ему.

«А что? – усмехнулся Михаил и, будто принимая условия некой игры, поддался настроению неизвестного автора. – Я с тобой, мой маленький дружок. – Он достал из сумки блокнот и точь-в-точь перерисовал рожицу. – Будет у нас с тобой совместное произведение».

Пройдёт немного времени, и на очередной выставке работ художника Михаила Левина мы увидим яркую, жизнеутверждающую картину «Воспоминания о детстве». Вот та же копия детского рисунка на асфальте. Здесь она – в радужном вихре красок. А на переднем плане – лица взрослых, умудрённых жизнью людей. Но уже чуть поблекшие тона, нет той всепоглощающей радости, какая бывает только в детстве. Зато – море доброты. В чертах, во взгляде и в улыбке, чуть тронувшей губы. Кого хотел изобразить автор? Может, своего деда, отца или себя самого, сегодняшнего... Можно спросить его об этом. Но лучше подобные вопросы не задавать. Потому что у каждого из нас своё восприятие картинных образов. Правда, для того,

чтобы лучше понять замысел художника, надо кое-что знать о его детстве.

Оно, увы, не было расцвечено яркими красками, потому что пришлось на годы войны и страшное время сталинских репрессий. В жернова этой адской машины попали не только видные деятели страны Советов – учёные, врачи, артисты, писатели, художники, но и их дети тоже. Когда арестовали писателя и драматурга Нахума Левина, работавшего в театре Соломона Михоэлса, и его жену Сарру, судьба Миши оказалась предрешена. Его отца расстреляли, обвинив в измене Родине, а мать отправили по этапу в лагерь, в Сибирь. У Миши была одна дорога – вместе с такими же, как и он, детьми «врагов народа» – в тюремный детдом. Позже его переведут к матери, в ссылку...

Но вернёмся к картинам и попытаемся понять, какие мысли и чувства вели кисть художника. Тема детства и памяти о нём прослеживается во многих работах Михаила Левина, в чём-то автобиографичных. Ну, вот хотя бы акварель «Телохранитель». Подросток почти слился с конём, с его мощным телом. Рядом с верным и сильным другом не так страшен обидчик. Можно предположить, что это взгляд художника на своё прошлое. А возможно, сюжет был подсказан в те далёкие годы, когда мальчик ещё только начинал учиться живописи. Может показаться невероятным, но это было в ссылке, в глухой сибирской деревушке. И самую первую, а потому и самую дорогую картину он подарил тогда своему учителю музыки...

А сейчас у меня в руках (кстати, и у многих посетителей выставки тоже) первый сборник стихов Михаила Левина «Камень преткновения». Открываю наугад страницу и читаю строфу из стихотворения «Чудаки»:

«Их и гонят, и выслеживают./ В общем – участь нелегка./ Но они опять развешивают/ Белых простыней облака». И далее – чудо-конь. Не тот ли самый?.. «...Да ещё коня бы в яблоках,/ Чтоб в седле, через века/ Вновь развешивать на радугах/ Белых простыней облака».

Чудаки-оптимисты. Вы видели их когда-нибудь грустными? Я – нет. Наверное, потому, что они создают вокруг себя некое пространство, в котором нам легко и спокойно. Здесь не обидят и не унижат, здесь скажут правду и поддержат... Вся палитра красок вылилась на полотно «Клоунада». Смотришь – и нет уже печали, уплыла-испарилась грусть. А вот – «бывший земляк-рижанин» художника, любитель плюшек и варенья неугомонный Карлсон. Чутьочку смешной и добрый, верный друг малышей и волшебник, но только постаревший, он возвращает нас в счастливую пору детства. Правда, своё детство Михаил не может назвать порой счастья и веселья: «Нет, не забыть тех горьких буден,/ Ни слёз детей, ни слёзы вдов./ Им вечным памятником будет/ Норильск сороковых годов».

Казалось бы, тема войны и репрессий могла доминировать в творчестве художника, ведь самая стойкая память – это память детства. Но нет. Своими полотнами Михаил Левин утверждает любовь и жажду жизни, веру в исполнение самых заветных желаний. В живописи и в поэзии темы добра и зла идут у него как бы параллельно. В стихах мы чувствуем боль автора, которую он несёт в себе с детства. В картинах же пробивается тот пронзительно добрый и радостный лучик, который греет и самого автора, и нас, зрителей. «А может, всё это иллюзия? – задаёт себе вопрос художник. – Как могут ужиться на земле добро и зло?..» Не эти ли сомнения вели руку мастера, стара-

тельно удерживающего в ладонях солнышко? Наверное, в том и состоит обман, что нельзя поймать Солнце. А так хочется тепла !..

Написала эти строки и вспомнила мудрое изречение: «Прощение выше мщения, а доброта сильнее гнева». И это утверждение, кажется, проходит через всё творчество художника, поэта и журналиста Михаила Левина. Да-да, и журналиста тоже. Он много лет проработал в газете. С таким жизненным опытом и правдивым взглядом на происходящее ему было что сказать своим читателям.

Но и без газетных строк он может рассказать о многом. Несколько точных мазков, деталей и штрихов – и мы уже там, где только что свершилось чудо. Всевышний услышал людей, внял их просьбе и послал на землю живительную влагу. У картин: «Молитва о дожде», «У Стены Плача» посетители выставки, что разместились в просторном светлом зале Центральной библиотеки Кирьят Яма, задерживаются надолго. Потому что сама тема, её библейское начало, имеющее продолжение и в наши дни, близка и понятна каждому.

«Плодитесь и размножайтесь» – этот завет Б-га тоже стал темой картины Михаила. Мы видим двоих влюблённых, ждущих своё дитя, которое вот-вот появится на свет, войдёт в такой многообразный, пёстрый мир со своими сложностями и противоречиями... Очень удачно эта картина, которую, кстати сказать, тут же и купили, украсила не только саму выставку, но и обложку самого первого альманаха «Хайфские встречи». Другие сюжеты перекочевали на обложку второго и третьего альманахов. Хочу вместе с художником разделить ещё один его успех. Недавно Михаил принят в Международный Союз литерато-

ров, журналистов и художников (АРИА). Успех этот не случаен. Стихи его публикуются на многих интернетовских сайтах, в сборниках и альманахах разных стран мира. Ну, а картины его хранятся в частных коллекциях Латвии и России, где ему довелось жить, а также в Германии и на его теперешней Родине – в Израиле.

Он воспевает эту страну своими полотнами: «Сады Кармея», «Ветер у моря», «Арад в полночь», «Нижний Адар», «Иерусалим. Новый квартал», «Сны востока»...

Какие же сны видит художник? Разные. В том числе и восточные. Вот хотя бы эта пёстрая картина, привлекающая всеобщее внимание посетителей. Она выполнена в стиле абстрактной живописи. На полотне причудливые образы с их мечтами и реалиями жизни. Но не земной, а той, космической, в мир которой уводят нас волшебные сновидения и ... воображение автора.

Может, в таком вот сне увидел Михаил и сюжет очень дорогой ему картины, в которой воплотились заветные мечты. Мошав (деревня) Геволим, где первый год своей жизни на святой земле Израиля провёл Михаил, подсказал немало тем для творчества, в котором главное место занимают пейзажи. Они не просто передают нам красоты Израиля. За каждым – мысли и чаяния автора.

Вместе с ним мы стоим у картины, написанной маслом. Где-то на холме – дом-особняк. Несколько флигелей с конусными крышами, балкончиками и верандами.

– В мошаве таких, конечно, нет, да и стиль архитектурный здесь совсем иной, – объясняет мне Михаил. – А внизу, видишь, море плещется. Я всегда мечтал жить у моря. И эта мечта сбылась – из окна моего первого дома в Израиле я мог любоваться морем.

- Всегда ли мечты художника сбываются?
- Почти. Спустя некоторое время я получил квартиру в Кирьят Яме. Как видишь, тоже у моря.
- А этот роскошный особняк – тоже мечта?
- Ну, как тебе сказать... Этот дом несёт в себе не столько мечту, сколько воспоминания о былом...

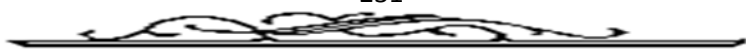
... Когда Михаил вместе со своей мамой вернулся из сибирской ссылки в Москву, то бывшую заключённую не прописывали в столице. Да и на работу нечего было рассчитывать – казалось, что двери перед нею закрывались сами собой. Друзья по прежней жизни отыскились быстро. Писатель Корней Иванович Чуковский пригласил пожить и поработать в своём роскошном дачном доме в Переделкино. Здесь мама Михаила, имевшая большой опыт работы директором литературной части в театре Михоэлса, инсценировала сказки писателя, устраивала весёлые красочные праздники в дачном парке, выезжала со спектаклями для детей в Москву и Ленинград. Так что становление Михаила проходило в атмосфере творчества и фантазии. Всё своё свободное время он проводил или в библиотеке писателя, где книг было – не перечесть, или за мольбертом. И когда пришло время выбора профессии, то долго не раздумывал. Михаил стал студентом Московского Художественного Академического Института имени В. Сурикова. Ученик академика живописи И. Осипова, он достиг высокого мастерства, имея за плечами рижскую школу живописи.

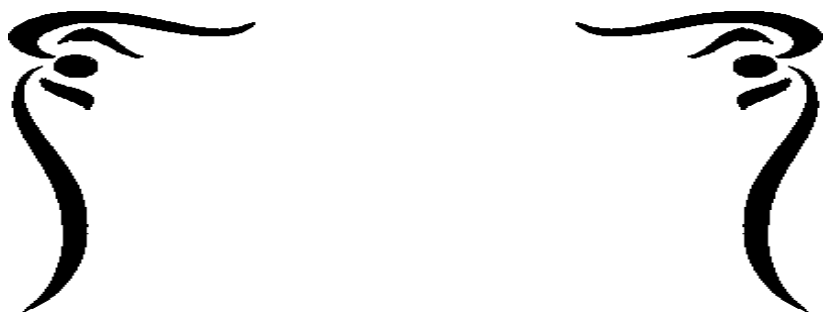
В коллекции художника много работ, выполненных в разных стилях и в разное время. Сегодня же Михаил отдаёт предпочтение академической живописи. На выставке широко представлены картины, словно дышащие ароматами ярких цветов, которыми так богат наш солнечный

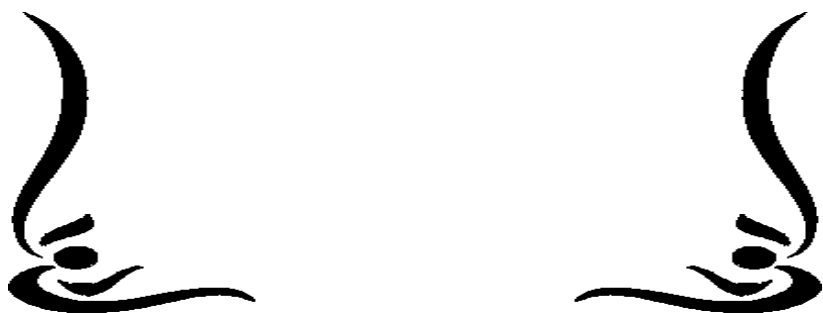
край. Близится осень, и своё настроение – лёгкую грусть по уходящему времени цветения – художник передаёт, например, в картине «Уже не лето». Ещё свежи ромашки в вазе, а за окном – дыхание сентября. Вообще цикл работ «Времена года» представлен полотнами, выполненными в разных стилях и в своеобразной, левинской манере. Взять хотя бы его «Порыв», «Дорогу в Эйн-Геди», «Соло для ветра» или «Прогулки под дождём»... Все они легки, светлы и как будто прозрачны. И это идёт, мне кажется, не только от техники письма, от почерка художника, но и от его характера, от конструкции его души. Как заметила наша коллега по литературному цеху, поэт Мария Фердман, Михаил – талантлив во всём. И в поэзии, и в изобразительном искусстве.

Посетители выставки, ставшие счастливыми обладателями картин, написанных талантливым художником, уносили их в свои дома. И автор легко расставался со своими работами, ведь его мысли и чувства, вложенные в эти творения, принесут людям радость. Вот ещё одна картина уйдёт сегодня в чей-то дом. На ней – алые цветы. И говоря левинской поэтической строкой, они «...как пламя по холсту».

*Из прошлого в сегодня возвратясь,
умом и чувствами добреем*

БОЛЬ, ПЕЧАЛЬ И... ЛЮБОВЬ

Всегда с удовольствием навожу порядок в книжном шкафу. Это не только любимое занятие, но ещё и необходимость. Полки постепенно заставляются новыми книгами. А то, что было когда-то читано-перечитано, перемещается на задние рядки и оказывается забытым. Впрочем, не навсегда, а до поры...

Как-то, перебирая книги, я извлекла из дальнего закутка потёртое от времени издание в бледно-сером переплёте. И вдруг ощутила нечто, подобное тому, когда мелодия или запах духов неожиданно напоминают нам о ком-то или о чём-то. И возвращают туда, где мы испытывали сильные чувства, где однажды в нас запало то, что со временем даст толчок воспоминаниям. Я держала книгу в руках и мысленно уносилась в прошлое, в дом человека, который оставил след в моей жизни.

Её звали Рут. Перед второй мировой войной, когда Европу захлестнули еврейские погромы, когда фашизм набирал обороты, евреи стали спешно покидать родные места и уезжать подальше от преследований. Рут вместе с мужем и маленькой дочкой добралась до Украины. Другая страна, другой язык... Пусть он, как и польский, одной славянской группы, но чужой. А ей, школьной учительнице, знать его надо так же, как и родной. Правда, родным она всегда считала идиш, но здесь он не в ходу. Украинский и русский осваивала днями и ночами. Уже могла вести уроки, привыкала к новой жизни, строила планы... Но лето сорок первого начисто перекроило их –

началась война с фашистской Германией. И снова пришлось бежать. Теперь – в Среднюю Азию. Входить в новую жизнь было непросто. Чтобы работать в начальной школе, пришлось учить ещё и узбекский язык. Трудно было. Но она искала и находила пути к сердцам ребят. Уроки превращала в маленькие спектакли или в игры. Детям это нравилось, они полюбили свою учительницу. Сама же она никогда не переставала учиться у человека, который когда-то помог ей поверить в силу добра, в силу слова...

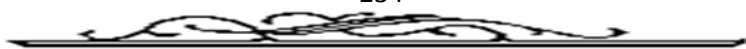
Я открываю книгу в бледно-сером переплёте и читаю дарственную надпись: «Той, которая любит детей, от той, которая их очень любит. Маргалит. Хайфа». Слово «Хайфа» написано на иврите. Не трудно догадаться, что автору дарственной надписи иврит был родней, чем русский язык. Потому что в четырёх коротких строчках – пять ошибок. Примерно такие же допускала в своей русской речи и сама Рут. Смотрю на год издания. 1965-ый. Если бы книга эта попала ко мне случайно, то я никогда бы не узнала, кому именно она была подарена, и кто так бережно хранил её почти полвека.

* * *

... Однажды в моей квартире раздался телефонный звонок.

– Я тут вещи мамины разбираю, – сказала мне Эмма. – Добралась, наконец, до библиотеки и нашла несколько книг на русском языке. Подумала, что ты не откажешься взять их себе. На память...

Аккуратно сложенная небольшая стопка книг уже ждала меня. Это были двухтомник о жизни Бен-Гуриона,

собрание сочинений Максима Горького, избранные стихи и поэмы М.Ю. Лермонтова.

– А вот этой книгой мама особенно дорожила. – Эмма взяла в руки бледно-серый томик, прижала его к себе. Задумалась. Видно, вспоминала что-то. А потом, помолчав, сказала, – в отличие от моей сестры, которая родилась в Польше и жила в России, я не знаю русского языка. Впрочем, как и многие, родившиеся здесь, в Израиле. Так пусть эта книга будет у тебя.

С Эммой мы общаемся на иврите. Но я чувствую, что чего-то она не договаривает и принимаю томик, как некую тайну, которую надёжно хранили то ли в сердце, то ли в ларце. И вот сердце остановилось, а ключ от ларца спрятан или потерян.

Я знала, что в последние годы Рут много писала. Какие её мысли укладывались в объёмистые тетради? Что хотела она оставить в наследство своим детям, внукам, правнукам? Как-то она мне сказала, что завещает их прочитать после своей смерти.

Не догадываясь, о чём умолчала Эмма, передавая мне книгу, я спросила:

– Скажи, ты нашла мамины тетради? Я знаю, что она прятала их вот в этом зеркальном шкафу.

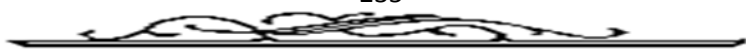
Эмма удивилась:

– Тебе что-то известно о них?

– Только то, что она их писала для вас, своих детей.

Но о чём, мне не известно.

Тут Эмма пристально посмотрела мне в глаза и сказала, что в одном из своих писем Рут просит передать эту книгу мне. Но зачем? Книга как книга... Разные вопросы теснились в голове, но ответа я не находила. Видно, моя собеседница всё-таки что-то не договаривала.

– Погоди, погоди, Эмма. Подумай, может, с этой книгой или с её автором было связано что-то очень важное для мамы?

Эмма вновь погрузилась в свои мысли и после затянувшейся паузы, которую я не решалась прервать, сказала:

– О, это довольно странная история, и о ней мама никому, кроме меня, не рассказывала. Думаю, она мучила её всю жизнь. Присядем. – Эмма придвинула кресла к столу. – Сейчас я, кажется, начинаю понимать, почему мама хотела, чтобы после её смерти книгу я передала тебе...

– Почему?

– Видно, пришло время рассказать историю, которая может стать, в некотором смысле, поучительной. Историю, которая и связала маму с автором этой книги.

– Януш Корчак. Что, Рут была знакома с ним?

– Случилось это, когда мама была совсем ещё юной...

* * *

... Рут в слезах вбежала в свою комнату и, хлопнув дверью, упала на кровать. Зарывшись в подушку, она плакала, подавляя рыдания. Тяжёлая волна обиды захлестнула её. Дышать становилось всё труднее, сердце посыла-ло гулкие удары, болью отдающиеся в висках. Рут не могла разобраться в своих чувствах: то ли это была ревность, то ли просто уязвлённое самолюбие... «Всё равно нет, нет тебе прощения!» – стучала назойливая мысль. Она встала, подобрала с пола скомканное письмо своей лучшей подруги и перечитала: «Ты слепа, Рут, – писала Сабина. – Войтек тебя не любит. А у нас с ним близкие отношения...».

Дрожащими от волнения руками она нервно перелистала альбом и нашла то, что искала. С фотографии, акку-

ратно вставленной в дугообразные уголки, на неё смотрел Войтек. Пухлые губы, тронутые лёгкой улыбкой, ямочки на щеках, мягкий взгляд придавали почти ещё детскому лицу выражение истомы и нежности. «Предатель! – в сердцах произнесла Рут. Она вытащила из креплений фотографию, пробежала глазами по строчкам на обороте, выведенным красивым почерком: «Милой Рут от того, кто помнит о ней всегда. Войтек». – И это так ты помнишь обо мне? Лживые твои глаза...».

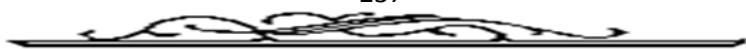
Острые ножницы безжалостно проткнули фотографию. «Вот так-то лучше», – подумала Рут. Теперь на лице вместо глаз зияли дыры. Но уже в следующую минуту ей стало жутко. Она не могла смотреть на то, что сотворила. Взяла конверт, вложила в него фотографию, написала адрес и выбежала из дома.

Через несколько дней по городку разнеслась весть о самоубийстве Войтека. Рут узнала об этом от своего отца. Его, известного в округе врача, вызвали на место происшествия, но было поздно. Парня вынули из петли, когда сердце его уже не билось...

Рут казалось, что и сама она умерла вместе с Войтеком. И только сильное угрызение совести давало знать, что она ещё жива. Но как жить-то с таким грехом на душе? Чем искупить свою вину? И возможно ли искупление, если ты стал причиной смерти человека? Ответов на мучившие вопросы Рут не находила.

* * *

– Поплачь, поплачь, детка. Слёзы смывают горечь. Войтека они не вернут, но душу облегчат. – Раввин усадил Рут к столу. – Только знай, что долгими страданиями ты себе не поможешь, а вот здоровью навредишь. – Он снял

с книжной полки фолиант в тёмно-бордовом переплёте и протянул его Рут. – Знаю, Тору ты изучаешь, а вот эту книгу вряд ли.

Рут утёрла слёзы и прочитала: «Тания. Ликутей аморим». Она наугад открыла страницу сборника, в котором собраны высказывания святых, мудрецов, учителей иудаизма, и стала вслух читать: «... все страсти – хвостовство, гнев и другие подобные чувства – коренятся в сердце... А место пребывания божественной души – мозг человека...».

– Понимаешь ли, Рут, – в нас две души, животная и божественная. И они постоянно соперничают между собой, – пояснил раввин. – Эмоции часто берут верх над разумом, и тогда мы не осознаём своей страсти, своего гнева, злобы, ненависти и совершаем поступки, за которые потом бывает стыдно.

– Так скажите, ребе, зачем же Творец поселил в нас животную душу?

– Чтобы испытать нас. Животная душа стремится покорить мозг, а божественная – сердце. Но когда животные чувства берут верх, мы совершаем грех.

– Я поняла, ребе... Но почему Войтек решил покончить с собой? Из-за меня?

– Я думаю, что его божественная душа не вынесла ни твоих переживаний, ни собственных. У него не было сил противостоять им. Потому и принял решение уйти из жизни. А тебе, девочка, надо продолжать свой земной путь и главное – вынести урок из случившегося. Он поможет тебе научиться любить.

«... Любить, любить, – твердила себе Рут, – кажется, это так просто. А на самом деле...». Она заглянула в кабинет отца, он что-то читал.

– Входи, дочь. Я как раз хотел тебе предложить

кое-что. Вот купил книгу «Как любить детей» моего коллеги Януша Корчака. Думаю, это прекрасное пособие не только для врачей, учителей, родителей. Посмотри. Тебе это пригодится...

Ночь напролёт Рут читала книгу, а утром написала её автору письмо-исповедь. Наверное, не только для того, чтобы лучше понять себя и осознать случившееся. Она обращалась к человеку, умевшему по-настоящему любить, понимать, прощать. Это письмо было первым шагом на пути к самопознанию и познанию истинных ценностей.

Януш Корчак на письмо ответил. Их переписка длилась несколько лет, пока не прервала её война. Позже Рут узнала, что 5 сентября 1942 года воспитатели Дома сирот и двести их учеников вместе с Корчаком под дулами автоматов прошли по улицам замёрзшей Варшавы к вагонам у Гданьского вокзала... Поезд отправлялся в лагерь смерти в Треблинке...

Умению так же беззаветно любить Рут училась до конца дней своих. Уже выйдя на пенсию, поступила в университет, на факультет психологии. Всегда помогала тем, кто приезжал жить на Землю Обетованную, жертвовала деньги на нужды солдат Армии обороны Израиля, на лечение больных детей и инвалидов.

Я вновь открыла книгу Януша Корчака с трогательной надписью некой Маргалит. С портрета, кажется, в самую душу проникал взгляд писателя, врача и педагога. В его глазах застыли боль, печаль и... любовь.

ДОБРЫЙ ЗНАК СУДЬБЫ

«Дамы и господа, наш вылет задерживается – в Тель-Авиве совершён террористический акт. Экипаж самолёта приносит свои извинения за неудобства. Просим не волноваться, дополнительная информация – через несколько минут».

И хотя голос стюардессы, прозвучавший на итальянском и английском языках, был ровным и спокойно-вежливым, по салону покатилась волна беспокойства. А Елену неожиданное сообщение вернуло на несколько дней назад, в её офис: «Глупенькая, куда же ты собралась? Не знаешь, что в Израиле на каждом шагу стреляют?!».

«Домыслы – все эти ваши представления», – парировала тогда своим итальянским коллегам Елена. И даже сейчас, когда, явно, не ослышалась, оставалась спокойной и уверенной – у неё всё будет хорошо и, наконец, осуществится давняя мечта побывать на Святой Земле.

Волнение пассажиров нарастало, а Елена не могла отвести взгляд от своих соседей по салону. Это была группа юношей в чёрно-белых одеждах. Без суеты и паники они раскрыли молитвенники и, образовав тесный полукруг, погрузились в тихое чтение, сопровождавшееся размеренными лёгкими поклонами. Елена прислушалась. Лишь отдельные слова текста: «Адо-най», «Шма, Исраэль», «Амэн» были ей знакомы... Ли-

цо молодого раввина, сопровождавшего эту группу, излучало спокойствие и уверенность. И Елена, кажется, впервые в жизни почувствовала себя защищённой. Её размышления прервал голос стюардессы. Она сообщала, что в Тель-Авиве всё в порядке и вылет разрешён.

В порту «Бен-Гурион» Елена по-настоящему забеспокоилась – родственник, обещавший встретить, почему-то не приехал и на её телефонные звонки не отвечал. Ничего не оставалось делать, как самой отыскать маршрутное такси и ехать по адресу. Её попутчиками оказались религиозные люди. Это была многодетная ортодоксальная семья. С ней Елена и отправилась в Иерусалим, в котором у неё, кроме дальнего родственника, не было никого.

Прошло три года. Уютно усевшись на заднем сидении легковушки Георгия Гершковича, почти летящей по скоростному шоссе Хайфа – Иерусалим, мы говорим и говорим с Еленой о людях, которые стали нашими общими друзьями. Нет-нет, да и прорываются сквозь беседу её воспоминания, и мне рисуется картинка:

– Господи, помоги мне не затеряться в этой незнакомой стране, – шепчут её губы, а дрожащая от волнения ладонь касается тёплого камня Стены Плача. «Здесь, в этом удивительном месте можно просить Творца обо всём на свете, – думает она. – Лишь срок, отведённый людям на Земле, не изменить. У каждого – он свой».

Как в воду глядела – в тот самый день у родственника случился обширный инфаркт. И вместо долго-

жданной встречи, она провожала его в последний путь.

– Знаешь, я до сих пор вспоминаю тех своих попутчиков из маршрутки, которые прямо из аэропорта приехали к Стене Плача, чтобы помолиться. Уже потом водитель развёз нас по адресам... А я и в самом деле теперь не только не одинока в этой стране, но и нашла здесь друзей, которые стали мне ближе, чем родня.

Да, в мире нашем свой строгий порядок, и всё подчинено ему... Елена тогда вскоре вернулась в Италию. Однажды, «гуляя» по Интернету, «набрела» на сайт композитора Марка Зельдича из Хайфы. Его песни, написанные на стихи известных и малоизвестных поэтов, ей понравились. И Елена – президент Ассоциации Русскоязычных общин Италии и России, координатор многих международных проектов – отправила в Хайфу приглашение к сотрудничеству. Оно было принято.

Музыкальная группа Марка «Шалом алейхем!» отправилась на фестиваль «Ветер странствий». Он проходил под патронажем княжны Елены Волконской, собирающей под своим крылом людей творческих, открытых к диалогу. Визит в Италию совпал со знаменательной датой – 65-летием победы над нацизмом. И неделя в рамках фестиваля прошла под лозунгом «Мир вам!». Так что хайфская группа с одноимённым названием и в самом деле олицетворяла собой открытость к дружбе, миру и диалогу. Израильтяне выступали в центрах культуры, были гостями в домах радушных итальянцев.

Обо всём этом музыканты вспоминали потом на своих творческих вечерах, концертах и посиделках с друзьями. А спустя время песенный диалог, начатый в Италии,

перешёл уже на концертные площадки Хайфы, Нешера, Иерусалима...

У доброго начала всегда есть продолжение. Поэтому и дальнейшие встречи проходили под девизом «Диалог продолжается».

И вот Елена Тукшумская уже в четвёртый раз приехала в Израиль. Теперь она здесь не одинока. В аэропорту её встретил Марк. Ему даже номер в отеле не пришлось бронировать. Елену радушно приняла литературный редактор музыкальной группы Марина Симкина из Хайфы.

Тут уместно сказать, что весь груз проблем, связанный с приёмом гостей, несут на себе «народные дипломаты». Они сами ищут сценические площадки, сами организуют встречи и концерты, приглашают на них зрителей. Им бы очень хотелось принять у себя не только президента Ассоциации, но и своих талантливых коллег из Италии. Однако сами едва сводят концы с концами, чтобы обеспечить более или менее комфортное пребывание в Израиле лишь одной своей гостье. Кстати сказать, у себя на родине Елена принимала израильских музыкантов на самом высоком уровне. Потому что находит всяческую поддержку, в том числе и материальную, у городской администрации. И в гости приехала не с пустыми руками – привезла сувениры, книги, диски, дипломы.

В Иерусалимском центре культуры «Гармония» руководитель проекта «Мир искусств» Зиновий Клебанов встретил Елену и её хайфских друзей тепло и сердечно. Зал был полон зрителями, успевшими полюбить музыкантов из Хайфы. В этот вечер, как, впрочем, и всегда, не обошлось без приятного сюрприза. Открыть третий израильско-итальянский диалог Зиновий пригласил солистов израильского оперного театра – Галину Циферблат и Дми-

трия Семёнова. Их великолепные голоса увели нас в мир завораживающих итальянских мелодий. Надо было видеть, с каким сияющим лицом поднялся на сцену Генеральный Консул Италии в Иерусалиме господин Лучано Пецотти.

– Горжусь возможностью участвовать в этой встрече, – обратился он к зрителям. – Живая итальянская музыка в Израиле – это великолепно. Это ценно ещё и потому, что возможность послушать её предоставили нам русскоязычные израильтяне.

А я слушала певцов – Влада Эстрина и Клару Кохан, наслаждалась игрой скрипача Игоря Рубинчика и думала о том, что эти талантливые люди помогают нам лучше понять друг друга. Потому что музыка сближает. Она стирает языковые барьеры, раздвигает границы общения.

На этой небольшой сценической площадке музыка звучала долго. Исполнителей вызывали на «бис». А когда закрылся занавес, диалог продолжался уже в зале. Вахтёры торопили, мол, полночь уже, пора закрывать здание. Но расставаться не хотелось. И тут очень даже востребованы были добровольные переводчики – госпожа Ализа, директор Центра «Данте Алигьери» в Иерусалиме и искусствовед Злата Зарецкая, ведь говорили здесь на иврите и русском, итальянском и английском...

... Наш пассажирский состав легковушки на обратном пути, в Хайфу, несколько изменился. Доктор филологии, искусствовед Злата Зарецкая, подружившаяся с Еленой, пригласила её погостить денёк-другой у себя, в Маале Адумим. Это совсем рядом с Иерусалимом.

Перед отъездом на родину Елена вновь придёт к Стене Плача. Придёт, чтобы теперь уже не просить, а

благодарить Творца за то, что обрела на земле предков добрых и верных друзей. И непременно вспомнит свою первую встречу с людьми Торы. Они для неё теперь – как добрый знак судьбы.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЗАПОВЕДИ

Не однажды замечала, когда мысли заняты взволновавшей темой, то кто-то будто специально подбрасывает нечто, что может лечь в строку. Так было и на этот раз. Уже несколько дней я ходила под впечатлением событий, к которым обратили меня газетные публикации двадцатилетней давности. Пожелтевшие страницы донесли во всех подробностях ужасы предвоенных и военных лет. Они были связаны с Катастрофой европейского еврейства.

Но об этом чуть позже. А сейчас о том, что я прочитала в Интернете. Это была статья неизвестного автора о Брауне Хаймане, учёном, инженере-архитекторе, авторе проектов башен-близнецов в Нью-Йорке, уничтоженных террористами 11 сентября 2001 года. «Катастрофа, равной которой Америка не знала за всю свою историю, изменила жизнь Брауна. Он начал принимать участие в демонстрациях против мусульманских террористов. Он мог бы сделать вторую карьеру, разъезжая по всей стране с лекциями и рассказами о строительстве и разрушении башен-близнецов, — пишет автор, — но в возрасте 61 года решил уехать в Израиль. Друзья пытались отговорить от переезда, называли сумасшедшим, говорили, что нельзя жертвовать материальным и социальным статусом, заработанным нелёгким трудом. Одним словом, Браун совершил неразумный, с точки зрения многих его друзей, шаг».

Но сам архитектор Хайман Браун своё решение мотивирует так: «Когда я понял, что произошло, в моей душе поднялась волна гнева и боли. Я начал понимать, что переживают израильтяне после терактов, и впервые в жизни почувствовал себя евреем. Я понял, что израильтяне сражаются все эти годы за то, чтобы у меня был дом, а я им никогда ничем не помогал в этой борьбе. Да, я каждый год жертвовал деньги в пользу Израиля, но нет ничего легче, чем выписать чек и этим успокоить свою совесть.

Я знал, что я еврей по рождению, но не придавал этому особого значения. И вдруг понял, что больше не хочу быть пассивным евреем, а хочу жить в Израиле, отдавать ему свой жизненный и профессиональный опыт. Впервые я почувствовал принадлежность к своему народу. Всю жизнь я был американцем. Я зарабатывал деньги, чтобы быть сильным и свободным. Но разрушение этих зданий стало для меня чем-то вроде того, что произошло с евреями Германии накануне Второй мировой войны. Они ведь тоже считали себя частью Германии и были уверены, что им ничего не грозит...».

Именно эта мысль Хаймана Брауна и вернула меня к газетной публикации двадцатилетней давности. А сейчас немного истории. В марте 1939 года нацистская Германия захватила Чехословакию. Оккупированная территория Чехии и Моравии была объявлена германским протекторатом. В стране установили режим жесточайшего террора. Протектор, обергруппенфюрер СС Рейнгард Гейдрих потребовал от своих ближайших помощников вплотную заняться «окончательным решением еврейского вопроса

в протекторате», а берлинское радио поспешило оповестить мир о том, что в ближайшее время Чехия и Моравия будут «очищены» от евреев. Но Главное управление безопасности рейха вовсе не хотело привлечения внимания мировой общественности к своей кровавой деятельности и поэтому, по замыслу Гейдриха, на территории протектората должно было быть создано гетто. Но эта первая половина плана служила лишь прикрытием для его второй – массового уничтожения депортированных евреев. Вот как раз это и держалось в глубокой тайне.

Местом для организации гетто выбрали расположенный в 60 километрах от Праги город Терезин. И уже через месяц в гетто «Терезиенштадт» была запущена адская машина «окончательного решения еврейского вопроса». Гетто считалось элитарным, так как сюда депортировали евреев, принадлежавших к привилегированным слоям интеллигенции европейских стран, оккупированных нацистами. Высылали сюда даже тех евреев, которые принимали участие в первой мировой войне и воевали на стороне Германии.

Разноязычная еврейская община Терезиенштадта делала всё возможное, чтобы в невыносимых условиях жизни гетто люди могли сохранить своё человеческое достоинство. Узники создали несколько оркестров и театральных трупп, собрали библиотеку, читали лекции по многим отраслям знаний, в том числе и по иудаизму, еврейской истории и культуре, занимались с детьми и подростками, внушая им оптимизм и веру в будущее. Это была их борьба, это укрепляло силу духа, помогало устоять против

произвола нацистов.

А между тем, эшелоны с евреями прибывали в Терезиенштадт со всех концов оккупированной Европы. С ноября 1941 по май 1945 года в гетто было депортировано более 140 тысяч человек. С какой регулярностью прибывали эшелоны, с такой же они и отправлялись в свои конечные пункты назначения – Освенцим и Майданек. В составе этих эшелонов были и «спецвагоны» с детьми и стариками. Для облегчения работы эсэсовских палачей их отправляли, без предварительной селекции, прямо в газовые камеры.

Можно многое узнать из истории этого кровавого гетто. Например, о том, что в нём ежедневно умирало от истощения, инфекционных болезней, отсутствия медикаментов свыше 130 человек. О том, что в передвижные машины смерти «душегубки», сновавшие по улицам Терезина, заталкивалось по 15 – 20 человек и через 15 – 20 минут из них извлекались посиневшие трупы. То есть производительность одной такой адской машины составляла одну человеческую жизнь в минуту.

Как пишет газета «Неделя» (9 ияр 5755 года), «Короткий перелом в ходе Второй мировой войны заставил руководителей нацистской Германии задуматься о собственной судьбе, о своей ответственности за содеянные преступления, в том числе и о попытке решить еврейский вопрос с помощью массового геноцида. С целью скрыть следы своих преступлений нацисты стараются представить гетто «Терезиенштадт» как образец «гуманного» решения еврейского вопроса. В гетто допускаются представители

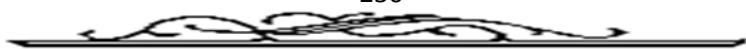

международного Красного Креста, освобождаются и переправляются в Швецию 413 датских евреев, временно приостанавливается отправка эшелонов в лагеря уничтожения, о гетто снимается псевдодокументальный фильм «Новая жизнь под покровительством третьего рейха», для узников выпускаются собственные деньги и почтовые марки.

История введения денег в обиход гетто «Терезиенштадт» мне представляется не просто как фрагмент псевдозаботы о его узниках, а как верх лицемерия и надругательства этих нелюдей над людьми, которых тут же отправляли в газовые камеры. Но история эта ещё и о том, как узники, даже под страхом смерти, оставались верными и преданными своему народу.

Итак, из «показательного» гетто в Терезине до наших дней дошли бумажные деньги достоинством в 1, 2, 5, 10, 20, 50 и 100 крон, датированные первым января 1943 года. Владелец коллекции, насчитывающей более двух тысяч купюр и монет разных стран и эпох, и не пожелавший разглашать своё имя, поделился со мной этой исторической ценностью – показал несколько купюр гетто «Терезиенштадт» и рассказал:

– Немецкий комендант гетто Зигфрид Зейдель поручил еврейскому самоуправлению подготовить эскизы будущих денежных знаков. Внешний вид всех номиналов был однотипен. На лицевой стороне – название денежной единицы, номинал денежного знака, место и дата выпуска, серийный номер. На всех банкнотах (бонах) стоит подпись Старейшины юденрата Якоба Эдельштейна и изображение

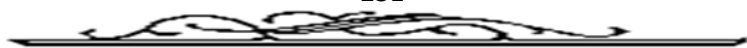
магендовида. На обратной стороне в овальном медальоне был изображён Моше-рабейну, держащий в руках скрижали Завета. Ниже следовало предупреждение о том, что подделка банкнот строго карается.

Ну, вот, эскизы бонов были посланы в Берлин для утверждения. Однако их не утвердили. Забраковали и возвратили на доработку. По мнению «бдительных» цензоров третьего рейха, поднаторевших в вопросах расовой чистоты, у Моше-рабейну нос был недостаточно еврейским и, кроме того, у него отсутствовали пейсы. Только после внесения соответствующих изменений образцы были окончательно утверждены. Вот тогда бонны и запустили в производство.

— И здесь раскрывается некий секрет...

— Да, — соглашается мой собеседник, — обрати внимание вот на эту деталь рисунка. Она как раз и ускользнула от взгляда палачей. Видишь пальцы Моше-рабейну, которые указывают на девятую заповедь «не лжесвидетельствуй...»? Так вот, неизвестный художник, обречённый на отправку в газовые камеры Освенцима, в своём творении попытался заклеить виновников гибели шести миллионов своих братьев, бросив в лицо палачам слова девятой заповеди...

Потрясающе! Я всё продолжала листать ветхие газетные полосы. На одной из них нашла отклик на публикацию моего собеседника об этой удивительной странице истории. Писал некий Даниэль Майер: «Хочу сделать несколько дополнений: автор эскиза денежных знаков гетто в

Терезине – чех, гравёр государственной типографии денежных знаков в Праге Йиндра Шмидт. К счастью, он остался жив...».

Да, к счастью. Кто знает, может быть такая, на первый взгляд, невидимая борьба помогла выжить. И снова я обращаюсь к статье об архитекторе Брауне Хаймане, повторяя его мысль: «...Они ведь тоже считали себя частью Германии и были уверены, что им ничего не грозит». Ну, а дальше он пишет: «Теракт показал американским евреям, насколько они уязвимы. Многие обратились к иудаизму, хотя целые поколения евреев Америки видели в нём лишь часть жизни своих бабушек и дедушек и довольствовались, в лучшем случае, пожертвованиями в пользу Израиля. Люди начали искать в жизни нечто более значимое, чем деньги и власть. А я понял, что, несмотря на свой успех в Америке, я не принадлежу к этой стране».

Побывав мысленно в прошлом и настоящем нашей трагической истории, я вновь вспомнила все десять божьих заповедей. И та, девятая, стала для меня ещё более значимой и так необходимой в нашей жизни.

«КАПЛЕР ЕДЕТ!...»

Как-то у нас в редакции "Керченского рабочего" пронёсся шумок: "Каплер едет!...». Редактор Василий Иванович Сиренин засуетился – встретить надо как положено. Это было самое начало семидесятых годов. Я тогда работала в редакции машинисткой, а имя Каплера было мне знакомо только по телепередаче «Кинопанорама». Но по тому, как были взволнованы журналисты, поняла – едет знаменитость, а не просто телеведущий.

Среднего роста, круглолицый, с густой шевелюрой, в бежевом свитере или пуловере, увешанный фотоаппаратом, кинокамерой, дорожной сумкой, набитой до отказа, он появился в редакции один, без сопровождения и открыл дверь отдела писем на третьем этаже, как раз напротив лестницы. Вошёл – и мне показалось, что в нашей солнечной, с большими окнами овальной комнате стало ещё светлее. Было ощущение, что глаза этого человека излучают такой свет, от которого тают льдинки или распускаются почки.

Заведующей отделом Тамары Николаевны Авраменко на месте не было. Каплер подошёл ко мне, протянул руку, представился и спросил, где может увидеть редактора. Я проводила его.

А потом была встреча гостя с журналистами. К сожалению, не все смогли быть на ней. Корректоры, дежурный по номеру заведующий отделом культуры и быта Николай Павлович Войнович (отец известного писателя Владимира Войновича) в это время вычитывали газетные полосы –

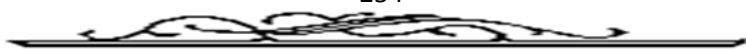

график сдачи их в печать нельзя было нарушать. Ну, а я печатала на машинке репортаж в номер. На очереди лежал ещё и текст сообщения ТАСС, который передавали специально для прессы. Мы принимали эти сообщения на определённых радиоволнах. И было досадно, что не довелось поучаствовать во встрече.

Позже я узнала, что Алексей Яковлевич Каплер приезжал в Керчь не случайно. И не один, а со своей женой, поэтом Юлией Друниной. Их интересовали события, происходившие в катакомбах Аджимушкай близ Керчи в годы войны, где в сырых и тёмных каменоломнях воины подземного гарнизона держали оборону, не сдавая город фашистам. Спустя годы на этом уникальном месте, где из десяти тысяч воинов и гражданского населения выжило всего сто человек, создадут музей с братской могилой и единственным в мире подземным детским кладбищем, обозначенным плитой из красного мрамора.

Одним из первых, кто начинал поиск оставшихся в живых аджимушкайцев и имён погибших, был военный корреспондент, поэт, писатель и правозащитник, крымчанин Борис Серман, хорошо знавший Каплера. У себя, в Симферополе, в Доме Союза писателей он проводил творческие встречи. На «литературные четверги» приходили писатели, поэты, художники, кинематографисты, музыканты... О многом из того, что слышали они здесь, потом писали картины, стихи, рассказы, создавали фильмы. Аджимушкайская тема и привела Каплера и Друнину в Керчь.

Прошло с тех пор немало лет. Как-то в беседе с женой Бориса Сермана Элизой Львовной, уже не в Крыму, а в Израиле, я вспомнила о том, как познакомилась с Каплером. И Элиза Львовна рассказала интересную историю.

После посещения Керчи Юлия Друнина написала стихотворение о мальчишках Аджимушкая:

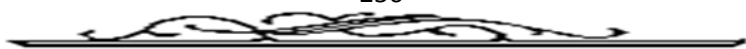
В начале,
Случалось, пели,
Шалили, во тьме мелькая,
Вы, звёздочки подземелий,
Гавроши Аджимушкая,
Вы, красные дьяволята,
Вы, боль и надежда старших...
И верили дети свято,
Что скоро вернутся наши.
– В каком же ты классе?
– В пятом,
Мне скоро уже двенадцать!
...При этих мальчиках солдату
Отчаянью можно ль сдаться?
Да, стали вы светлячками
Подземного гарнизона.
...Мрак. Жажда. Холодный камень.
Обвалы. Проклятья. Стоны.
И меньше живых, чем мёртвых,
Осталось уже в забоях...
"Эх, если б в районе порта
Послышался грохот боя!
Мы наших сумели б встретить,
Ударили б в спину фрицам!"
Об этом мечтали дети,
Ещё о глотке водицы,
О чёрном кусочке хлеба,
О синем кусочке неба.

Спасти их мы не успели...
Но слушайте сами, сами:
Наполнены подземелья
Их слабыми голосами.
Мелькают они по штольням
Чуть видными светлячками.
И кажется, что от боли
Бесстрастные плачут камни...

Об этом же написал, естественно, и сам Борис Евгеньевич. Я открываю книгу Б.Е. Сермана «Сквозь годы» и нахожу там вот эти строки:

Аджимушкайские мальчишки,
Десятилетние солдаты,
Как рано вы из детства вышли
И на учёт войною взяты.
Аджимушкайские мальчишки,
Вы не из сказки Кибальчиши,
Вы Кибальчиши не из книжки,
Забудьте подвиги мальчишьи.
Рогатки что? И что царапины
Из тех недавних давних лет?
Разграблен дом. Душа ограблена.
И неба нет. И хлеба нет.
Как оборвался свет внезапно!
Как ночь долга, как ночь темна!
Сырой земли и смерти запах,
И каменная тишина.
Темно здесь. Не видны морщины,
Не видно ранней седины.

Десятилетние мужчины,
Вам детские лишь снятся сны.
Вам встретить детство не случится,
Второму детству не бывать.
Из вашей сказки кровь сочится,
И нечем раны бинтовать.
Свой взрослый долг исполнив честно,
Под небом мирным синевы
К мальчишкам солнечного детства
Героями идёте вы.

– Однажды в каком-то литературном альманахе, – вспомнила Элиза Львовна Серман, – было напечатано это стихотворение Бориса Евгеньевича. А подпись под ним стояла Юлии Друниной. Не подумайте, что это плагиат. Юлия тогда написала Борису большое письмо, в котором извинялась за досадную ошибку редакции. И уже в следующем номере альманаха редактор принёс извинение своим читателям. Вот такая история вышла...

Я слушала и думала о том, что как в нашей жизни всё взаимосвязано – одно порождает другое, перекрещиваются жизненные дороги и судьбы... Вот и эти воспоминания тоже всплыли не вдруг. Публикацию из Интернета о Каплере и Друниной мне прислала одна из моих подруг Елена Текс. А другая подруга – Ирина Явчуновская подсказала: «А ты поговори с моей мамой, она многое помнит». Вот так и состоялась наша встреча с Элизой Львовной. К сожалению, и она уже не с нами. Добрая память о ней.

РАСКАЯНИЕ И... РАДОСТЬ

Я бродила по улицам когда-то родного города и не узнавала его. Вот здесь была тенистая аллея, а теперь – шумный проспект, на месте узкого Почтового переулочка вырос многоэтажный дом со сквером, а часть здания, некогда принадлежавшая историко-археологическому музею, превратилась в православную церковь... Остановилась. Всматриваюсь в новые черты города, где прошли мои детство, юность и уже зрелые годы. Почувствовав чьё-то лёгкое прикосновение, я оглянулась.

– Ты что, не узнаёшь меня?

Женщина сдержанно улыбнулась, и её улыбка проявила едва заметные ямочки на щеках, зажгла чуть загадочную и такую знакомую искорку в глазах.

– Катя?..

Признаюсь, если бы не эта улыбка, так похожая на улыбку Моны Лизы, ни за что не узнала бы свою подругу юности. Совсем просто, но аккуратно одетая, с туго повязанным на голове белым платочком, она сливалась с толпой прихожан, ожидавших открытия храма.

А в памяти возник образ той, юной Кати. Всё отличало её от нас, воспитанных в духе пятидесятых годов: интеллигентность, образованность, умение модно и красиво одеваться... Нам, девчонкам, не искушённым в вопросах взаимоотношения полов, Катя казалась знатоком и в вопросах любви. В то время, когда мы старательно изучали произведения советских писателей, придерживаясь

списка для обязательного чтения на летних каникулах, она зачитывалась романами Золя.

Помню, мне одной, своей лучшей подруге, призналась, что в свои шестнадцать лет отдалась молодому талантливому художнику, обаятельному и так страстно говорившему о своей любви. Потом в её жизни было немало мужчин. Семья так и не сложилась. Сына растила её мама, а сама она много лет работала на океанских рыболовецких судах – там хорошо платили. По полгода и более – в море. И кто тут будет вести счёт любовным встречам?..

... Двери храма широко распахнулись, и бывшая подруга позвала меня с собой на церковную службу. Время у меня отпускное, спешить было некуда, и я согласилась. Катя должна была ещё исповедоваться перед батюшкой и на какое-то время оставила меня одну.

А вскоре началась служба. Катя уже стояла рядом со мной и слово в слово повторяла тексты молебна, исполняемого церковным хором – похоже, она стала глубоко религиозным человеком. Я была поражена тем, что во время богослужения Катя буквально обливалась слезами...

Наверное, это было очищение. Потом она призналась мне: «Думаю, что уже никогда не отмолю прошлые грехи. Но поверь, только здесь, пред Богом, я облегчаю душу».

Меня поразила глубина её чувств, искренность признаний и то, что она испытывала потребность исповедоваться не только перед священником, но и передо мною тоже, когда-то близким ей человеком. Я подумала: как жаль, что к своему Богу люди приходят так поздно. Но, наверное, не их вина в том, что детство пришлось на такое бездуховное время.

Этот эпизод мне вспомнился некоторое время спустя.

Ко мне подошла моя восьмилетняя внучка Николь и сказала:

– Бабушка, сегодня у меня праздник. В бейт-кнессете я буду получать Тору. Придёшь?

... Первые два ряда синагоги заняли второклассники. Они тихонько о чём-то переговаривались. Их родители, бабушки и дедушки, в большинстве своём уже не однажды побывавшие на подобных праздниках, ждали прихода раввина. Когда он поднялся на кафедру, воцарилась тишина.

– Сегодня у нас большой праздник, – сказал раввин, – а у вас, дети, – обратился он к первым рядам, – очень важный и ответственный в жизни момент.

Он достал из шкафа свиток Торы, сказал, что эта святая книга важна для каждого еврея, объяснил как надо жить по её законам и соблюдать основные заповеди.

Звучала музыка, дети танцевали народные еврейские танцы. Вручение книг Торы под всеобщее веселье и было приобщением ребят к вере. Заветную книгу из рук раввина они получали впервые, но вот азы веры им преподали ещё в детских садах.

Когда назвали имя моей внучки, и она подошла к раввину, сердце моё готово было вырваться наружу. Странно устроено наше сознание, наша память... Я слышала всё, что говорил ей раввин, а перед глазами вставляли эпизоды из рассказов моей мамы.

... Ещё не свершился переворот 1917 года, ещё люди могли облегчать свои души в церквях, синагогах, костёлах, мечетях, общаясь со Всевышним... Когда отец сказал, что братишка Шебетей ещё мал и что в синагогу с ним пойдёт Малка – моя мама, тогда ещё пятилетняя девочка, дух её перехватило от радости. Она в спешке пригладила свои густые чёрные волосы, заплела косичку, надела чис-

тое платье, наспех влезла в туфли, которые носила попеременно с братом, и пулей вылетела из дома. Она едва успевала за своим отцом, моим дедом Авраамом. Тот шёл быстро, и девочка с трудом подстраивалась к его широкому шагу. Уже в синагоге Малка, наконец, поняла что ей мешало поспевать за отцом: её левая туфля была на правой ноге, а правая – на левой. Не смея переобуться в этом святом доме, так и простояла несколько часов...

А вот перед моими глазами другая картинка. Уже мне пять лет. Мы всей семьёй собираемся к родственникам. Мама укладывает в сумки всё, что должно быть на пасхальном столе. Ждём наступления темноты и незаметно выходим из дома. Никто не должен знать, что мы тайно отмечаем религиозный еврейский праздник.

И ещё один момент всплывает перед мысленным взором. Я, моя дочь и внучки стоим у Стены Плача в Иерусалиме. Наша семья – светская. Я смотрю на дочь в необычном для неё одеянии: свободная блузка с длинными рукавами ниспадает на юбку, прикрывающую колени. Волосы скрыты под платком. Девочки наши с серьёзными, задумчивыми лицами. Они заготовили записки, которые собираются вложить в Стену. Николь шепчет мне на ухо:

– Бабушка, я только тебе могу сказать, о чём прошу Бога.

– Спасибо за доверие, моя родная. Так, о чём же?

– Чтобы всегда был мир и чтобы всегда был Израиль.

... В синагоге продолжается веселье, дети ещё танцуют, а у меня всё плывёт перед глазами. Слёзы ручьём текут по моему лицу. Николь, подсаживается ко мне и ничего не может понять:

– Что случилось, бабуля?

– Ничего, девочка моя. Я просто очень рада за тебя.

ВОПРОС БЕЗ ОТВЕТА

Резкий телефонный звонок не просто нарушил тишину. Он как-то больно ударил по сердцу, и Натан от неожиданности выронил ручку, а строка, так ровно ложившаяся до сих пор, оборвалась на полуслове.

– Натан?

– Да, я.

– Здравствуйте, Натан. Хочу пригласить вас в синагогу для получения подарка.

– Какого подарка? – спросил Натан, пытаясь угадать, кому принадлежит такой приятный женский голос.

– Хотим подарить вам Тору.

– Спасибо, но у меня Тора есть.

– Всё равно приходите и...

И тут обладательница милого голоса заговорила так, что в первую минуту Натан даже потерял смысловую линию так приятно начавшегося диалога. Слова, знакомые и не очень, вдруг посыпались, как горох из опрокинутой банки.

– Из-з-вините, – Натан с трудом прервал журчащий поток слов. – Я не так хорошо знаю иврит... Кажется, вы хотите мне что-то продать. Я правильно вас понял? – спросил он, сомневаясь в том, что услышал.

– Да, вы правильно поняли. Вы можете купить...

– У меня к вам просьба, – остановил на полуслове свою собеседницу Натан. – Не могли бы вы перезвонить моему сыну? Он слово в слово переведёт всё, что вы

хотите мне предложить.

Диктуя даме номер телефона, Натан ещё раз извинился за своё слабое знание иврита. Уже не однажды по этой причине он оказывался прямо-таки в тупиковой ситуации. Положив трубку, он постарался мысленно воспроизвести диалог с незнакомкой. Получалось, что ему предлагают купить... буквы из Торы. Абсурд какой-то...

... Звонок сына не то, чтобы прояснил ситуацию, а успокоил. Оказывается, Натан всё правильно понял. Как ни странно, ему действительно предлагали сделать столь необычную покупку – буквы из Торы.

– Но зачем? – удивился Натан.

– Понимаешь, Тору можно только подарить, – деловито разъяснял сын, – а вот буквы из неё продавать никто не запрещал. Ты можешь купить одну, две или даже все буквы, скажем, своего имени и...

– И что? Повесить их на гвоздик или поставить на полку в шкафу?..

– Да, нет же. Ты ничего на руки не получаешь. Ты просто будешь знать, что уплатил за буквы. Ну, это вроде пожертвования.

«К чему вся эта игра?» – подумал Натан. В синагоге, в магазине или на автобусной остановке он иногда опускает монетки в специальные коробочки. Пожертвование – дело святое».

Не дожидаясь следующего вопроса, сын-бизнесмен продолжал прояснять ситуацию, стараясь вкладывать своё понятие в эту, как он выразился, «гениальную» идею:

– Ты же знаешь, что люди покупают участки на Луне, на Марсе...

– Ну?..

– Ну, вот! Так почему нельзя купить буквы из Торы?..

На этот вопрос у Натана ответа не было.

БУЛЬДОЗЕРОМ ПО ДУШАМ

«Под Симферополем гробокопатели осквернили расстрельный ров».

Под таким заголовком 23 апреля 2012 года на сайте «Новый регион 2» опубликовано сообщение Анны Савицкой. В нём говорится, что «... под Симферополем вандалы раскопали ров.

... Шурф на месте массового захоронения на 10-м километре трассы «Симферополь – Феодосия» в воскресенье обнаружили члены Ассоциации еврейских общин Крыма, которые пришли, чтобы посадить рядом с памятником деревья. Братская могила... была разворошена, выкопанные кости, фрагменты черепов, остатки обуви и личных вещей погибших лежали на поверхности».

... К 12 мая 1944 года Крым полностью был освобождён от немецкой оккупации. Пусть Симферополь и не так пострадал, как Керчь, но и здесь – сплошные руины. Мало кто уцелел из местных. А таких, кто мог бы хоть что-то рассказать о судьбе родных Малки, и того меньше. Она шла от дома к дому по улице, где жили до войны её родители, братья и сёстры, искала соседей, очевидцев. И нашла... Их рассказы о трагедии совпадали.

... Трудно было поверить, что никто из её семьи не уцелел. И только тогда всё услышанное стало для неё реальным, когда получила четыре маленьких листка – свиде-

тельства о смерти под номерами 1116, 1117, 1118 и 1119, выданные Симферопольским ЗАГСом Народного Комиссариата Внутренних Дел СССР от 23 декабря 1944 года. Во всех четырёх справках в графе «причина смерти» одна и та же запись: «6 декабря 1941 года расстрелян немецкими оккупантами».

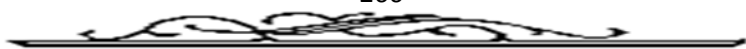
Малка не решалась даже войти во двор родительского дома до того, как эти печальные известия о гибели самых близких для неё людей не стали доказанным фактом. И только тогда она появилась здесь с нами, тремя своими дочерьми...

К тому времени мне было пять лет, и моя детская память сохранила все подробности этой встречи. Город лежал в руинах. У разбитых и разрушенных домов, на базаре, у входов в магазины можно было увидеть нищих с протянутой рукой и безногих людей, сидящих на маленьких четырёхколёсных дощечках. А перед ними – жестяные коробочки или кепки, перевёрнутые подкладкой вверх, с несколькими монетками, брошенными сердобольными прохожими.

Это была обычная картина послевоенной жизни...

Узкий длинный двор, отделённый от такого же соседнего невысоким каменным забором... Ряд полуразрушенных строений с перекосившимися дверьми и заделанными кое-как оконными проёмами. Квартира дедушки Авраама и бабушки Баси – в этом грустном ряду. Вместе с деревянной лестницей и сооружённой над ней лёгкой верандой она смотрелась отдельным флигелем. До войны мама привозила меня сюда ещё двухмесячным ребёнком, чтобы показать своим родителям.

Увидев знакомую картину, моя старшая сестра Софья мигом взлетела по узкой лестнице.

– Лариса, беги скорее сюда, – позвала она меня.

Я немедленно последовала за ней. Умостившись на небольшом топчане, мы осматриваемся на открытой веранде. Мне и этот топчан, и крохотный столик с закопчёнными кастрюльками, проржавевший примус, помятая керосиновая лампа без стекла и болтающаяся на холщёвых верёвочках пустая кошёлка, ни о чём не говорят. А сестра вся ушла в прошлое...

– Вот, посмотри, – говорит мне она, – видишь эту маленькую скамеечку? На ней всегда сидела наша старенькая прабабушка. Она была мамой нашей бабушки Баси. Когда мы приезжали сюда в гости, я выносила эту скамеечку за калитку, и прабабушка сидела на ней. Разложит перед собой в маленьких белых холщёвых мешочках жареные орешки и семечки, и ждёт покупателей...

И соседи знали, что никто в городе не умеет так калить семечки и жарить орешки, как Симха Пенерджи, и спешили купить у неё стаканчик-другой тыквенных семечек, фундука. Помню, насыплет мне бабушка в фунтик, ну, такой свёрнутый бумажный кулёчек, жареного арахиса, и мы вместе с сыном дяди Габриэля, Юрой заберёмся вот на этот топчан, и он читает мне мои книжки.

Сестра вздохнула и крепко обняла меня:

– Где они все?..

А мама тем временем беседовала с жильцами дома... На все мамины вопросы они только разводили руками.

– Не знаем, не знаем, – отвечали новые жильцы квартир, опустевших во время войны. – Говорят, всех немец расстрелял. А подробности... Сами понимаете. Здесь такое творилось!.. А вот Дуська-то, что когда-то жила здесь, наверняка что-то знает...

– Дуся? Так она жива?

У мамы появилась робкая надежда узнать хоть какие-то подробности, ведь Дуся была женой её брата Шебетей и матерью её племянника Мишутки.

Пошли искать Дусю. От дома к дому, от двора ко двору, пока кто-то не сказал, что она торгует на базаре.

... Вспоминая о своей семье, мама часто рассказывала историю о том, как поженились Шебетей и Дуся...

Однажды дедушка Авраам обнаружил на той самой веранде спящую на топчане пьяную молодую женщину. Он пришёл в ярость. Слыханно ли, чтобы в его доме оказалась такая гостья? И вообще, откуда взялась пьянчужка и бродяжка?

– Не сердись, папа, – успокоил отца Шебетей, – не ругаться надо, а помочь человеку в беде...

А дело было так. Накануне поздно вечером, когда Шебетей вместе с комсомольскими активистами дежурил возле молодёжного клуба, он увидел на скамейке пьяную девушку. Прилично одетая, в лёгком крепдешиновом платье, без туфель, с растрёпанными светло-русыми волосами, со следами размазанной помады на лице и синяками на руках, она являла собой весьма жалкое зрелище.

«Заберёт же милиция, – подумал Шебетей, – не поздоровится. Может, напоили, ограбили, надругались над ней... Видать, ей некуда деться, если спит на скамейке...».

И он привёз девушку домой. Большая семья Авраама по-человечески отнеслась к Дусе. Отмыли её, переодели, накормили...

– Мне некуда идти, Шура (так стала называть Шебетей Евдокия), можно я у вас останусь?

Отец категорически был против такой постоялицы. Мама, привыкшая всю жизнь кому-то помогать, молчала. Но Дусю из дома не выгоняла. Как говорится, не жалко

ведь дать человеку тарелку супа. Может, и впрямь отогреться в домашнем тепле, остепенится...

Вот так и прижилась, отогрелась, похорошела. Лицом и статью она напоминала Шебетею звезду киноэкрана Любовь Орлову. Расцвела, стала весёлой, куда-то ушли дурные манеры, исчезли нагловатые нотки в голосе. Красивая и привлекательная, она бросала на Шебетю нежные влюблённые взгляды. И, не желая того, чтобы Евдокия вернулась к прежней жизни, он назвал её своей женой. Родители, конечно же, не были в восторге от такой невестки, но смирились. А когда у молодых родился сын Мишутка, подыскиали им квартиру, чтобы жили отдельно.

В самые первые дни войны Шебетю призвали в действующую армию. Расцеловав жену и четырёхлетнего сына, сказал: «Ждите, я обязательно вернусь!».

С тех самых пор наша мама ничего не знала о судьбе брата. «Если Дуся жива, – подумала мама, – значит, у неё можно будет что-то выяснить и вдруг, хвала Творцу, Шебетей окажется в живых».

... Симферопольский базар жил своей кипучей жизнью. Торговали здесь не только продуктами, которые стоили втридорога, но и вещами, в основном, поношенными. Как правило, вещи меняли на предметы первой необходимости – на всякую мелочь для дома, для семьи. Например, вполне приличные брюки меняли на полбуханки хлеба или на жестяную керосиновую лампу с новеньким белым фитилём и пузатым стеклянным колпаком. Кто-то предлагал купить почерневший от времени примус. Желая продемонстрировать его исправность, хозяин время от времени подкачивал примус и разжигал его по просьбе покупателей... Вспыхивало жужжащее голубоватое пламя, разносившее по базарной площади едкий приторный запах

сгорающего керосина...

Найти кого-то на рынке в базарный день – дело нелёгкое. А тут ещё, как назло, начал накрапывать холодный осенний дождь. Мама занервничала, наша младшая сестричка Галя устала и начала плакать. И тогда мама отвела нас, троих, в одну из пустовавших квартир, а сама продолжила поиски Дуси.

В моей памяти от этого долгого ожидания маминого возвращения остались лишь отдельные детали... Крыша полуразрушенного дома протекает. С потолка падают крупные холодные капли и со звоном ударяются о дно помятого тазика. Мы с Галей устроились на широком подоконнике и рассматриваем редких прохожих (окно выходило в какой-то глухой переулок). Я устала от этого ожидания, от голода и обиды (зачем же мама оставила нас одних в этом заброшенном холодном доме?). Галя хоть и младше на три года, но держится из последних сил... А Софья, как может, успокаивает меня:

– Не плачь, – говорит она, – скоро придёт мама и что-нибудь принесёт нам поесть.

Кто-то постучал в дверь, и Софья отодвинула железный засов. Пришёл жилец соседней квартиры. В руках у него деревянный реечный ящичек, до верха наполненный спелым кизилом. Радости нашей не было предела. Мы съели больше половины сочных и терпких ягод. Во рту от их вкуса было так кисло, что потом из-за оскотины мы не могли есть даже пирожки с ливером, которые принесла мама.

Свою невестку мама так и не нашла. Она долго бродила по базару, заходила в киоски и маленькие магазинчики, вглядывалась в лица молодых женщин, торговавших поношенной одеждой. В нескольких метрах от себя она,

правда, заметила одну, очень уж похожую на Дусю, но эта была полнее и дороднее. Малке даже показалось, что они на мгновение встретились глазами.

Расталкивая торгующих женщин и протискиваясь сквозь тесные нестройные ряды, Малка напрямую пробиралась к той, что так похожа на Дусю. И когда оказалась почти рядом, той уже не было. Она просто исчезла, как будто растворилась в воздухе или сквозь землю провалилась, а её соседки уже раскладывали свой товар на освободившемся месте, смыкая и без того плотный ряд.

По предполагаемому следу мама пыталась догнать женщину, похожую на Дусю, но безуспешно. Вернулась в торговый ряд, расспросила женщин – может, кто знает ту, что только что стояла рядом. Но нет, никто не знал.

И тогда Мама пошла по адресу, где ей утром подсказали, что Дуся торгует на рынке.

– Скажите, дорогая, – спросила она пожилую женщину, – может, вы знаете, с кем общается Дуся? Может, есть у неё друзья, знакомые?... Возможно, я через них разыщу свою невестку...

– Невестку? – почему-то удивилась женщина и сухо выдавила из себя, – Ну, как же! Подружка у неё была. Они тут во время оккупации неплохо жили, с немцами веселились...

И Мама пошла, что называется, по следу. Нашла ту подружку. С Дусей они были «не разлей вода». Да только вот расстались не по-доброму – увела Дуська её кавалера. И теперь обиженная подруга открылась перед Малкой, рассказала ей всё о своей бывшей подружке.

... Когда немцы заняли город, жители Симферополя были предупреждены, что за сокрытие евреев и крымчаков грозит расстрел. Опасаясь за свою жизнь, Дуся отвела

своего сынишку в жандармерию. На вопрос «Кто отец ребёнка?» ответила, что мальчик – сын крымчака и сама подтолкнула ребёнка к железной двери, ведущей во внутренние помещения. А когда тяжёлая дверь, поглотив мальчика, захлопнулась, рассказала дежурному, где можно найти Изю, младшего брата её мужа Шебетей.

После оккупации Крыма Изя (Исаак Мангупли) ушёл в партизаны. Выполняя задание командования, он вернулся в город, где случайно на улице столкнулся с Дусей. Ей удалось выследить квартиру, где скрывался партизан, и она поспешила сообщить об этом оккупантам. Изю схватили и подвергли нечеловеческим пыткам. Хотя какие пытки можно вообще назвать человеческими? Не добившись от парня признания, палачи привязали его за ноги к конной бричке и пустили её на большой скорости по мощным булыжником мостовым Симферополя.

Дуся не утаила от оккупантов, что знает, где прячется двоюродная сестра её мужа Лиза и выдала свою золовку.

Теперь ей не перед кем было держать ответ – муж погиб. Погиб нелепо, от шальной пули. С тех пор, как ушёл на фронт, весточки от него не было. Как и младшего брата, военные дороги привели Шебетей в один из партизанских отрядов Крыма. Там он и встретил победу. Пробираясь к Симферополю через сёла и пригороды, Шебетей, чем мог, помогал уцелевшим жителям. А был он хорошим электриком. Взобравшись на столб с оборванными проводами, увидел, как за околицей уныло движется колонна военнопленных немцев. В сердце его не осталось жалости – он хорошо знал о злодеяниях фашистов, о массовых расстрелах. Не дрогнула рука, когда достав из-за пояса гранату, он бросил её в след палачам. Эта месть была последним, что успел он сделать в своей жизни. Его жизнь оборвала

смертоносная свинцовая капля, посланная в самое сердце.

Рассказ женщины обжигал сердце нашей мамы всякий раз, когда она вспоминала своих погибших родных. И кто знает, не будь у палачей таких пособников, как и её бывшая невестка, может, кто-то и уцелел бы...

Что же случилось с дедушкой Авраамом?

Однажды, по дороге домой в оккупированном немцами городе, он встретил соседку.

– Здравствуйте, Авраам Шебетеевич. Здоровьице как?

– Спасибо, – не поднимая головы, ответил Авраам и ускори́л шаг. Но соседка не унималась:

– Ой, как рискуете, дорогой! Что же вы без жёлтой звезды вышли? А знаете, что за это может быть?..

Авраам ничего не ответил, хлопнул калиткой и поспешил в дом. Он ещё не успел рассказать жене и дочерям о встрече, как в дверь забарабанили. Двое немецких солдат увели Авраама за нарушение оккупационного режима. Три дня главы семейства не было дома. Потом появился весь истерзанный, избитый, с выбитыми вместе с золотыми коронками зубами. Был он печален, молчалив, всё время кашлял и держался за сердце. Вот тогда он и узнал истинное лицо фашизма... А ведь до последнего думал, что высокая культура немецкой нации не может сочетаться с такими зверствами.

– Ничего хорошего нас не ждёт, мои родные, – сказал Авраам. И был прав.

Через несколько дней вышел приказ, согласно которому все евреи и крымчаки должны явиться на сборный пункт, откуда потом их всех, от грудных младенцев до глубоких стариков, вывезли на десятый километр Феодосийского шоссе и расстреляли у рва...

Массовые расстрелы проходили с 6 по 11 декабря 1941

года. Это были последние дни жизни евреев и крымчаков города Симферополя.

Семью Авраама Мангупли уничтожили не сразу. Самого Авраама, его жену Бас-Шеву, дочь Клару с трёхлетним сыном Захаркой ещё долго мучили, пока не нашли самую младшую в их большой семье дочь Ханну. Когда уходили на сборный пункт, отцу удалось спрятать её у знакомого грека. Но вскоре в квартиру грека поселили немцев, и хозяин, под угрозой расстрела, сдал девушку фашистам. А было это в жуткий день – 6 декабря 1941 года...

Эта дата и вписана во все четыре справки, свидетельствующие о расстреле родных нашей мамы. Эти листки жгли ей руки и сердце.

... Кизил кончился, стало холодно. Наконец, вернулась мама, в одночасье постаревшая на десяток лет, вся в слезах. Она обняла нас, прижала к себе и долго-долго плакала. Тогда она ничего не сказала нам о страшной трагедии, постигшей её семью ...

А дождь всё барабанил по дырявой крыше. Капля за каплей, он падал в корытце, булькая и разводя тут же исчезающие круги. Они как будто переходили друг в друга, уступая место последующим. Так же, как уходят из этого мира в иной и сами люди.

Мама не раз потом приезжала в Симферополь, вновь и вновь пыталась разыскать Дусю, но тщетно. Кто-то сказал, что она спешно уехала из города, и с тех пор её тут не видели. Теперь в каждый приезд в город своей юности мама приходила к расстрельному рву на десятом километре Феодосийского шоссе. Вместе с убитыми и заживо закопанными в землю 14 тысячами евреев, 7 тысячами крымчаков, сотнями цыган, краснофлотцев, партизан и подпольщиков

лежали самые дорогие ей люди.

Сегодня уже нет в живых моей мамы. А боль, с которой она жила все послевоенные годы, перешла к нам, её детям. И время её отнюдь не притупило.

Прошло 70 лет после той трагедии и вот, как взрыв бомбы, разнеслось по миру: «Фрагменты челюсти со следами недавно выданных коронок, суставчик ножки младенца, осколки черепа, ещё недавно покоившиеся в земле, – «работа» мародёров, осквернивших братскую могилу на 10-м километре Феодосийского шоссе...». Эти страшные строки принадлежат Борису Берлину. Здесь же, на сайте газеты «Крымская правда» он подтверждает сказанное фотографией.

Мой тревожный звонок – в Симферополь, председателю культурно-просветительского общества «Кърымчахлар» Доре Пирковой.

– Как ты знаешь, – напомнила она мне, – у нас это уже второй случай вандализма. Четверть века назад Андрей Вознесенский посвятил этой теме свою поэму «Ров». Тогда бывший танковый ров, ставший братской могилой, залили бетоном. А теперь, замыслив найти золотые вещи казнённых, вандалы, не без помощи техники, прорыли яму глубиной более двух метров. На поверхности земли оказались останки и вещи погибших. Срочно яму эту зарыли с помощью бульдозера, но то, что жутким укором для нас осталось под открытым небом, не поддаётся описанию. На поросшем молодой травой зелёном поле вдоль братской могилы чернотой зияют следы гусеничных колёс. Время, конечно, сотрёт их... Останки мы соберём, перезахороним тут же...

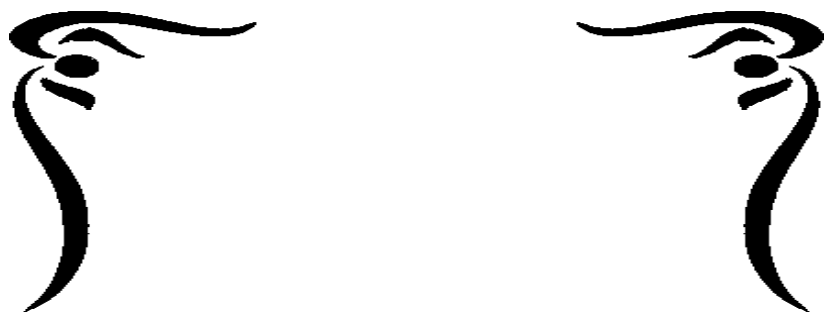

Правильно сказала Дора: «Время, конечно, сотрёт их». Следы вновь зарастут травой. Но не стереть те следы, что остались в нашей памяти. Они поранили и без того больные наши души. Вот поставила точку и вспомнила строки из стихотворения известного поэта Евгении Босиной, посвящённого судьбе крымчаков, живущих теперь за пределами Крыма:

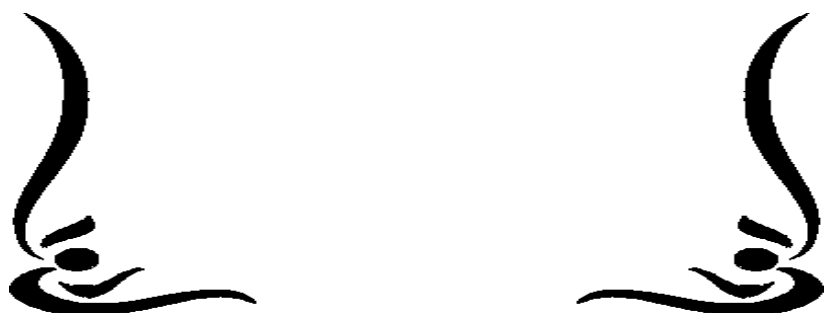
*Наш Крым без нас который год,
И мы давно без Крыма,
А мне всё снится город тот
И вечный запах дыма,
И виноградная лоза,
И кружево акаций...
Но мало нас, и нам нельзя
Ни плакать, ни бояться.
В лицо грядущему смотреть
Моё умеет племя –
Народ мой, одолевший смерть
И победивший время.*

То, что произошло у расстрельного рва, должно ещё раз напомнить тем, кто отрицает трагедию Холокоста: время, рано или поздно, всё расставляет по своим местам. Пусть даже и такой дорогой ценой. Историю вспять не повернуть.

*Приподними завесу времени,
и сам поймёшь – она прозрачна*

И ПРИВЕЛА «ЦЕПОЧКА» К ВСТРЕЧЕ

С ПИСАТЕЛЕМ ИОНОМ ДЕГЕНОМ

Открывая почту, как правило, смотрю, что прислали мне друзья. А друзья – это близкие по духу, по увлечению литературой люди. В последнее время всё чаще стали приходить рассказы Иона Дегена. Особенно запали в душу его «Шма, Израэль», «Цепочка», «Трубач». Мы пересылали их друг другу, перечитывали снова и снова, делились впечатлениями. И это был, своего рода, мастер-класс. А пустил рассказы «по кругу» писатель и поэт Марк Тверской. Тогда мы ещё не знали, что связывает его с автором этих, я бы сказала, гениальных произведений.

Как оказалось при встрече со знаменитым писателем и учёным в нашей литературной студии, у него с Марком давнее знакомство. А свела их медицина. Было это в Киеве. Иону Лазаревичу Дегену предстояло оперировать сына генерал-лейтенанта, командующего группой советских войск в Германии. Главный хирург украинской столицы рекомендовал доктора высокопоставленному чину как лучшего хирурга-ортопеда. Деген согласился взяться за сложную операцию при условии, что ему пришлют опытного анестезиолога.

– Вот тогда-то и появился у меня в кабинете молодой, красивый, интеллигентный юноша. Как сейчас помню, – рассказывает наш гость, – операция подходит к концу, и Марк спрашивает: «Сколько времени остаётся до конца операции?» Восемь минут, – отвечаю я. И что вы думаете?

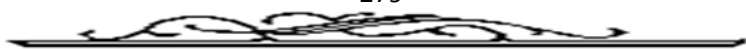
Ровно через восемь минут больной просыпается и спрашивает: «А когда будет операция?». Я так и ахнул – вот это профессионал! Сказал тогда Марку: тебе надо поступать в аспирантуру, думать о науке. «Я много раз поступал, сдавал экзамены на пятёрки, но меня никуда не взяли. Я не вижу выхода» – обречённо ответил Марк. Есть у тебя выход, – успокоил я его. – Надо ехать в Израиль. Мы ещё с тобой там встретимся.

Замечу, как поделился со мной воспоминанием Марк, было это за два года до шестидневной войны в Израиле. Тогда он не воспринял разговор всерьёз. Подумал, мало ли что может посоветовать человек с застрывшим в голове осколком...

А к тому времени за плечами хирурга уже была война. Так что жизнь он успел познать во всех её проявлениях. Шестнадцатилетним школьником добровольно пошёл на фронт. Был ранен при выходе из окружения. По счастливой случайности избежал ампутации ноги и продолжал воевать. Был командиром разведки дивизиона бронепоездов, в тылу противника снова получил ранение.

Об этом Ион Лазаревич говорит без трагических ноток. Это присуще человеку, сильному духом. Не раз он переживал кошмар, когда вёл в сражение свой танк, когда терял боевых друзей, когда в голову угодил осколок... Сам Ион потом напишет: «Мы чувствовали себя «смертниками», и нам было глубоко плевать, где нас убьют, в танковой атаке в родной бригаде или в стрелковом строю штрафного батальона». Этому предшествовала нелёгкая служба в учебном танковом полку, потом – учёба в Харьковском танковом училище, которое закончил с отличием в звании младшего лейтенанта.

Вообще по военной карьерной (если в данном случае

уместно слово «карьера») лестнице Ион Деген продвигался быстро: командир танка, танкового взвода, потом – танковой роты. В одном из боёв его экипаж уничтожил двенадцать немецких танков и четыре самоходных орудия, много пулемётов, миномётов и живой силы противника. Его тогда впервые представили к званию «Герой Советского Союза».

За живучесть и умение выходить из, казалось бы, безвыходных ситуаций, его стали называть «Счастливым».

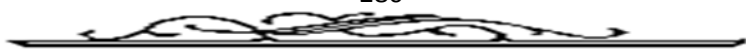
И вот этот «Счастливчик» стоит перед нами, прислонив к стене свою тяжеловесную палочку-опору. Он отказывается сесть. Ведёт встречу стоя.

– Я счастлив, когда вижу ваши красивые лица, ведь за годы своей творческой деятельности я всего лишь второй раз встречаюсь с литераторами. Были лекции, были доклады, были мастер-классы по хирургии, ортопедии, магнитотерапии...

Обо всех своих достижениях Ион Деген не рассказывает, но из официальных источников мы знаем, что он в своё время защитил кандидатскую диссертацию, а потом и первую в медицине докторскую по магнитотерапии. Он – автор многих научных статей, руководитель нескольких кандидатских и докторских диссертаций.

– Расскажите, пожалуйста, о вашей первой встрече с литераторами, – попросил кто-то из зала.

– Первая? Тогда я выступал перед писателями, среди которых были Константин Симонов, Сергей Орлов, другие знаменитости... Кстати, спустя время Евгений Евтушенко спросит меня, а что сказал тогда Симонов? Я честно признался, что он «растоптал меня» за стихотворение о мородёрстве. И тогда Евтушенко прокомментировал: «Нет, Ион, он спас тебя...» и включил его в антологию, где наз-

вал стихотворение гениальным, ошеломляющим по жестокости силе правды?

Вот это стихотворение:

«Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький.
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память стяну с тебя валенки.
Нам ещё наступать предстоит».

– Да, было такое. И хотя я больше внимания стал уделять прозе, стихи писать не переставал.

– Я уже много лет слежу за Вашим творчеством, – сказала поэт и писатель, руководитель литературной студии «Волны Кинерета» Любовь Знаковская, приехавшая вместе со своими друзьями из Тверии на встречу с человеком-легендой. Она протянула гостю объемистую папку с пожелтевшими от времени газетными вырезками его стихов, рассказов и статей о самом писателе, – Для нас это как учебное пособие.

А я возвращаюсь к началу нашей встречи, когда Ион Лазаревич рассказывал о том, что пророчил доктору Марку Тверскому большое будущее именно в Израиле. Кстати сказать, не ошибся. С 1974 года Марк в этой стране. Он, первым из врачей-репатриантов семидесятых годов, участвовавших в конкурсе, получил должность заведующего отделением больницы, защитил в США докторскую диссертацию. Так вот ответ на мой незаданный вопрос «поче-

му?» нахожу в продолжении воспоминаний Дегена. Но прежде выдержка из статьи Моше Даяна: «... Были случаи, когда по причине пятой графы не получали награду воины, которых представляли к ней дважды и трижды. Командир танковой роты Ион Деген был представлен к званию Героя Советского Союза два раза, причём, во второй раз в январе 1945 года его представлял командующий 3-им Белорусским фронтом генерал Черняховский – за успешную операцию в Восточной Пруссии. Оба раза он получал только ордена».

Вообще среди наград Иона Лазаревича есть медаль «За отвагу». В солдатской среде она ценилась очень высоко и приравнивалась к званию «Герой Советского Союза», ведь награждали ею солдат и младший комсостав за героизм в бою, а не за штабную работу. Ион и в самом деле не щадил себя, в одном из таких боёв получил тяжёлое ранение и был отправлен в госпиталь. Теперь трудно сказать, как вышло, что его боевые друзья тогда посчитали Иона погибшим. Они помнили представление генерала Черняховского. До сих пор в Нестеровском районе Калининградской области на плите братской могилы рядом с другими именами высечено: «Герой Советского Союза гвардии лейтенант Ион Деген».

А вот картинка из воспоминаний Дегена: после окончания с отличием Черновицкого медицинского института он решает поступить в аспирантуру, но его, как еврея, не принимают. И тогда он отправляется искать справедливости в Москву, к самому товарищу Сталину. К вождю его, конечно, не допустили. Но «Счастливчик» он и есть «счастливчик». В ЦК партии на Старой площади неожиданно встречает своего однополчанина. Один звонок в Киев – и Дегена принимают в клиническую ординатуру

Киевского института усовершенствования врачей.

Жил он в то тяжёлое время впроголодь, ежедневно по много часов проводил в операционной. А когда пришло время получать первую зарплату, его фамилии в ведомости не оказалось. И вот он стоит перед ректором Института, профессором Кальченко. Грудь в орденах и медалях. Объясняет ситуацию. А профессор, с этакой издёвкой, задаёт вопрос:

– Скажи, Ион Лазаревич, награды свои где и за что ты получил?

Ион отвечает.

А дальше следует циничное заявление:

– Ну, скажем, ордена можно было купить и в Ташкенте...

И тут происходит неожиданное: тяжёлый кулак Иона ложится прямо меж глаз обидчика. Ситуация... Но как бы там ни было, а зарплату свою он получить должен. И он едет в Министерство здравоохранения Украины. Оказалось, что там уже обо всём знали. Однако помня о звонке из Москвы, из ЦК КПСС, инцидент этот замяли, а Дегена перевели в ординатуру Института ортопедии. Спустя время о неординарном поступке отважного бойца говорил весь Киев.

Старейший литератор, поэт из плеяды шестидесятников Вадим Халупович пришёл на встречу с Ионом Дегеном и принёс его книгу «Великовский» о гениальном учёном.

– Эта книга у меня – настольная, – сказал Халупович.

– Я перечитываю её снова и снова...

Ион уважил просьбу почитателя своего творчества, оставил на книге автограф и скромно заметил:

– Друзья мои, эта книга, – пожалуй, единственный мой

солидный труд. А всё остальное – так ...

Скромничает Ион Лазаревич. Именитые издатели книг скрупулёзно собирают его стихи и рассказы на интернетовских сайтах, в газетах, журналах и альманахах. И, между прочим, почитают за честь получить согласие автора на издание его произведений.

Координатор нашей студии Мария Фердман, которая организовала эту встречу, поинтересовалась тем, как рождались сюжеты его увлекательных, полных неожиданных развязок рассказов: «Шма, Исраэль», «Цепочка», «Трубач» и других.

– Я – не писатель, – говорит наш гость, – и не могу что-либо сочинять. Как правило, сюжеты беру из жизни. Ну, разве что детали какие-то, литературные приёмы использую, чтобы вызвать интерес читателя.

Мы пожелали Иону Лазаревичу Дегену и его супруге Людмиле, с которой он приехал из Тель-Авива в Хайфу для встречи с нами, здоровья и новых интересных работ. С тех пор никто из нас не пропускает ни одной новой работы именитого врача и писателя.

СКВОЗЬ ВИДИМУЮ ЗАВЕСУ

Четверть века назад Иосиф Бродский, выступая перед выпускниками Мичиганского университета с известной «речью на стадионе», напутствовал поколение, вступающее в самостоятельную жизнь. Он сказал тогда: «Между поколениями существует прозрачная стена, железный занавес иронии, если угодно, видимая насквозь завеса, не пропускающая почти никакой опыт... Я не Моисей, вы тоже не ветхозаветные евреи; эти немного беспорядочные наброски, нацарапанные в жёлтом блокноте где-то в Калифорнии, – не скрижали. Пройгнорируйте их, если угодно, подвергните их сомнению, если необходимо, забудьте их, если иначе не можете: в них нет ничего обязательного...».

А далее классик попытался объяснить молодёжи, в чём суть и смысл жизни, какими постулатами и приоритетами надо руководствоваться, чтобы не нарушать десять заповедей, переданных нам через пророка Моисея.

Его мысль о связи поколений вернула меня к недавней встрече в доме Григория Лихтмана. Она как раз и была пронизана той памятью, которая, несмотря на «железный занавес иронии», проступила сквозь «видимую завесу» и тронула сердце его внука.

Одна деталь – в «путешествие по островкам памяти» Григорий отправился вместе со своим внуком Евгением и его молодой женой Адель. Встречи дедушки с внуком не такие уж частые – семья молодая, много

времени уходит на работу, учёбу, обустройство своего дома в кибуце. Но эта, наверное, запомнится надолго и деду, и внуку. Запомнится не только своим содержанием, но и датой встречи – 2 августа 2013 года. Почему? Об этом – позже. А пока перенесёмся вместе с двумя родными друг другу людьми в Минск.

18 июля, 1941-й год. Григорию 15 лет. Он только что приехал в пионерский лагерь, что недалеко от шоссе Минск – Москва. Настроение у мальчишки отличное – впереди интересный отдых с походами, песнями, кострами... В воскресенье, а оно выпало на 22 июня, торжественное открытие лагерной смены, ожидание гостей. Но праздник не состоялся. И не родители приехали к сыну, а его восемнадцатилетний брат Соломон. «Война началась, Гриша» – только и успел он сообщить братишке и укатил на своём велосипеде.

Скоро уже бомбили Минск. А дети вместе с вожатыми и воспитателями двинулись в сторону Москвы. Они шли по шоссе, вдоль которого на километры растянулись колонны беженцев. Для кого-то это был последний путь, потому что негде было спрятаться от падающих бомб – не всех могли укрыть заросли кустов и редкие холмики, за которыми попробуй-ка остаться незамеченным... Так впервые Григорий увидел лицо войны. Ему было страшно.

Шли долго – два дня и две ночи, пока не добрались до Борисова. А оттуда товарным поездом детей привезли в Вязовский район, в зерносовхоз «Белые пруды». Это была уже Сталинградская область. Здание школы, где разместился пионерлагерь кожгалантерейного завода «Большевик», и стало временным пристанищем детей. Гриша знал, что отец работает именно на этом заводе, и от мысли

о том, что он может быть сейчас где-то рядом, становилось немного спокойнее. Когда сообщили, что старших ребят попытаются устроить на работу, Гриша обрадовался – может, с отцом встретится! Но мальчиков повезли в Сталинград. На работу их не взяли и, «пропустив» через детприёмник, вернули в «Белые пруды». А там Григория и его друга Семёна с, такой созвучной времени, фамилией Беда ждали письма. Ребята узнали, что их родители бежали из Минска и сейчас находятся в Богородске. Это в пятидесяти километрах от Горького. Гриша знал, что именно в этих краях в юности жил и работал на кожгалантерейной фабрике его отец, что оттуда он уходил ещё на Гражданскую войну...

Мальчишек снабдили сухим пайком, дали им документы и отправили в дорогу. Это было их первое самостоятельное путешествие, полное тревог, опасностей, обид...

Отец Григория, Лев Соломович, уже работал по своей специальности на кожевенном заводе, а мама Берта Исаковна была надомницей, ремонтировала солдатскую одежду. «А что с домом нашим в Минске?» – спросил её Гриша. И узнал, что когда над Минском уже летали бомбардировщики, отец пошёл в военкомат проситься на фронт, а ему сказали: «Иди домой. Надо будет – вызовем». Он вернулся, но на месте дома увидел догорающую грудку развалин.

... Евгений слушал дедушку и время от времени останавливал его, чтобы перевести рассказ на иврит – Адель не знает русский. Сам он, приехавший с родителями в Израиль в раннем возрасте и теперь считающий иврит своим родным языком, никогда не слышал о военном прошлом деда, а тем более – прадеда. Поче-

---

му? Может быть, потому, что поначалу возраст ребёнка не позволял взрослым говорить с ним на столь серьёзные темы, а после переезда в Израиль мешала разность языков (старшее поколение с трудом говорит на иврите, а молодёжь неохотно переходит на русский). А тут разговор открылся как бы сам собой. На столе в уютной гостиной лежал небольшой альбом, в котором старые чёрно-белые фотографии соседствовали с новыми – цветными. К альбому и потянулась рука внука. И так, от снимка к снимку, путешествуя во времени, дед будто приподнимал завесу, за которой внук мог увидеть картины былого и узнать о судьбах близких по крови людей.

– Недолго мы жили всей семьёй в Богородске. Уже в феврале сорок второго отца призвали в армию. А в марте пришла повестка и брату Соломону. Остались мы с мамой вдвоём. И я отправился на кожгалантерейную фабрику. Меня, пятнадцатилетнего мальчишку, приняли без проблем – везде были нужны рабочие руки. Сначала – учеником. Потом я уже самостоятельно изготавливал приспособления для переноски лёгких миномётов. А в ноябре сорок третьего призвали в армию и меня. Отправили служить на Дальний Восток. Дедушка бережно перевернул страничку альбома:

– Вот таким я и запомнил твоего прадеда, – он провёл ладонью по маленькой фотографии, единственной, что уцелела.

Евгений взял в руки альбом, долго всматривался в лицо красивого мужчины и узнавал в нём знакомые черты. Дед и внук молчали, каждый думая о чём-то своём. А потом Григорий, будто вспомнив что-то очень важное, встал из-за стола, подошёл к шкафу и с верх-

ней полки достал папку, обшитую красным шёлком:

– Я хочу тебе, Женя, кое-что показать.

Он аккуратно развернул пожелтевший и почти истлевший от времени листок. Это был «солдатский треугольник». Евгений медленно, по слогам читал текст, написанный чернильным карандашом: «Здравствуйте, дорогие. Я жив и здоров, чего и вам желаю. Сегодня я получил вашу открытку и с большой радостью читал и спешу вам ответить, так как мы сейчас уходим на первую линию огня. Возможно, что теперь я не смогу так часто писать, но буду стараться при первой возможности. Нахожусь я на (зачёркнуто цензурой) фронте. Будем гнать фашистов через Гомель и Минск. Так что, может быть, в скором будущем буду в Минске. Берта и Гриша! Вы старайтесь чаще писать, так мне будет веселей наступать. Пока всё. Больше писать нечего. Погода у нас очень плохая, всё время дожди и холод. Пишите, как у вас теперь со свежими овощами. Вот и всё. Будьте здоровы. Привет всем. Берта, меня очень волнует молчание Соломона. Что могло случиться с ним? Если у меня будет возможность, то я напишу к его начальнику. Будьте здоровы. Пишите ответ. Лёва. Целую, целую. 2/VIII-42г.».

Волнение охватило Евгения с такой силой, что он едва сдерживал дрожь в руках, читая это послание из далёкого военного прошлого. И не только потому, что он, 26-летний мужчина, отслуживший в Армии обороны Израиля, с отличием окончивший Хайфский технион и получивший диплом инженера-механика, впервые увидел эту семейную реликвию. Письмо было датировано вторым августа тысяча девятьсот сорок второго года. «Что за странное совпадение? – подумал Евгений,

– Бывает же такое...». Он заглянул в свой мобильник. На экране высветилась дата: 2 августа...

А далее путешествие в прошлое открыло ещё одну, не менее волнующую страницу семейной истории. Это было извещение, присланное Берте Исааковне Богородским райвоенкоматом 26 сентября 1942 года. И его тоже Евгений прочитал вслух, волнуясь, с придыханием: «Ваш муж, красноармеец Лихтман Лев Соломонович, уроженец Люблинской области, города Турбин в бою за советскую родину, верный воинской присяге, проявил героизм и мужество. Был убит 5 августа 1942 года. Похоронен 0,5 км. южнее деревни Курыково Зубцевского района Калининской области. Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКО СССР №220). Райвоенком, ст. политрук Павлов, начальник 1-й части, тех. интendant 1 ранга Плохов».

– Да, Женя, прадед твой погиб через три дня после того, как написал вот это своё последнее письмо.

– Ну, а ты, деда? Как вам с братом служилось в то военное время?

87-летний дедушка впервые поймал себя на мысли о том, что никогда не рассказывал внуку о себе, молодом и сильном, о том, как служил в действующей армии на Дальнем Востоке, как в составе XII дивизии 214 стрелкового полка участвовал в войне с Японией, как продолжал свою послевоенную службу до 1950 года. Брат его Соломон был серьёзно ранен в бою и комиссован как инвалид.

Рука внука вновь потянулась к папке, где рядом с ветхими документами лежали ещё какие-то бумаги, удостоверения, медали. Он с интересом рассматривал всё это, читал надписи. Взгляд бывшего солдата (хотя

в Армии обороны Израиля «бывших» не бывает) выхватил из множества боевых и трудовых наград одну. Это был орден Отечественной войны. А ещё он нашёл медаль «За победу над Японией»...

Сколько ещё не познанного! Мама Бэлла всегда говорит сыну: «Бери пример с дедушки». И теперь, как бы листая страницу за страницей книгу его жизни, Евгений понимал, как трудно было деду. Тогда ещё 25-летний парень, вернувшийся из армии, работал грузчиком и учился в школе, осваивал слесарное дело, а по вечерам занимался в машиностроительном техникуме... Его карьерный рост от мастера до ведущего инженера, начальника экономического бюро Минского тракторного завода шёл параллельно с учёбой в политехническом институте. Всё преодолел. Детей вырастил, помог внуков воспитать. Вот только о себе ничего не рассказывал. Правда, со старшим внуком Борисом успел пообщаться более тесно. И Борису хорошо известно военное прошлое дедушки. Он часто приезжает к нему с семьёй, в которой подрастают правнуки Григория Йонатан и Даниэль. Йонатан появился на свет три года назад, как раз в тот самый день, когда его прадедушку Гришу врачи вернули к жизни, сделав операцию на сердце. Теперь в семье этот день считают двойным днём рождения: и прадеда, и правнука.

Вот такие витиеватые наши людские дороги и судьбы. Порой на жизненных путях сходятся события и даты. Одни порождают другие, удивляя нас своими совпадениями и похожими историями. И как тут можно не прислушаться к утверждению Иосифа Бродского о том, насколько

ко важен опыт старших поколений. А для того, чтобы постичь эту истину, совсем не обязательно быть Моисеем, которому Всевышний вручил скрижали с заповедями.

ЗАСТЫЛИ В КАМНЕ ПИСЬМЕНА...

«На стенах Рейхстага они углём написали, что думали и чувствовали на тот момент, – свои имена и откуда они дошли до Берлина. Надписи были законсервированы специальным раствором. Стены, которые со временем почернели, очищены сухим сжатым воздухом, и теперь у нас есть возможность видеть всё в оригинале. Эти надписи останутся здесь навсегда. И это очень важно для нас, ведь они – часть общей истории, вашей и нашей. Как говорят, не знающий своего прошлого, не имеет будущего.

Карин Феликс, исследовательница истории Рейхстага».

За будничной суетой и массой дел, обязательных и не очень, мы не так часто возвращаемся к прошлому. И не то, чтобы плотно закрываем в него дверь... Да если бы и так, то всё равно мысли наши без труда открывают любые двери и уводят туда, куда реально путь, увы, закрыт. Такой же силой наделены и фотографии. Вот недавно, например, листала альбом, где остались жить мои родители, и будто совсем рядом зазвучали их голоса. А с ними вернулся и один из сентябрьских дней 1947 года. Вернулся с запахами золотисто-прозрачных виноградных гроздьев, свисавших над нашим столом, с ароматом красного сахарного сока, стекавшего с двух арбузных тюльпанов. Папа искусно разрезал осенний плод в виде цветков, которые почему-то всегда называл розочками. Нам, девочкам, не терпелось приложиться к ним. Но, послушно

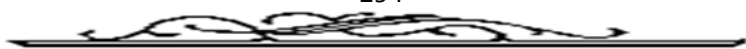
позируя перед фотообъективом нашего гостя, мы ждали момента, когда закончится «официальная часть».

Это было тогда. Сегодня же я многое бы отдала, чтобы та съёмка продолжалась. И возможно, я смогла бы сейчас увидеть и другие снимки, на которых был бы и сам фотограф, а не только его жена и совсем маленькая дочка...

А ещё снимок донёс до меня мелодию песни «Случайный вальс». Как раз в тот самый день моя старшая сестра Софья из школы вернулась оживлённая и – сразу к папе:

– Вот, посмотри, – протянула она ему листок, – ты это легко подберёшь.

Мама принесла мандолину, которую купила или на что-то выменяла на толчке, так раньше называли базар. Софья старательно держала перед папиными глазами листок из серой грубоватой бумаги. На одной его стороне было напечатано стихотворение Евгения Долматовского «Случайный вальс», а на обороте – ноты. Музыку к словам поэта написал Марк Фрадкин сразу после окончания Сталинградской битвы, случайно встретившись с поэтом на дорогах войны. Папа очень быстро подобрал мелодию. Ну, а слова мы уже знали, потому что не раз по радио слышали эту песню в исполнении Леонида Утёсова. Вообще таких вот листков с песнями у нас в доме было уже много. Моя сестра экономила на школьных завтраках, и свои скудные сбережения тратила на такие вот листки с песнями. Они тогда продавались в книжных магазинах. В этих песнях – лиричных и задумчивых отражались грусть и любовь, преданность и верность, тоска по мирной жизни...

* * *

Мои друзья, братья Михаил и Леонид Измерли – люди с обострённым чувством любви и интереса к истории и жизни крымчаков, этой малочисленной народности, что, как предполагают учёные, населяла Крымский полуостров с древнейших времён. В моей специально заведённой папке уже собралось несчётное количество присланных братьями научных статей, воспоминаний, фотографий. Есть даже книга, изданная в единственном экземпляре Олегом Маневичем, сыном автора монографии Игоря Маневича, поведавшего о буднях трудового фронта Великой Отечественной войны. По каждому из этих документов можно проследить судьбы людей разных поколений. А недавно мои друзья, не сговариваясь, прислали один и тот же файл.

– Посмотри внимательно на эти изображения, – сказал мне Леонид. – Увеличь вот этот кадр, что на ленте третий справа, и прочитай...

Увеличила. Читаю: «Леви Михаил Керчь». Это – одна из торопливых размашистых подписей на стене Рейхстага. Интересно, кому она принадлежит? – подумала я и позвонила Михаилу Измерли, председателю крымчакской общины Израиля.

– Я знаю некоего Бориса Леви, – подсказал Михаил. – Он живёт в Беэр-Шеве. Вот его адрес.

В тот же вечер мы встретились с Борисом в виртуальном пространстве. Появившееся на экране лицо с весёлым прищуром глубоких глаз под густыми бровями, лёгкой, будто играющей на губах улыбкой, поначалу не давало сосредоточиться на вопросах, которыми забросал меня новый знакомый. Это лицо мне кого-то напоминало.

Но кого? А Борис сразу стал выяснять, не родственники ли мы с ним и кого из семей Леви я знаю по Керчи, где прожила много лет. Мы вспоминали тех керчан, которых, оказывается, знали оба. Среди них я не находила предположительного автора подписи на Рейхстаге. И вряд ли мог его знать мой собеседник. Потому что к началу войны ему едва ли исполнилось десять лет.

И тогда уже я задала ему свой вопрос, показав изображение с подписью на легендарной стене. Тут наша беседа потекла совсем по другому руслу. Я включила диктофон, но скоро совсем забыла о нём. Не переставая щёлкать «мышкой», принимала всё новые и новые документы, вырезки из газет, фотографии военных лет. Река воспоминаний моего собеседника уносила нас в военное время, и я, подхваченная бурным течением этих воспоминаний, представляла картины давних лет.

Первые месяцы войны. Талантливый политработник Михаил Леви назначен заместителем начальника штаба по оперативной и разведывательной части 33-го Гвардейского Штурмового авиаполка. С этим полком он пройдёт от Старой Руссы до Берлина. Пройдёт так, что его сын сможет гордиться своим отцом и рассказывать о нём, как о герое. И в самом деле, какие только подвиги не совершал он в эти долгие четыре года! Было необходимо – оставлял штабную работу и вылетал на боевые задания, подменяя воздушных стрелков. И возвращался с удачей. В одном из боёв группа штурмовиков вместе с комиссаром, гвардии майором Михаилом Леви уничтожила две полевые батареи, обстреляла четыре блиндажа, взорвала два склада боеприпасов и вывела из строя почти всю роту фашистской пехоты.

Не жалел себя отважный офицер, все силы, весь свой боевой дух вкладывал в победу. Он участвовал в освобо-

ждении Старой Руссы, Демянска, Калинина, Невеля, Ковеля, Пинска, Люблина, Варшавы. В Майданек вошёл, когда ещё горели трупы... Но, пожалуй, самой тяжёлой и морально, и физически, была для него Берлинская операция. Тогда в 11-м танковом корпусе гвардии майор был авиационным наводчиком. Расположив свою радиостанцию на бронемашине, в невероятно тяжёлых условиях боя он сумел быстро переориентировать 32 группы штурмовиков. Лагерь противника понёс большие потери. Было это в середине апреля сорок пятого года. А уже в конце месяца приближалась развязка войны, и штурмовики бомбили район Рейхстага.

– За военные заслуги отец имел много наград, – рассказывает Борис, а на моём экране появляются всё новые и новые изображения документов. Они свидетельствуют о том, что гвардии майор М. Леви удостоен ордена Красного Знамени, трёх орденов Красной Звезды, ордена Отечественной войны 1 степени и многих медалей.

Продолжаю вчитываться в документы и вижу, что Михаил лишь в 1956 году закончил службу в Советской Армии уже в звании подполковника. После войны он шесть лет отслужил в группе советских войск в Германии, а потом – в Забайкалье. Полгода был начальником штаба полка Дальневосточной штурмовой авиационной дивизии. Развернувшиеся события в Корее продлили армейскую службу Михаила. Ещё полтора года свою нелёгкую вахту он нёс в Шанхае, помогая формировать китайский авиаполк и обучать лётчиков-штурмовиков. И был награждён орденом Ленина и орденом Китайского Красного Знамени. Мне интересно было узнать о судьбе этого легендарного офицера. Тем более, что подпись на стене Рейхстага может оказаться именно его подписью. Тут мой журналистский

запал мог бы и поостыть – считай, автор подписи найден. Но почему что-то не отпускает меня от экрана. Может, не даёт покоя схожесть Бориса с тем фотографом, что оставил снимок в моём семейном альбоме?

– Скажите, – спрашиваю я, – знаете ли вы своего тёс-ку, Бориса Леви? Он тоже жил в Керчи...

Тут я заметила, как заволновался мой земляк, как вспыхнул его взгляд, разыскивая что-то на экране компьютера, а пальцы заскользили по клавиатуре. Он явно хотел ещё что-то мне отправить. Может, очередную фотографию или документ... Его волнение передалось и мне, и я ждала...

– Я не рассказал вам главного, – продолжил наш диалог Борис. – У отца был младший брат Борис. Отец нарёк меня его именем. И, видно, не случайно – я очень похож на своего дядю. Вот посмотрите...

Я принимаю фотографию офицера, и узнаю в нём (кого бы вы думали?) того самого гостя, который сфотографировал нас сентябрьским днём сорок седьмого года за столом с ароматными арбузными тюльпанами. Так вот, оказывается, кого мне сразу напомнил мой новый знакомый! Правда, тот Борис был молодым, обаятельным, улыбчивым и одет в лёгкий бежевый габардиновый костюм – в общем, вполне гражданский человек. Этот же, на фотографии – уже в солидном возрасте, его тёмно-синий пиджак увешан орденами и медалями.

Вслед за снимком получаю «Личный листок на Леви Бориса Соломоновича, 1910 г. рождения, члена КПСС с 1931 года, гвардии капитана в отставке, участника Великой Отечественной войны». По этому листку можно проследить весь путь ветерана, начиная с июля 1941 года и по февраль 1947-го. Призывался в Керчи и послан был

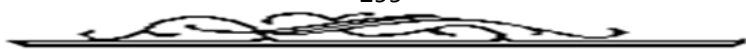

на курсы усовершенствования политсостава запаса Южного Фронта. Пулемётчиком участвовал в обороне города Запорожье, а потом был политруком 186-го отдельного сапёрного батальона 99-й Краснознамённой стрелковой дивизии Южного фронта. Воевал за освобождение Ростова-на-Дону, был задействован в операциях непосредственно в тылах противника. А через год военной службы Борис Леви становится корреспондентом дивизионной газеты «Родина зовёт». И, как поётся в известной песне, «с «лейкой» и блокнотом, а то и с пулемётом...», он прошёл фронтовыми дорогами. Семь месяцев, наравне с бойцами, держал оборону Сталинграда. Потом было вновь Запорожье, потом Одесса. Так с боями инструктор политотдела и военкор дошёл до Берлина, освобождая Ковель и Люблин, Пинск и Варшаву...

– Выходит, военные дороги братьев пролегали совсем рядом?

– Не просто рядом. Они даже случайно встретились где-то под Варшавой. Оба прошли всю войну до победного конца. Только один продвигался с танковыми войсками, а другой – с авиацией. Находясь в одно и то же время в самом поверженном Берлине, увидеться они так и не смогли. Борис снял много военных эпизодов. В его альбоме хранились уникальные фотографии того времени. Вот посмотрите на этот снимок и заметку в газете «Керченский рабочий», сохранившейся у меня с семидесятых годов.

Заметка подписана гвардии капитаном в отставке Б.Леви. Читаю: *«2 мая 1945 года. На западе и юго-востоке Берлина ещё звучала артиллерийская канонада, строчили пулемёты и автоматы – наши воины добивали группировки вражеских войск, а у стен поверженного Рейхстага, над которым уже реяло Знамя Победы, ос-*

тановились танки, не стреляли пушки. Здесь слово было предоставлено Музе.

С большим вниманием воины-сталинградцы из 35-й Гвардейской Стрелковой дивизии плотно окружили поэта Евгения Долматовского, слушали его проникновенные стихи о торжестве нашего правого дела, о славе и доблести советских воинов, окруживших врага в его логове – Берлине.

Эту памятную встречу воинов с поэтом я запечатлел на плёнке своей старенькой «лейки».

Лежал бы этот снимок вместе с другими фотографиями моих фронтовых будней в домашнем альбоме, если бы не случай. А случай этот такой. В 1947 году писатели Л. Кассиль и М. Поляновский, будучи в Керчи по сбору материалов для повести «Улица младшего сына», побывали у меня в гостях. Рассматривая мой домашний альбом, увидели и эту фотографию. И конечно узнали своего друга – Евгения Долматовского и попросили отдать фотографию для передачи поэту.

Вскоре из Москвы я получил почтовую открытку от поэта с благодарностью за фотографию, которая, как он писал мне, была передана в литературный музей.

Прошли годы, но радость и счастье первого дня Победы до сих пор волнует меня, как и всех ветеранов, прошедших с боями от стен Сталинграда до Берлина».

* * *

Так вот, оказывается, кем был Борис Леви, память о котором всплыла из времени моего послевоенного детства! И если бы не файл с подписью на Рейхстаге и не желание найти автора этой подписи, я так ничего бы и не узнала

о человеке, который оставил след в моём семейном альбоме. И кто знает, может быть, на той исторической стене отыщется ещё одна подпись, застывшая в камне на века.

Я всматриваюсь в старую фотографию, остановившую время. И снова мне вспоминается тот «Случайный вальс», который мы пели вместе с родителями и нашими гостями – Борисом и его молодой женой Галиной с маленькой дочкой Машенькой на руках. Где они теперь?

... Долгое время, с тех самых девяностых годов, уже после того, как ушёл из жизни бывший военный корреспондент, племянник ничего не знал о его семье – время по-своему распоряжается судьбами людей. Когда подошёл пенсионный возраст, начальник заводского конструкторского бюро Борис Леви оставил свою работу, связанную с атомным подводным флотом, и переехал из России в Израиль. Здесь он стал разыскивать родственников – Галину и Машу Леви. Долго не находил. А когда в дом «вошёл» Интернет, в поисковой строке Борис Михайлович написал: «Борис Соломонович Леви». И о, чудо! Имя своего дяди он находит в публикациях некоего Тони Барлама. Автор вспоминает о своём дедушке-фронтовике, военном корреспонденте Борисе Леви...

А через несколько дней они уже по-семейному сидели за столом, и Тони вспоминал: «Дед много рассказывал мне о прошлом, напевал свою любимую песню военных корреспондентов. Ну, там ещё есть такие слова: «с «лейкой» и блокнотом, а то и с пулемётом...».

Живёт Тони Барлам в Хайфе. И тоже приехал в Израиль более двадцати лет назад. Здесь окончил технион и стал графиком-дизайнером. Человек он творческий – пишет и исполняет песни на свои стихи, пробует себя в литературе. И если бы жив был его дед, то радовался бы

двум своим прекрасным правнучкам... Ну, а мама Тони (та самая малютка Машенька, что сфотографирована на коленях Галины) оказывается, живёт в Безр-Шеве, неподалёку от своего двоюродного брата Бориса Леви.

Прикоснулась к истории этой семьи и в который раз поблагодарила судьбу за то, что подарила мне профессию журналиста, полную открытий и неожиданностей.

«СТО МГНОВЕНИЙ ВОЙНЫ»

Память. Она имеет удивительное свойство. Когда возвращаешься туда, где осталась большая часть жизни, вдруг вспоминается, казалось бы, давным-давно забытое. Прошло десять лет, как не была в Керчи, но вот приехала в родной город, и постепенно многое всплыло в памяти. А что-то, кажется, навсегда застряло в прошлом. Лишь прежние симпатии и привязанности остались неподвластными времени. С кем-то из бывших коллег удалось пообщаться по телефону, с кем-то – накоротке в редакциях газеты «Керченский рабочий» и городского радио. Но старейшего газетчика, вводившего меня когда-то в такой заманчивый мир журналистики, Тамару Николаевну Авраменко не навестить я просто не могла. Договорились о встрече. Прихватив коробку конфет и одну из своих последних книг, изданную в Крыму, позвонила в дверь.

К встрече Тамара Николаевна подготовилась. В свои 89 лет она, как и прежде, улыбчива и гостеприимна. На кухонном столе – всё, что надо к чаепитию, а на рабочем – письма, фотографии, книги, старые газеты.

– Вы что-то пишете? – спрашиваю её.

– Да. Приближается день памяти скульптора Романа Сердюка, так меня попросили что-то написать для газеты. Вы ведь знаете, сколько всего доброго он сделал для нашего города. Вот этим и занимаюсь. А для вас я подготовила

материалы, связанные с моим бывшим другом Евгением Халдеем. Он ведь не однажды бывал в Керчи и в нашей редакции тоже. Надеюсь, не забыли?

Вот тут и стало всё вспоминаться. Да так чётко, будто бы происходило это совсем недавно. Впервые увидела я Евгения Халдея в нашей редакции. Помню, тогда он крепко обнял Тамару Николаевну, а потом они вместе сидели в нашем отделе писем и вспоминали былое. Я занималась своей работой – разбирала свежую почту, писала ответы авторам. Но встреча этих двух друзей была такой эмоциональной, что я и сама не заметила, как отложила в сторону письма и перенеслась в далёкое прошлое. Познакомились они в сорок втором в Поти, куда эвакуировалась Тамара. Тогда она работала ответственным секретарём в многотиражной газете «Стахановец стройки». А строили в Поти главную морскую базу Черноморского Флота, куда военный корреспондент Евгений Халдей и приехал для выполнения задания «Правды».

– Вот посмотрите. Узнаёте? – Тамара Николаевна протянула мне маленькую фотографию. – Это я, восемнадцатилетняя. Женя был у нас на съёмках и предложил мне сфотографироваться в его военной форме. Он снял китель и фуражку, надел всё это на меня и... вот осталась память. Ну, а этой фотографии всего-то лет... тридцать пять.

Вижу на снимке все дорогие мне лица. Это журналисты нашего «Керченского рабочего» вместе с Евгением Халдеем. Керчь для него – не просто город-герой, а место,

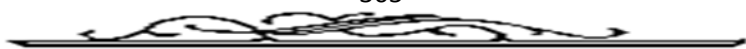

куда завели его дороги войны. Он был здесь в январе сорок второго года и осенью сорок третьего. Фотографии, на которых запечатлены исторические моменты, облетели весь мир. Вот красноармеец снимает свастику с ворот Керченского металлургического завода имени Войкова и закрепляет Красное знамя. А вот другая фотография. На ней водружается знамя на самой высокой точке города – вершине горы Митридат. Позже на этом самом месте был воздвигнут Обелиск Славы советским воинам, освободившим Керчь от фашистов. Интересно, что на строительстве того обелиска работали пленные немцы.

– Вы, наверное, помните, по какому случаю приехал к нам Евгений Халдей, – Тамара Николаевна открывает крупноформатную книгу «От Мурманска до Берлина», в которой собраны самые интересные фотографии военных лет, а вступление под заголовком «Сто мгновений войны» и стихи написаны Константином Симоновым. Книга, естественно, с дарственной надписью Халдея. – Эти снимки, и не только они, экспонировались на фотовыставке, которую привёз в Керчь сам автор. Спустя десять лет его не станет, а главная газета страны напишет вот это.

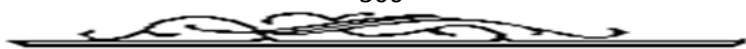
Тамара Николаевна протягивает мне вырезку. Читаю: «...Будучи фотокорреспондентом ТАСС, Евгений Халдей был участником боевых сражений на Северном и Черноморском флотах, дошёл до Берлина. Вместе с ним всегда был фотоаппарат, ставший его оружием. Более десяти лет он был фотокорреспондентом «Правды», работал в газете «Культура»...»

Мало кто знает, но самую первую фотографию, запечатлевшую момент объявления войны, сделал Евгений Халдей. Было это в Москве. Тамара приехала в столицу как помощник экскурсовода и вместе с группой туристов остановилась у репродуктора, откуда доносился голос Левитана. Передавалось сообщение о вероломном нападении Германии на Советский Союз. Люди застыли в напряжённом молчании. Вот тогда Тамара и увидела молодого фотокорреспондента, щёлкающего затвором фотоаппарата. Снимок этот, напечатанный в нескольких газетах, — в её журналистском архиве.

От начала и до конца войны Евгений Халдей сделал сотни уникальных кадров, вобравших самые тяжёлые моменты жизни страны. Интересно, что он стал автором и снимка, запечатлевшего момент окончательного разгрома фашистской армии. Читаю в одной из пожелтевших газет вот эти строки: *«Халдей вышел на кровлю Рейхстага и зажмурился от яркого света. Вдалеке виднелись чьи-то фигуры — кто-то пытался закрепить кусок красной ткани, вырываемой ветром. В других местах тоже развевались такие же куски алой материи — флаги, оставляемые в проёмах дочерна закопчённых стен, даже просто красные косынки, привязанные теми, кому посчастливилось дойти до Берлина и оставить символ победы — за себя и за тех, кому увидеть стены этого города не пришлось. Халдей смотрел на эти маленькие знамёна Победы. Было ветрено, пахло дымом. Он выбрал подходящую точку — на парапете выступающей части здания — и уже собирался обосноваться на ней, как увидел большой натёк свежей, ещё дымящейся кро-*

ви. Он не смог себе позволить наступить на неё, а места – всего пяточок. И, приняв неудобную позу и стараясь не глядеть вниз, махнул рукой Алексею Ковалёву и Хакиму Измайлову, чтобы они укрепили древко со знаменем там. Алексей, рискуя сорваться, забрался на башенку – бетонное сооружение причудливой формы – и, согнувшись, иначе невозможно было бы ему удержаться, застыл. Измайлов, стоя рядом, его придерживал. Халдей приложился к «лейке» и взял этот кадр. Снимок, запечатлевший конец войны, провозгласил начало мира, лёг незабываемой иллюстрацией на страницу истории».

Сам автор в тот момент об этом не думал. А щелчок затвора камеры стал для него последним выстрелом, прозвучавшим в той войне. И это не игра слов, потому что выстрелы приходилось ему делать и из настоящего оружия. Самые первые налёты на Мурманск пришлись как раз на тот момент, когда он на военном корабле вышел в море. Отложив камеру, Евгений подавал снаряды к орудиям. Он участвовал и в крымском десанте, шёл в бой за взятие Новороссийска, снова отвоёвывал у фашистов занятый ими Керченский полуостров. С наступающей армией шёл по странам Европы, вместе с танковой колонной 8-й Гвардейской армии генерала В.И. Чуйкова продвигался к центру Берлина, и его верная камера фиксировала кадр за кадром. Много кадров было и в мирной жизни. Дороги фоторепортёра проходили через леса и горы, моря и океаны. В одной из своих командировок Евгений Халдей познакомился с известным полярным лётчиком Иваном Черевичным и вдоволь полетал с ним на гидросамолёте по

Северу. Вот какие строчки нашла я в одной из старых газет: *«Приглядевшись к молодому фоторепортёру, лётчик открыл одну тайну: ему поручено отыскать Землю Санникова. Бывалый пилот и фотокорреспондент сшили красный флаг, чтобы, в случае удачи, застолбить обретённую землю и сделать её обетованной... С этим флагом они долго летали. До тех пор, пока их самолёт дотла не сгорел. Случилось это, к счастью, на воде. Две недели куковали путешественники, пока их не спасли. Это было на «ТУ», который Халдей заснял со всех сторон».*

– Женя много чего рассказывал о своей жизни, – вспоминает Тамара Николаевна. – Он был старше меня на восемь лет. Родился в Юзовке (ныне г. Донецк). Тяжкое детство было у него... Рано ему пришлось столкнуться с проявлениями антисемитизма. Ему был всего год от роду, когда в окрестностях свирепствовали банды батьки Махно. Погромщики ворвались в дом, перестреляли всех, кто был в нём. Мать успела заслонить собой грудного Женю, и пуля, её убившая, застряла в рёбрах малыша. – Тамара Николаевна задумалась, видно вспоминая весь нелёгкий путь своего друга, и неожиданно заметила, – Вот ведь как интересно, что свой первый фотоаппарат Женя собрал сам, когда ему было всего тринадцать лет. Может, это и определило его профессию, да и саму жизнь тоже...

ЕГО ЧЕРТЫ НЕ РАСТВОРИЛО ВРЕМЯ

Памяти журналиста, писателя, поэта

Бориса Сермана

Время. Напротив, оно обозначило эти черты ещё ярче. Особенно с выходом книги «Сквозь годы». Первое её издание (оно же и последнее прижизненное) было своеобразным итогом творчества поэта, писателя, гуманиста Бориса Сермана. А нынешнее издание, значительно дополненное, ещё ярче высветило душу поэта, гражданина, любящего супруга, отца, дедушки. В этой книге собраны не только лучшие его произведения. О писателе говорят стихами и прозой его бывшие коллеги по творчеству, друзья, близкие. Читаешь, и расширяются горизонты необыкновенной доброты, большого таланта человека, неравнодушного к чужой беде, горизонты его любви к родному краю – Крыму. В Израиле он продолжал писать, так же пропуская через душу всё, что волновало и заботило его. Более двадцати книг – таков творческий итог моего земляка, поэта Бориса Сермана.

Земляка не только потому, что мы оба из Крыма. Он жил в Симферополе. Но около двадцати лет жизни отдал моему родному городу – Керчи. С Керчью поэта связала и судьба военного корреспондента (он был дивизионным газетчиком), и уже после войны Борис Серман занимался поиском участников исторической обороны подземного гарнизона Аджимушкая. 170 дней и ночей защитники Керчи и мирные жители, не успевшие эвакуироваться до при-

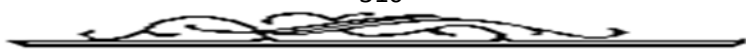

хода немцев в город, находились под землёй. Их душили газом, взрывали штольни, замуровывали лазы. Лишённые воды и пищи, истощённые болезнями, люди умирали в муках. Из десяти тысяч человек, спустившихся в подземелье, выжило не более ста. Многих писатель разыскал. За этим поиском стояли годы переписки, встреч, поездок на места сражений. Каждый поход в каменоломни раскрывал новые страницы борьбы и мучений аджимушкайцев. Он находил дневники, неотправленные письма, предметы быта, и даже слова прощания, выведенные на закопчённых стенах каменоломен.

Для того, чтобы собрать участников обороны в Керчи, Борис Евгеньевич организовал такую акцию: он предложил членам Союза писателей Крыма, журналистам, поэтам и прозаикам опубликовать свои материалы в областной газете «Крымская правда», выступить на радио и телевидении, а гонорар отправить участникам обороны Аджимушкай. Литераторы откликнулись, и на собранные средства в Керчь смогли приехать бывшие воины-аджимушкайцы. Состоялась конференция, и по её материалам Серман написал книгу «В катакомбах Аджимушкай». Она выдержала четыре издания.

У меня в руках уникальная вещь, которую сохранила семья поэта. Рукописный дневник Бориса Евгеньевича, иллюстрированный фотографиями, письмами и газетными публикациями тридцатилетней давности. Датирован дневник февралём – июлем 1981 года. На обложке дневника стихи:

...Может быть сберегла нас победа,
Провела через сто смертей,
Чтоб солдатскую долю изведав,
Мы повели правду о ней...

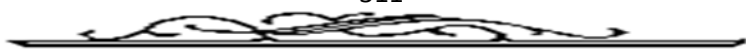

Каждая страница дневника возвращает меня в уже далёкое время. Мы все жили ожиданием спектакля. И вот по пьесе Бориса Сермана «Десятый круг» спектакль поставила труппа Крымского Украинского театра драмы и музыкальной комедии. В нём сошлись все музы. Прекрасной иллюстрацией подвига аджимушкайцев в этой постановке стали полотна художника-баталиста Николая Бута. Впоследствии он принесёт их в дар городу-герою Керчи. Кстати, в том, что городу было присвоено звание Героя, есть немалая заслуга и Бориса Сермана. Ведь всё началось с его поиска, с его творчества, воспевшего подвиг подземного гарнизона. В том числе и с цикла стихов об Аджимушкае. Помню, как тридцать лет назад впервые услышала их 9 мая. Читал стихи сам поэт. Они звучали на фоне кантаты, написанной композитором В. Успенским, а с трёх сторон города к обелиску Славы стекалась молодёжь с зажжёнными факелами.

Сегодня над каменоломнями возвышается памятник защитникам подземной крепости. Он – тоже следствие того, что открыл людям Борис Серман. И для того, чтобы это стало возможным, Борису Евгеньевичу пришлось потратить много сил, ведь партийные органы не давали разрешение на установку памятника. Чтобы это разрешение получить, пришлось обращаться в официальные организации Киева и в Москвы. Подвиг поэта, писателя и журналиста можно сравнить с подвигом самих героев Аджимушка. Они отдали свои жизни за Победу, а Борис Серман посвятил большую часть своего творчества этим героям и сделал их подвиг бессмертным.

Я делюсь воспоминаниями со своими друзьями по литературному объединению. И хотя зал полон народу, крымчан среди нас не так много. Разве что сама дочь Бори-

са Евгеньевича, поэт и переводчик Ирина Явчуновская, его сын Игорь, супруга Элиза Львовна, внуки и правнуки. Пришли на этот вечер и руководитель литературного объединения «Волны Кинерета» Любовь Знаковская, дочь художника Эмануила Грабовецкого, филолог Виктория Жукова. Художник Грабовецкий был близким другом Сермана, оформлял многие его книги.

Элиза Львовна – вдова поэта была верным спутником всей его жизни. Она с нежностью и любовью вспоминает годы совместного творчества, радости и... конечно же, тревоги. Потому что беспокойная душа поэта, его прямота и стремление помогать обиженным, оклеветанным, порой натывались на стену равнодушия, а часто и на гнев партийных боссов. Но писатель-гуманист всегда шёл до конца и добивался правды. Например, как поведала нам Виктория Жукова, Борис Евгеньевич спас от голода, клеветы и несправедливых обвинений жену Александра Грина, помог ей создать музей писателя в Крыму.

Неравнодушным и очень эмоциональным был рассказ Любове Знаковской о том, как вернул доброе имя человеку Борис Серман. Об этом он сам написал в книге «День встаёт для добра». Название очень точно определяет саму позицию автора, который всю жизнь спешил делать людям добро. В виде дневниковых записей он повествует о том, как шёл путём восстановления правды. Правды о том, как командир партизанского отряда в Крыму Николай Спаи был оклеветан, а потом замучен и казнён фашистами. Молва о том, что Н.Спаи – предатель и враг русского народа, жила более двадцати лет. Шаг за шагом Борис Евгеньевич уверенно продвигался к истине. И, в конце концов, ему удалось восстановить доброе имя человека и патриота, не выдавшего фашистам военную тайну и попла-

тисшегося за это жизнью.

Обо всех гражданских подвигах писателя-гуманиста просто не рассказать. Об этом говорят его книги, дневниковые записи, об этом помнят в дружной семье поэта. Стали взрослыми дети, подросли внуки, которых так любил и обожал Борис Евгеньевич, и которым посвятил немало своих стихов. Три поколения этой удивительной творческой семьи пришли на встречу-память. Кстати, обложку к новому изданию книги «Сквозь годы» оформил внук поэта Юрий Рапопорт.

На встрече прозвучали сермановские лирические стихи, стихи о Крыме, об Аджимушкае, о любви и о гражданском долге, об Израиле. А также строки авторов, которым Борис Евгеньевич проложил путь в мир поэзии.

Приведу коротенькое, всего в восемь строчек, стихотворение Бориса Сермана, которое по праву стоит в ряду лучших стихов о войне:

Пройдя все муки, все потери,
Все страхи адовых дорог,
Великий Данте Алигьери
Не знал тогда, он знать не мог,
Что круг разверзнется десятый,
Страшней тех страшных девяти,
Что долгу верные солдаты
И этот смогут круг пройти.

*Что верно, истинно – прими
и в сердце сохрани как память*

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

Транзитный автобус «Судак – Керчь» остановился на станции «Феодосия», и в нём для Софьи нашлось единственное свободное место.

Садитесь, пожалуйста, – предложила симпатичная широколистая дама, будто улыбающаяся узкими щёлочками глаз, и убрала с сидения свою сумку, – вместе веселее будет в пути.

У женщин всегда найдутся темы для общения. Гульнара оказалась весьма разговорчивой. Слово за слово – и тема коснулась детей.

– Когда-то, ещё до депортации, у нас был свой домик в Судакe. Вернулись через тридцать лет, а он, конечно, занят. Так мы с мужем и детьми выстроили себе новый дом. Теперь живём и радуемся, что снова на родной крымской земле. И, знаете, – она доверительно коснулась мягкой ладонью руки попутчицы, – мы всегда верили, что рано или поздно будем жить в своём Крыму. Потому все долгие годы, проведённые в Средней Азии, готовились к этому. И главным в нашей подготовке было, как вы думаете, что? Дать детям высшее образование. Старший защитил диплом инженера в Ташкенте, а двое младших окончили сельхозинститут уже в Симферополе. Вот и доченька, выпускница школы, тоже готовится в университет. Время теперь такое – Крыму нужны образованные люди... Гульнара говорила с лёгким акцентом, разбавляя речь такими знакомыми Софье крымско-татарскими словами...

И оттого Софья вдруг теряла смысловую нить рассказа, погружалась в воспоминания. Перед глазами вставали образы отца и матери, которые часто между собой говорили на родном крымчакском языке, так похожем на крымско-татарский. И воспоминания увели её в послевоенное детство. Вот она вместе с родителями, бабушкой и двумя младшими сестрёнками вернулась из эвакуации в родную, уже освобождённую Керчь. Из родственников – только семья отца, и то неполная. Крымчаков в городе не осталось – фашисты уничтожили. Крымские татары депортированы, и бабушке не с кем даже поговорить, ведь русского языка она почти не знает...

Другая картинка – шестидесятые годы. Отца разыскал его довоенный друг Рефат Измайлов, прислал письмо из Ташкента – в гости собирается. Папа рад этому, отправил другу приглашение. И вот уже Рефат Измайлович в их доме. Мама варит плов, жарит чебуреки, печёт кубетэ – их общие национальные блюда. Живая беседа, считай, на родном языке для каждого. А потом папа наигрывает на своей старенькой мандолине хайтарму, мама и Рефат Измайлович танцуют. Собрались соседи – любуются грациозным и плавным танцем. Веселье заканчивается, и гость рассказывает о том, как жил все эти послевоенные годы. Софья до сих пор помнит, как Рефат смахивал слезу со скуластого лица и говорил папе: «Знаешь, Исаак, всё хорошо у нас, ни в чём не нуждаемся. Мне, председателю колхоза-миллионера, как говорится, почёт и уважение. Живи и радуйся! Так нет же, снится Крым по ночам, мы так скучаем по запахам родной земли».

Ташкентский гость уехал. Теперь Софья и не знает, как сложилась судьба его семьи. Помнит, правда, что тёплая переписка двух друзей продолжалась много лет.

Давно это было... Ушло, как всё на свете уходит в прошлое. Лишь воспоминания остаются. И будто издавка вдруг проступил сладковатый, душистый запах урюка – настоящего, азиатского. Софья почти воочию увидела открытый фанерный почтовый ящичек, полный золотистых, словно янтарь, сушёных абрикосов. Кому-то из детей семейства они нужны были для лечения, и Рефат Измаилович прислал их по просьбе папы.

...Гульнара всё говорит и говорит, и Софья время от времени заставляет себя вернуться к общению.

– Вот, попробуйте, Софочка, в нашем саду растут, – она извлекает из корзинки краснобокое яблоко и протягивает его попутчице.

– Спасибо, дорогая, – Софья долго не отрывает взгляд от ароматного плода, – я вспомнила время, когда вашему народу разрешили вернуться в Крым и люди стали обжиться, заводить хозяйство. Так наша мама старалась покупать продукты у крымских татар. И дело было даже не в том, качественнее ли эти овощи, фрукты или молоко, чем у других продавцов рынка. Просто ей хотелось поговорить, пообщаться на родном языке. И это приносило радость и ей, и тем, у кого она покупала.

– Да, – Гульнара расправила вышитое полотенце, покрывающее корзинку с фруктами, и Софья заметила, как нервно задрожали её руки, – до войны в Крыму было много татар, крымчаков, караимов, греков, цыган. И все мы жили мирно, понимали друг друга и помогали, чем могли... Проклятая война! Она внесла раздор между народами. Согласитесь, в сложных, нечеловеческих условиях люди способны как на подвиги, так и на преступления. Но это ведь не значит, что за чьё-то предательство надо наказывать целые народы. Как много нас проживало на

этой земле! Как вековые деревья, корнями вросли в неё...

Софья слушала попутчицу и мысленно снова возвращалась в родительский дом, вспоминала слёзы мамы, оплакивающей своих родных, расстрелянных вместе с евреями в оккупированном фашистами Крыму. В народе сложились печальные крымчакские песни об этой трагедии. И хотя Софья не знала перевода (с детьми в семье говорили только по-русски), сердце её сжималось от обиды и жалости. Этими песнями папа оплакивал своего расстрелянного брата Анисима – соседка по дому сообщила в гестапо, что на чердаке прячут иудейского подростка.

А вот ещё одна картинка. Это уже не Керчь – город её детства и юности, а Феодосия, где она вышла замуж и где сложилась уже её семья. И те же шестидесятые годы, когда к её соседке Шамахапай приехали гости из Самарканда. Это были две сестры – крымские татарки. Одна из них, Сабира, во время оккупации Крыма немцами помогла спастись от расстрела и самой Шамах, и её десятилетней дочери Лее. Софья вспомнила, как соседка принимала своих дорогих гостей. Это был настоящий праздник всей улицы. Праздник с музыкой, танцами, национальными песнями, вкусным угощением. В дом заходили даже посторонние люди, чтобы посмотреть на женщину, которая рискуя жизнью, спасала мать с ребёнком.

Спустя много лет теперь уже 82-летняя Лея, израильянка, рассказывает, как познакомились её родители. Отец – еврей, прибывший в тридцатом году из Англии в Феодосийский порт, решил навсегда бросить здесь свой якорь. Потому что встретил необыкновенную девушку. Статная, чернобровая, полногрудая, с тугой косой ниже колен, она

очаровала моряка своей красотой. Влюблённые поженились, и от этой большой любви родилась сама Лея.

Когда город заняли немцы, отец ушёл в лес, к партизанам. А всех евреев и крымчаков погнали на расстрел. Полицай, сопровождавший колонну смертников, заметил, что женщина с девчонкой замедляют шаг. Это были Шамах и Лея. Он подтолкнул их прикладом: «А ну не отставать!». «Да мы соседей вышли проводить, – неожиданно для самой себя оправдалась Шамах». «Так нечего путаться здесь под ногами, – зло прогнусавил полицай и тем же прикладом отшвырнул их в сторону, – идите домой».

Это было первым чудом спасения. Шамах крепко держала Лею за руку и наставляла: «Кто бы о чём тебя ни спрашивал, не говори ни слова, будто немая. Поняла?». Лея согласно кивнула и замолчала на долгое-долгое время. А сама Шамах полностью перешла на крымчакский язык. У неё уже был свой план спасения. Она забежала домой, взяла два отреза атласной ткани, сантиметр для кройки (до войны обшивала крымских татарок, наряжая их в красивые юбки, блузки и жилеты) и когда совсем стемнело, садами и огородами стала пробираться на восток. Там, под Керчью, в основном и жили крымские татары – землю возделывали, сады выращивали, скот разводили. У дороги, на городской окраине её поджидал сосед Кальакай. Шамах знала, что этот татарин был равнодушен к ней, всегда оказывал знаки внимания. Понять его можно было – такой красавицей нельзя не любоваться. «Смотри, – сказал он ей, – если нужна будет помощь, постарайся найти меня в деревне Башкиргиз». Он и словом не обмолвился о том, что состоит в партизанском отряде.

Для гестаповцев Шамах придумала версию, что она татарка, школьная учительница, что муж её попал в плен

где-то под Керчью, и вот она его разыскивает. Шли от деревни к деревне, за ночь Шамах успевала сшить какой-нибудь татарке платье, покормить дочку и снова отправлялась в путь. Наконец, добрались до Башкиргиза. Стали искать пристанище. Одна татарка просто выгнала её, плотно захлопнув дверь, другая, извиняясь, побоялась впустить, ведь фашисты хозяйничают в деревне и если найдут пришлицу, то расстреляют всю семью. А третья – та самая Сабира, мать двоих детей, сказала: «Входите. Я никого не боюсь, мой муж на фронте, Родину защищает». Но не у всех такое доброе сердце, и через несколько дней женщину с ребёнком забрали в гестапо, а оттуда дорога одна... Сабира знала, к кому издалека шла беглянка, и разыскала Кальакая. В прошлом далеко небедный человек, он во время раскулачивания сумел спрятать свои драгоценности. И теперь, когда Шамах и её дочери нужна была его помощь, он достал из тайника золотые и серебряные украшения, собрал у соседей двадцать баранов и отнёс этот выкуп в гестапо. Он был рад помочь женщине, к которой столько лет испытывал нежные чувства. Её вместе с дочерью отпустили. И надо же было такому случиться, что за три дня до этого освобождения у Кальакая скончалась жена. Он отдал Шамах её документы. Теперь, с фамилией Урье, великолепно владеющую языком, её каждый признал бы крымской татаркой. Она заплетала себе двенадцать роскошных длинных косичек, одевалась в длинные пёстрые платья. Казалось бы, опасность миновала. Но беспокойство за жизнь матери и ребёнка не покидало Кальакая. И он вышел на связь со своим бывшим учителем, засланным партизанами на службу в полицейский участок. Каждый день этот связной посылал Шамах сигнал: забрасывал в хозяйский огород камешек, завёрнутый в бумагу,

с условным предупреждением. Однажды Шамах подняла такой камешек, развернула его и прочитала: «спасайся».

Но спастись не успела. В эту же ночь её увели на расстрел. Благо, что Лею соседи успели спрятать. Ещё мгновение – и роковой выстрел оборвал бы жизнь крымчачки. «Не стрелять, не стрелять!» – донеслось с дороги, над которой клубились вихри чёрной крымской земли. Словно богатырь на крепком скакуне, предстал перед палачами всадник. Это был Кальакай Урье. Он отдал им свои последние драгоценности, посадил на коня Шамах и увёз её к Сабире. Впервые за всё это время Лея крикнула: «Мама, мамочка!». Не помня себя от радости, она спрыгнула с чердака, где её прятали добрые люди.

Сколько жила на этом свете Шамах, столько и помнила людскую доброту, а обиды старалась не вспоминать. Внукам своим и правнукам, родившимся уже в Израиле, не переставала говорить: «Нет ничего дороже на этом свете, чем любовь и сострадание».

... Лея, кажется, закончила свой рассказ, а потом, будто вспомнив что-то очень важное, сказала: «Кальакай спас жизнь многим людям, а вот себя не уберёг. В сорок третьем добровольцем ушёл на фронт. Но когда депортировали крымских татар, его разжаловали из армии. По дороге в дальние края он умер от голода».

Мы уже распрощались с Леей, но тут она вспомнила ещё один эпизод: «Это мама разыскала нашу спасительницу. В Самарканде она жила. И, конечно, съездила туда. Зашла в редакцию областной газеты, рассказала историю нашего спасения, и вскоре появилась большая публикация. Газету с очерком и деньги, собранные родственниками и друзьями, Сабира и привезла нам в подарок. Это были тяжёлые шестидесятые годы, когда не было денег, чтобы

купить необходимое. А мы смогли, на зависть соседям, приобрести себе холодильник».

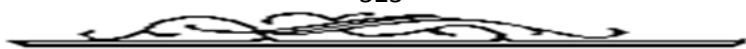
Мысль о том, чтобы рассказать о взаимоотношениях двух коренных народов Крыма у меня возникла совсем не случайно. Как-то один из моих друзей обронил такую фразу: «Помню, что у крымчаков были непростые отношения с татарами, но из биографии факт не выбросишь...». Признаюсь, меня озадачила эта фраза, ведь в моём сознании отложились несколько иные отношения между этими народами. Я вспомнила время, когда в наших семьях говорили на языке тюрков, ставшем основой для общения большой группы народов, населявших Крым с древних времён. На языке, который помогал развитию разных культур, национального и духовного самосознания, укреплял дружбу людей разных национальностей и этнических групп.

Восемь лет назад Крымское республиканское культурно-просветительское общество «Кърымчахлар» стало издавать свой одноимённый альманах. В пятом его номере опубликовано письмо человека, крымчака по национальности, которое сегодня хранится в фондах народного историко-этнографического музея крымчаков в Симферополе. В этом письме прослеживается жизнь человека, поневоле разделившего участь депортированного народа. В 1941 году молодой специалист Александр был направлен агрономом в село Албат Бахчисарайского района. А когда в декабре приехал в оккупированный немцами Симферополь, узнал, что родительский дом опечатан, а отца, мать и брата фашисты увезли вместе со всеми евреями и крымчаками. Понял, что все они расстреляны, и ему надо уходить из города. Заменив в военном билете свою фамилию татарской – Темиров, ночами пробирался в сторону Дон-

басса. В деревне «Старый Керменчик» ему помогли греки, с которыми вместе учился в техникуме. Они его одели, обули, кормили и прятали в надёжных местах, пока не нагрянула полицейская облава. И Александр Темиров был отправлен этапом в Мариупольское гетто. По дороге на расстрел ему удалось бежать и, спрятавшись за цыганской кибиткой, отсидеться до наступления темноты. Через неделю он оказался у деревни, неподалёку от Мелитополя. Услышав татарскую речь, обрадовался и заговорил с людьми на родном языке. Как ни странно, но попал Александр в семью полицаев, который устроил его на работу. Помогли крымские татары сохранить жизнь и семье родственника Александра, Анисима Пиастро. А сам Александр Темиров был призван в действующую армию. С боями дошёл до Днепра, был ранен и признан негодным к военной службе. А в сорок пятом его направили на восстановление сельского хозяйства. Но в военкомате сказали, что нет такой национальности «крымчак» и, сорвав с него погоны, как крымского татарина, отправили на спецпоселение на Урал. Так он стал бесправным человеком, разделив судьбу депортированного народа.

Можно много рассказывать подобных историй. Их не счесть. Но не могу удержаться и не вспомнить ещё хотя бы одну. Она тоже была опубликована в альманахе «Кърымчахлар», в шестом его номере. Зекие Темирова написала о судьбе своей бабушки, карасубазарской крымчачки Ольги Самойловны Кагъя. Влюбившись в крымского татарина Джемиля Темирова, Ольга вышла за него замуж. Родители невесты не благословили молодых на этот брак и на четверть века разорвали отношения с дочерью, хотя всё это время жили с ней по соседству. А когда родителей не стало, Ольга вновь сблизилась со своими

братьями и сёстрами. В сорок первом, пишет Зекие, трёх сестёр моей бабушки вместе с детьми немцы расстреляли. Крымчаков и евреев на казнь вели по улице Ананьевской. Бабушка стояла у ворот, не смея проявить эмоции, ведь соседи подтвердили, что она татарка. Ради детей, стиснув зубы, она молчала. Потом и имя поменяла – стала зваться Фатьмой. В эту тайну были посвящены все семеро её детей. Каждый день в течение четырёх лет оккупации Крыма она подвергала смертельной угрозе и себя, и детей. Переезжала с ними с места на место. И муж-татарин не в силах был помочь. А когда Крым освободили, началась депортация татар с полуострова. В дом явились уже советские военные. Председатель горсовета Шапиро долго отстаивал право семьи Темировых жить на своей родине. Не помогло. И тогда бабушке, как крымчачке, позволено было остаться в Крыму. Но одной, без детей и мужа. Такое предложение она не приняла и вместе со всеми татарами, болгарями, греками, армянами, проживавшими в Крыму, была выслана на Урал. Это был ещё один удар судьбы. Не вынес суровых условий и тяжёлой работы на лесоповале её муж Джемиль – умер. В конце пятидесятых не стало и самой Ольги-Фатьмы. Так ей больше и не суждено было увидеть Крым. А дети её, прожившие в Узбекистане тридцать лет, в конце восьмидесятых годов вернулись уже со своими детьми на родину предков.

Все подобные судьбы болью отдаются в сердцах тех, кто бережно хранит память о прошлом народов, пострадавших и в годы войны, и уже в послевоенное время. Экспозиции единственного в мире музея истории крымчаков, книги, буклеты, альманахи напоминают нам об этом прошлом и заставляют задуматься над тем, как важно народам жить в мире, согласии и взаимопонимании.

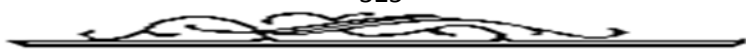

Работая над этим материалом, я беседовала с председателем Крымского республиканского общества «Кърымчах-лар» Дорой Пирковой и редактором альманаха Натальей Суминой, просматривала экспозиции народного музея крымчаков, которым заведует Нина Бакши. И всё больше убеждалась в том, что судьбы двух народов очень тесно переплелись. Кто-то пострадал от нацистов, кто-то от преступной политики своего же государства.

Сегодня два республиканских общества: крымско-татарское и крымчакское главным в своей работе считают взаимообогащение культур, решение общих проблем, всемерную поддержку малочисленного и, к сожалению, исчезающего народа, коим являются крымчаки. В Крыму, в разных его городах проходят дни национальных культур, праздники, ярмарки, семинары. Представители этих народов стараются решать свои проблемы и на уровне Организации Объединённых Наций. Например, юрист-международник, представитель ООН в Крыму Набир Бекиров рекомендовал крымчан для участия в заседании Рабочей группы 23 сессии ООН по проблемам коренных народов мира. В Женеву отправились представители от двух народов: от крымско-татарского – Гульнара Аббасова, от крымчакского – юрист Вячеслав Ломброзо. А вот преподаватель университета Гульнара Аблаева, у которой отец – крымский татарин, а мать – крымчачка, тоже побывала в Женеве на конференции по проблемам коренных народов мира. Выступала она там на французском языке.

Мне довелось присутствовать на творческом вечере крымчакского поэта Нины Бакши (Карасубазарской) и услышать её стихи в переводе поэта Ариффы Мухтаровой на азербайджанский. Недавно в Израиле побывала историк Айше Эмирова из Крыма. Она собирала материал для

своей диссертации. Тему о джонках (рукописных сборниках, в которых крымчаки записывали молитвы, сказания, знаковые семейные события) Айше выбрала сама и с интересом работала над ней и в Крыму, и в Израиле. Здесь она встречалась с профессором Давидом Бороховым, в семье которого такая джонка хранится как самая дорогая реликвия. Помощь в работе ей оказали и председатель крымчакской общины Израиля Михаил Измерли, и работники Иерусалимского музея. Можно привести много примеров взаимного обогащения наших культур. Ну, вот, например, совсем недавно в Крыму прошла презентация моей новой книги избранных произведений «Ось добра, пронзившая время». Редактором и составителем её были крымчаки: Наталья Сумина и Юрий Пурим, издателем – татарин Валерий Басыров, а саму презентацию, проходившую в Керченском Доме дружбы «Таврика» и в еврейском общинном центре «Хесед Малка», освещала в средствах массовой информации крымская татарка Зинуре Исмаилова. Кстати, издание этой книги стало возможным благодаря поддержке Республиканского комитета Крыма по делам межнациональных отношений и депортированных граждан.

Надеюсь, я развеяла мысли своего друга о «непростых отношениях» между нашими народами.

БРЕНД ЛОМБРОЗО

Сначала в этом заголовке июньской публикации газеты «Секрет» и сайта журнала ИСПАГЕО меня привлекла фамилия. Не удивительно, потому что теория знаменитого учёного, профессора психиатрии и криминальной антропологии Чезаре Ломброзо, который жил и творил в Италии в девятнадцатом веке, известна многим. А вот к слову «бренд» вернули заключительные строки описания жизненного и творческого пути Ч. Ломброзо. В них говорилось, что ныне в Израиле и в США живут потомки знаменитого еврейского учёного, причём, по российской ветви (прямые ли это потомки – не известно). Кто-то из них пошёл по научной стезе, а кто-то – по художественной. Видно, хорошее наследство досталось им от прославленного предка. И модное ныне слово «бренд», как, своего рода, марка, как принадлежность к чему-то успешному и продвинутому, и говорило о том, что потомкам известной фамилии есть чем гордиться. А далее следовало примечание редакции, мол, будем рады, если родственники Ломброзо выйдут на связь и расскажут о себе, о своих предках, о неисповедимых путях, по которым они попали в Россию.

Вот небольшая справка: история фамилии Ломброзо уходит корнями в далёкое прошлое. Так же, как и фамилии: Манто, Пиастро, Хондо, Анджело. Она итальянского

происхождения. В XIII – XIV веках и позже, спасаясь от погромов, инквизиции и других преследований, европейские евреи вынуждены были бежать в другие места, которые и стали их второй родиной. В частности – в Крым. Жили они здесь своей общиной компактно, сохраняя иудейскую веру. А вот язык, традиции, культуру и частично образ жизни приняли от крымских татар. Так с течением веков создавалась новая этнолингвистическая группа иудеев, которую евреи-ашкеназы стали называть крымчаками. Это название сохранилось на века. Среди крымчаков было немало представителей с фамилией Ломброзо. В годы фашистской оккупации Крыма геноциду подверглись не только евреи, но и малочисленная народность – крымчаки. Сегодня их потомков на полуострове совсем мало – около 200 человек. Многие эмигрировали в разные страны: в Америку, Австралию, Канаду, Германию... Но самая большая крымчакская община сегодня – в Израиле, где немало представителей фамилии Ломброзо. С некоторыми из них столкнула меня профессия журналиста.

В октябре 2010 года в Австрии на Международном форуме «Литературная Вена» я читала свой очерк «Книга чёрная – книга красная». А в нём был такой диалог:

– Бабушка, почему я никогда не слышала песен на этом непонятном языке?

– Потому что сейчас уже почти никому ни петь, ни говорить на нём. Люди, знавшие крымчакский язык, уходят...

– Расскажи мне о крымчаках.

– Расскажу обязательно. А сейчас – послушай вот это.

Открываю страницу в «Закладках», и Николь медленно, по слогам читает: «Крым-чак-ски-е пес-ни. Из Крас-ной кни-ги на-ро-дов».

– А что такое «Красная книга народов»?

– Это такая книга, в которую вписывают исчезающие народы.

– Куда же они исчезают? И зачем?

– О Катастрофе еврейства ты уже знаешь. Так вот, есть ещё и «Чёрная книга». Она хранится в нашем музее Яд ва-Шем, в Иерусалиме. В ней – документы, письма, фотографии евреев, которых уничтожили фашисты. И крымчаков постигла та же участь. Их и так было не много, а после войны осталось совсем мало. Вот почему этот народ стараются сохранить.

Нахожу в интернете статью юриста Вячеслава Ломброзо, иллюстрированную очень понятным для ребёнка рисунком.

– Взгляни, Николь, как бережно этот человек раскрыл зонтик над маленьким.

– Ну, да, он как будто защищает его от дождя или от снега...

– Правильно. А сейчас давай послушаем песни, которые поют сами крымчаки.

Нажатие «мышки» воспроизводит грустную «Сиротскую песню», которую доносят до нас голоса, увы, ушед-

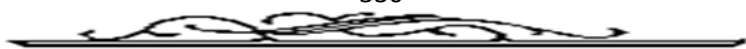

ших из жизни Симы и Михаила Ломброзо. Михаил был общительным, впрочем, как и все сапожники, человеком. Он играл на многих музыкальных инструментах, был душой любой компании. Соотечественники гордились им, ведь среди крымчаков, награждённых за боевые подвиги орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды, Славы, рядом с такими выдающимися людьми, как Яков Чапичёв, Илья Сельвинский, Семён Рафаилов и другими, была и его фамилия. Сын Михаила, Виктор, окончив культпросветучилище по классу кларнета и саксофона, стал преподавателем музыки. Но главным делом своей жизни он считал сохранение самобытной культуры крымчаков, был членом правления национального культурно-просветительского общества, а потом — и его председателем. Вместе с Давидом Реби, филологом и просветителем Виктор Ломброзо написал книгу «Крымчаки», в которой по крупицам собраны материалы о национальном фольклоре. К сожалению, уже нет среди нас Виктора. А всю многогранную работу общества «Кърымчахлар» теперь координирует Дора Пиркова — тоже представительница этой семьи Ломброзо. Но вернёмся на венский форум. После выступления ко мне подошла журналистка из Латвии Наталия Кетнере.

— Я мало что знаю о вашем народе, — сказала она. — Есть у меня добрая знакомая крымчачка Дора Ломброзо. Думаю, она была бы рада прочитать Вашу книгу.

Оставшийся единственный экземпляр с дарственной надписью я и передала для незнакомки.

Мы разъехались по своим странам, а недели через три на электронную почту пришло мне письмо. Писала Дора Ломброзо: «...Вашу книгу *«Как по линиям ладони...»* я

перечитываю уже в который раз! И омывается слезами моё сердце. Так же, как и Ваша Софийка – шестилетняя героиня повести, увидев маковую поляну, вспомнила бомбёжку и крики: «Красное! Уберите красное!» и потеряла сознание, так вот и я, стоя у рва, поросшего красными маками, будто уходящими куда-то в небо, тоже почти теряла сознание. Ведь в этом рве остались мои родные: бабушка, тётя, дядя и его русская жена с ещё не родившимся ребёнком. Всю жизнь мне хотелось передать эту боль в стихах, но так и не получилось. Вы передали эту боль в прозе. Низкий Вам поклон от меня и от всех тех, кто уже не прочтёт Ваших строк. Эти строки – как звонок из прошлого. Бог меня услышал. Кто знает, а вдруг Он поможет мне что-либо узнать о моих родственниках, уехавших в Израиль в восемнадцатом году. Ваша книга поселила в меня надежду, что если очень захотеть и молиться, то рухнут стены, и весточки от родных чудесным образом придут в мой дом».

Письмо это я прочитала участникам поминальной встречи в центре Израиля, в Нетании. Среди них оказалась жена двоюродного брата Доры Ломброзо, Елизавета Пейсах. Она вспомнила подробности о том, как вели на расстрел семью Доры, как прикладами подталкивали русскую беременную женщину, выдворяя её из общей колонны смертников. Но эта женщина не хотела жить без своей семьи и разделила тяжёлую участь со ставшими ей родными крымчаками.

Крымчаки могут бесконечно рассказывать удивитель-

ные, поразительные по своему трагизму, семейные истории. И эти истории переходят из поколения в поколение. Верно ведь говорят, что мир тесен. Постоянная участница встреч в память о расстрелянных крымчаках Марина Кадемя – из рода Ломброзо и Леви. Когда-то ещё её бабушка рассказывала, что после Октябрьского переворота родственники упомянутой мною Доры Ломброзо уехали в Израиль, а потом перебрались в Америку. И завязался узелок – может статься, что Интернет поможет хотя бы виртуально воссоединиться потерявшим друг друга семьям...

В 2009 году в Симферопольском издательстве «Доля» вышел в свет четвёртый выпуск научно-популярного литературно-художественного альманаха «Кърымчахлар». Одним из его авторов стала Сара Ломброзо. Она рассказала о почти забытой традиции своего народа – о том, как невесту готовили к свадьбе, как проходило само торжество, о том, как устраивался быт молодожёнов, об отношениях их с родителями, стариками... Вообще уже вышло семь номеров этого уникального по своему содержанию альманаха. Перечитываю порой эти книги и часто встречаю знакомую фамилию.

Подбирая материал к этой публикации, зашла в Интернет и посмотрела ролик выступления юриста Вячеслава Ломброзо на Международном семинаре в Симферополе, проводимом в поддержку малых коренных народов Крыма. Признаюсь, была удивлена его внешнему сходству с Чезаре Ломброзо. Поделилась мыслями с председателем крымчакской общины Израиля Михаилом Измерли.

– А чему ты удивляешься? – вопросом на вопрос ответил Михаил. Крымчаки, они ведь, если глубоко ис-

следовать, то все в какой-то степени родственники. Кто знает, может, корни далёких предков, да и самого Чезаре тоже, проросли и в наших с тобой семьях...

Он помолчал, а потом добавил:

– Вот хотя бы моя мама. Она ведь тоже в девичестве была Ломброзо...

Тепло мне как-то стало от этого. Риту Измерли (Ломброзо) я хорошо знала. Приближавшаяся к своему почти столетию, она сохраняла бодрость духа, часто вспоминала истории многолетней давности, рассказывала их своим детям и внукам, создавала прикладные картины и очень любила общаться с молодёжью.

– Вот, посмотри, – сказал мне Михаил и показал интересную фотографию. Его мама сидит рядом с нарядно одетой невестой в уединённой беседке. Похоже, объектив остановил мгновение раздумий. А я увидела, как, сделав свой привычный круг от восхода до заката, огненно-оранжевый солнечный диск медленно погружается в голубоватую дымку. Последние тёплые лучи на прощание обласкали верхушки деревьев, тронули крыши домов, скользнули сквозь прозрачные квадратики решётчатой парковой беседки.

«Ну, до завтра, милая, не грусти...», – словно прошептало солнышко и провело по щеке Риты тёплой ласковой ладонью, оставив свою золотистую отметину. Тишина. Покой. Умиротворение.

Рита любит провожать здесь прожитый день. Вот и сейчас, кажется, само Светило послало ей этот подарок. Для чего оно привело сюда невесту в закатный час? Может, совсем и не случайно... Может, она, Рита, должна сказать этой девушке, вступающей в новую жизнь, какие-то главные слова? О любви. О счастье. О семье. Как

объединить эти три понятия в одно? За свои долгие годы Рита повидала немало. Испытала любовь и ревность, верность и предательство в любви, чувство долга и прощения... Всякое было. Но вырастила двоих сыновей и дочь, отдав им много душевных сил, любви и тепла.

Да, так какими же будут эти главные слова? Что скажет она невесте, вступающей в семейную жизнь? Пожалуй, их никто и не знает... Каждому дано пройти свой путь, переживая и сюрпризы, и удары судьбы.

Мои размышления прервал Михаил:

– Ну, если тебе ещё нужны Ломброзо, могу подсказать адрес...

И вот я уже по скайпу разговариваю с Юрием Ломброзо из Соединённых Штатов Америки. Живёт он там со своей семьёй уже пятнадцать лет. На вопрос, нет ли в его роду потомков Чезаре Ломброзо, ответа не находит. Я так понимаю, что, скорее всего, просто не знает. В прошлом начальник механического, а потом и докового цехов Севастопольского судоремонтного завода, он вместе с супругой Леей (преподавателем музыки) живёт здесь спокойно, радуясь успехам детей, внуков и правнуков. Старшая дочь Ирина, как и её отец, выбрала специальность инженера-электрика, а младшая, Виктория пошла по стопам мамы, стала музыкантом. Высшее образование получают и внуки. Вот, например, Эми, студентка университета, готовит себя к профессии, связанной с генной инженерией. А впрочем, дедушка точно ещё не знает, может её выбор остановится на юриспруденции... Молодежь, она ведь всегда в поиске. Ну, а внук Илья весь в бабушку и в маму – тяготеет к музыке. Правда, пока не известно, на каком инструменте остановится – саксофоне, гитаре или фортепьяно... Но на

то и дана молодость – время определения жизненного пути, выбора профессии. И совсем неважно, каким будет этот выбор. Главное – оставаться человеком, сохраняющим добрые традиции своей семьи, своего рода, беречь честь своей фамилии. И если так случается, то фамилия и становится брендом.

Эту мысль я и хотела сделать завершающей в своих заметках. А потом решила заглянуть в словарь происхождения и значения фамилий. И вот что прочитала: *«Фамилия Ломброзо относится к типу не очень распространённой на территории России. В дошедших до наших дней старых материалах граждане с этой фамилией относились к высшему обществу из русского псковского дворянства в XVI-XVII веках, имевших существенную власть и почести. Первые свидетельства фамилии можно обнаружить в списке переписи населения Руси в период Ивана Грозного. У царя существовал определённый список знатных и лучших фамилий, которые вручались приближенным только в случае похвалы или поощрения. Поэтому указанная фамилия сохранила собственное первоначальное происхождение и является уникальной»*.

НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЕ...

В тот день от Нины Народицкой (Бакши) на электронную почту пришло сразу два письма. Обычно она не забрасывает меня чем попало. Поэтому когда я получаю на электронную почту её письма, их просматриваю первыми. Машинально, не читая название, открыла одно из них.

Из траурной рамки на меня глядели печальные глаза. Представляете, одни глаза в чёрной рамке. А над ней расположилось название: «Книга памяти, трагедии и печали крымчаков». Обложку иллюстрируют не рисунки, а фотографии-документы: немецкий солдат стреляет в спину женщине, прижавшей к груди совсем ещё маленькую девочку. Мгновение – и мать вместе с ребёнком окажется рядом с другими, ещё тёплыми трупами, устилающими политуую кровью степную крымскую землю. Мой взгляд вновь скользит по обложке и вновь встречается с плачущими глазами в чёрной рамке. Как похожи они на глаза моего отца. Он ушёл из жизни, когда мне самой было уже за сорок (примерно столько же лет прошло и после войны), но на протяжении этих лет он помнил трагедию крымчаков. Вот с такими же, как на обложке, полными слёз глазами, он часто вспоминал своего младшего брата Анисима, поплатившегося жизнью только за то, что принадлежал к роду иудеев.

Не скрою, дрожащей рукой я открыла первую страницу. Она начинается словами из песни неизвестного крымчаковского автора: «Не забывайте несчастный наш народ, погибший от рук солдат...». И как бы откликнувшись на зов народный, составитель книги москвич Борис

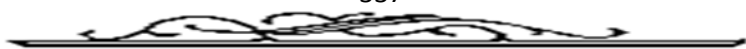

Николаевич Казаченко (Хондо) в своём предисловии обещает не забыть трагедию, постигшую крымчаков.

80 процентов этой этнолингвистической группы евреев была уничтожена в Крыму нацистами – расстреляна, замучена, удушена газом, отравлена... Не многим известно, например, что в керченской школе имени Короленко собирали учащихся (по специальному списку), якобы для продолжения занятий и угощения в честь прихода немецких войск. Детей вывезли за город и отравили специально приготовленными горячими пирожками и кофе. Самым маленьким, кому не хватило этого «угощения», палачи смазали губы сильнодействующим ядом. Старших школьников отдельно вывезли за город и расстреляли.

О трагедии народа уже написано немало, не одна и моя книжная история рассказывает о печальных событиях, и вряд ли надо здесь повторяться. Но что нужно сделать для того, чтобы не забыть эту страницу Холокоста, чтобы имя каждого, чью жизнь оборвала война, знали и помнили? Вот Б. Н. Казаченко и решил создать Книгу памяти, чтобы вписать в неё все имена. Для этого он использовал листы свидетельских показаний, хранящиеся в Израильском музее Яд ва-Шем, данные донесений из боевых частей о безвозвратных потерях в Вооруженных Силах СССР, Книгу памяти Украины. И не только. Он составил три вида анкет, которые с помощью интернетгруппы «Крымчаки, где вы?» быстро разошлись среди её участников. Помню, года полтора назад я тоже заполняла эти анкеты, вписывая данные всех моих ближайших родственников, которые погибли от рук нацистских палачей.

Я листаю страницы, на которых в алфавитном порядке имена, имена, имена... Без труда нахожу Анисима Яковлевича Бакши, папиного младшего брата, всех поимённо из

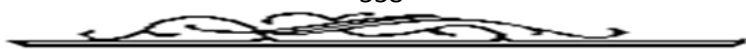

маминого рода Мангупли (её родителей Абрама и Бас-Шеву, сестёр Ану и Клару, племянников Михаила и Захара)... Всех и не перечислить – мама одна осталась в живых.

Представляю, сколько сил потратил на воплощение своей идеи Б.Н.Казаченко. Вот что он сам пишет об этом: «Надо сказать, что работа над поимённым Списком погибших крымчаков давалась мне с огромным трудом. Она отнимала много сил: как душевных, так и физических. Было страшно и больно прикасаться к прошлому... Мне приходилось как будто бы снова и снова проживать жизнь каждого невинно убиенного. В итоге получилась страшная и удручающая картина – деморализующий Список, подавляющий своей безысходной всеохватностью...»

В этом списке более тысячи имён. За каждым именем целый мир. Мир несбывшихся надежд, несостоявшихся жизней, оборванных так жестоко. И остались только память и имена, имена... Известно, что крымчаки до войны в основном проживали в Крыму, как правило, компактно. Семьи редко разделялись. Вот и Книга памяти свидетельствует об этом. Одних только убитых с фамилией Анджело, проживавших в Симферополе и Феодосии, около тридцати, Ачкинази из тех же мест – около пятидесяти, Бакши (Керчь, Феодосия, Симферополь) – более ста, Бороховы – все в основном из Керчи, Мангупли – из Симферополя... Так что палачам удобно было на корню уничтожать весь род, чтобы не было его продолжения.

Но народ, пусть и в своей малой численности, чудом уцелел. Кто-то успел эвакуироваться, кого-то спасли от палачей добрые люди, рисковавшие своими жизнями, а кто-то вернулся с войны, не найдя ни своего дома, ни своей семьи.

Целых три поколения крымчаков выросло с тех пор. Мало их сегодня проживает в Крыму – разъехались по странам и континентам. Как утверждает статистика, для большинства из них родным домом стал Израиль. Крымчакская община Израиля многое делает для того, чтобы в группе «Крымчаки, где вы?» люди находили своих родственников, делились старыми фотографиями, письмами и воспоминаниями.

Итак, Книга памяти – в Интернете. Ещё не названы все имена людей, сгоревших в огне Холокоста. В конце этой печальной повести даётся адрес, по которому можно присылать информацию о погибших... Точнее – нужно присылать. Пока ещё есть кому вспомнить о жертвах.

РАЗВОРАЧИВАЯ СВИТКИ ИЗ ПЕПЛА

Порой удивительное происходит в нашей жизни... Неожиданно прошлое прилетает к нам испуганной птицей. Мечется, бьётся ранеными крыльями, кричит. Как будто о помощи просит. А потом, словно вырвавшись из неволи, улетает, оставляя нам свою боль...

Эту боль каждый из нас чувствовал, как свою. Наверное, потому, что эта боль близкого и дорогого нам человека.

В тот вечер Тамара сидела рядом с нами, своими друзьями-литераторами, но мыслями и чувствами была совсем в другом времени – в том, которое высвечивал телеэкран. Мы смотрели документальный фильм дважды лауреата кинопремии «Ника», обладателя Приза Британской академии кино и телевидения, режиссёра Евгения Цымбала «Дневник из сожжённого гетто».

Фильм сделан по книге Виктора Лазерсона и Тамары Лазерсон-Ростовской «Записки Каунасского гетто». В основу книги лёг дневник, который Тамара почти три года вела в гетто. А дневник, который вёл брат Тамары, Виктор, сохранился не полностью. И в книге приведены лишь некоторые сохранившиеся страницы. Кроме дневниковых записей, в неё вошли очерки и стихи Тамары и Виктора. Это – книга-документ. В ней отображены подлинные события, которые происходили с литовской школьницей Тамарой Лазерсон и её семьёй на протяжении трёх военных лет. Книга вышла в Москве к 70-летию начала Великой Отечественной войны в издательстве «Время», первой в

новой серии «Свитки из пепла».

Составитель и редактор книги, он же и автор вступительной статьи и эпилога, – историк, географ и филолог, профессор Российской Академии Наук Павел Полян. Это ему принадлежит идея создания книжной серии «Свитки из пепла. Документы о Катастрофе». Почему «Свитки из пепла»?

В своей книге «Записки, найденные в пепле возле печей Освенцима» Павел Полян рассказывает о посланиях потомкам одного из членов «зондеркомандо» в Аушвице-Биркенау – главном месте уничтожения евреев – Залмана Градовского, погибшего 7 октября 1944 года во время восстания узников. Записки эти были обнаружены в самом конце войны возле крематория, где работал их автор. Свои послания, свёрнутые свитками и запечатанные в бутылки, он зарывал в пепле...

Вместе с Тамарой мы бережно перелистываем ветхие страницы её дневника семидесятилетней давности. Написаны они на литовском языке. Среди текстов встречаются рисунки, сделанные Тамарой, которые сегодня мы воспринимаем как иллюстрацию её тогдашних мыслей и чувств. Вот незамысловатый рисунок – ворота гетто с пояснением: «Мы – в неволе». Вот шестиконечная звезда, а рядом крупными буквами слово «НАДЕЖДА». А на этом рисунке мы видим знакомый флаг Израиля. Только на нём красный штришок – Тамара мечтала о симбиозе сионизма и социализма. На одной из страниц читаем «Атикву» – гимн страны. Страны, в которой, спустя годы, Тамара обретёт свою настоящую Родину. В гетто Тамара начала учить иврит. И неважно, что в каждом слове, как она сама говорит, было по две ошибки, главное, что она надеялась, верила в свою мечту и в спасение. Вот старательно выве-

денное на иврите: «хаим» (жизнь)...

По иронии судьбы, именно пребывание в гетто пробудило в сознании девочки её национальную гордость и приобщило к идеям сионизма.

С самого рождения в семье она слышала только русскую и литовскую речь, училась в литовской школе и потому литовский язык всегда считала своим родным. Но многие литовцы, с которыми она долгие годы жила рядом, оказались заодно с фашистами и ещё до прихода гитлеровцев начали активно уничтожать евреев. Тамара и её друзья в гетто перестали говорить на литовском. И тогда девочка выучила идиш. Позже ей скажут: «У тебя — прекрасный немецкий». А теперь она с грустной улыбкой признаётся: «У меня прекрасный идиш. А идишу научил меня Гитлер...».

Как спаслась еврейская девочка с голубыми глазами — это отдельная история. В огне Холокоста сгорели её родители и старший брат. Из троих детей спаслись двое — Виктор и Тамара.. Вообще мало кому из литовских евреев удалось выжить в Катастрофе. Презентация книги «Записки из Каунасского гетто» состоялась в Москве в день 70-летия начала Великой Отечественной войны. 82-летняя Тамара не смогла поехать в Москву. Но она участвовала в презентации с помощью видеомоста. Читала свои стихи, благодарила Российский еврейский конгресс за интерес к её судьбе.

...Уютная гостиная Тамары, увешанная её авторскими картинками, едва вместила всех друзей. За празднично накрытым столом мы общались, слушали Тамарины стихи и её неспешный рассказ о прошлом и искренне радовались, что живём рядом с таким удивительным человеком.

ГОРДЫЙ СВЕТО ОРДЕНОВ

Человеку не дано прожить дважды, как не дано повториться дню, часу, минуте... Но у творческого человека есть счастливая возможность. Актёр, к примеру, проживает десятки, а то и сотни жизней сценических или экранных героев, пропуская через сердце всё, что они чувствуют. Но ещё теснее сливается со своим героем писатель. Поднимая из глубин памяти прошлое, автор переплавляет его в строки. И как бы примеряя на себя чужую жизнь, проживает её параллельно со своей.

Сколько таких, пропущенных через кровь и нервы, судеб приняла на себя поэт и прозаик Любовь Знаковская, трудно пересчитать. Она – автор нескольких книг, из которых мы узнаём об удивительных людях Крыма, где долгие годы жила она сама; о том, каким тяжёлым катком прошла война по поколению людей, чьё детство пришлось на страшные сороковые годы.

И вот у меня в руках новая книга члена Союза русскоязычных писателей Израиля Л. Знаковской «Подвиг ветеранов». Эта книга уникальна. Потому что в одной – как бы сразу две. Написанная на русском языке, она переведена на иврит. Автор перевода – тоже известный поэт и переводчик Ирина Явчуновская. Её по праву можно назвать и соавтором, потому что, не прочувствовав всей душой текст, не поняв до конца героя очерка, невозможно передать все нюансы его переживаний, воспроизвести этапы жизненного пути. Ирина же сделала это великолепно.

Итак, «Подвиг ветеранов». Привычное для слуха сочетание слов. И в самом деле, как много рассказано и написано о подвигах участников Великой Отечественной! Но как мало порой мы знаем о тех, кто живёт рядом с нами. Например, в небольшом, богатом своей библейской историей, городе Тверия. Мы часто встречаем на его улицах этих пожилых людей, для которых Израиль стал второй Родиной, и не подозреваем о том, что, возможно, именно им обязаны своей жизнью.

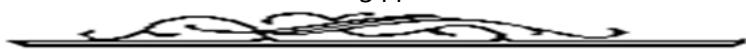
Любовь Знаковская нашла всех и в своих очерках и новеллах поведала нам об удивительных судьбах этих людей.

– Сорок девять человек. Это и те, кто воевал на фронтах, и те, кто пережил ужасы гетто, оккупации, эвакуации, и те, кого мы сегодня называем: «дети войны», – делится Люба. – И потому со слезами радости и гордости я писала эту книгу. Каждый из моих героев стал мне так близок, что, наверное, в сердце моём теперь будет жить столько времени, сколько отмерено и мне самой.

– Видимо, не случайно книга увидела свет в преддверии печально известной даты – шестидесятилетия начала Великой Отечественной войны, – спрашиваю Любу, – так было задумано?

– Мысль рассказать обо всех наших ветеранах в одной книге я вынашивала давно. Но осуществить её мы смогли только благодаря поддержке муниципалитета Тверии, отделений Министерства абсорбции Хайфы и Северного округа. Я просто счастлива, что презентация нашей с Ириной книги проходит именно в эти памятные дни. Посмотрите на лица самих ветеранов. Сколько радости в их глазах...

– Это нетрудно заметить. Чувствуется, что ветеранов

пригласили не просто на презентацию, как таковую. Они – герои книги, но сошедшие с её страниц уже не молодыми, бойкими, красивыми и отважными, а убелёнными сединами мужчинами и женщинами. Блеск их орденов и медалей как будто придаёт всем нам света...

– Да, посмотрите на них. – Любовь Знаковская подводит меня к гостям и знакомит с каждым персонально. – Вот наш трижды рождённый в боях Роман Глюк, вот снайпер Яков Райхман, санинструктор из Крыма Розалия Штрафун, военврач Луиза Удлер... А знаете, вот этот бывший морской пехотинец Маркс Зейгельшифер своими глазами видел все ужасы лагерной смерти. Лидия Винокурова спасла во время войны столько раненых, что и не сосчитать. Вот наш уважаемый ветеран трёх армий Валентин Рабинович...

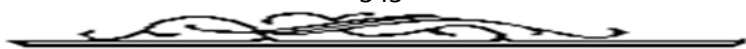
Своё отношение к этим людям автор книги выразила не только прозой. Ёмкой стихотворной строкой она сказала: «Гордый свет орденов прикрывает сердечные раны и никак не даёт о войне этой страшной забыть...».

Герои книги «Подвиг ветеранов» защищали Сталинград, форсировали Днепр и Вислу, ценою тяжких потерь освобождали Освенцим и Майданек, брали Рейхстаг и расписывались на его стенах...

Трогательный рассказ о ветеранах продолжили песнями военных лет участники хорового коллектива «Тибериус», которым руководит Елена Сухенькая.

Презентация стала настоящим праздником не только для тех, о ком поведали страницы книги, но и для их родных и близких.

– Я рада, – сказала переводчик Ирина Явчуновская, – что внуки ветеранов, многие из которых родились уже в Израиле и для которых иврит стал родным языком, смогут

читать эту книгу. И будут знать подлинную историю Холокоста. Знать, чтобы противостоять тем, кто её отрицает.

ЖИВАЯ ЛЕТОПИСЬ ВОСПОМИНАНИЙ

Ещё за тридцать лет до своей недавней кончины всемирно известный писатель Борис Стругацкий в эссе «Больной вопрос» написал: *«Я, между прочим, и до сих пор не знаю, что это всё-таки значит – «чувствовать себя евреем». У меня сложилось определённое впечатление (в том числе и из разговоров со многими евреями), что «чувствовать себя евреем» – значит: жить в ожидании, что тебя в любой момент могут оскорбить и унижить без всякой на то причины или повода. Я не знаю также, и что значит «чувствовать себя русским». Иногда мне кажется, это означает просто радоваться при мысли, что ты не еврей».*

Признаюсь, что-то похожее я испытывала на своей первой родине, когда, касаясь темы национальных ощущений, говорила, что я – крымчачка. Так было написано и в моём паспорте. И это согревало. Даже радовало – всё-таки не еврейка. А вот душа? Что творилось с ней?..

Примерно на такой же вопрос недавно мне пришлось ответить в интервью уже здесь, на моей второй родине. И я сказала, что теперь счастлива, что мне никто уже не скажет, мол, езжай в свой Израиль. Здесь я обрела душевное равновесие, уверенность, истинное национальное самосознание.

С кем бы из своих соплеменников-крымчаков, этой этнолингвистической группы евреев, которую гитлеровцы пытались уничтожить на корню, я ни говорила, каждый делился чувствами, так схожими с моими. Было это в Нета-

нии, на традиционной встрече крымчаков. Многие знают об этих ежегодных встречах памяти, на которые съезжаются израильтяне – выходцы из разных стран. Большая их часть – из Украины, из тех мест, что отмечены на карте Крыма такими древними городами, как Керчь, Симферополь, Феодосия, Евпатория, Бахчисарай, Карасубазар (Белогорск). Именно в Крыму на протяжении многих столетий компактно жили крымчаки и именно там в 1941 году фашисты истребили крымчаков и евреев – мирных жителей, исповедовавших иудаизм.

Очевидцев тех злодеяний теперь уже почти не осталось, но есть их дети, которые из уст в уста передают своим детям и внукам то, что было пережито старшим поколением. И на встречах (тъкунах) мы слышим истории, что сходят со страниц воспоминаний. Так из года в год и ведётся эта живая летопись, которая берёт своё начало в декабре 1941 года.

Мы только мысленно можем побывать у крымских противотанковых рвов, где расстреливали наших родных, у захоронений на полях памяти, куда ежегодно 11 декабря приходят люди, чтобы отметить эту печальную дату. А ещё – прочитать заметки крымской журналистки **Наталии Суминой**: *«По Крыму существует около 70 захоронений, относящихся к годам Второй мировой. Всего в годы войны в Крыму погибло около 40 тыс. евреев, включая 6 тыс. крымчаков. На месте массовой гибели ни в чем не повинных людей создан мемориал... Митинг начался с чтения молитв. На нем выступили председатель еврейской общины Александр Глубочанский, родные которого, в том числе и отец, погибли во время войны, заместитель председателя меджлиса Рефат Чубаров, член правления общества «Кърымчахлар» Ар-*

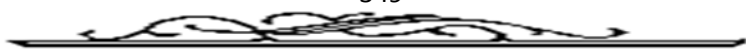

кадий Ачкинази и другие. В митинге приняли участие представители Верховного Совета автономии, руководители и члены национальных общин, духовенства, в том числе митрополит Симферопольский и Крымский Владыка Лазарь, первый секретарь посольства Государства Израиль Юлия Дорнер, а также представители средств массовой информации. По окончании траурного мероприятия на «Поле Памяти» члены общества «Кърымчахлар» отправились на место сбора крымчаков и евреев на расстрел в 1941 г., на ул. Студенческую. А затем был проведён традиционный ткъун, на котором выступили очевидцы событий 71-летней давности, бывшие в оккупации».

Не так уж и много осталось тех, кто пережил то страшное время, кто может донести до нас картины прошлого. Марина Рабино (Галач) долго жила в неведении того, что выпало на долю её отца во время войны. А он щадил своих детей и только в последние годы жизни поведал о том, какие страдания принесло ему военное лихолетье.

– Мой дед был узником гетто, – рассказала Марина, – моя тётя Шура Мизрахи прошла всю войну, в составе 51-й Армии освобождала Новороссийск, другая тётя, Мария Маркова, была лейтенантом медицинской службы... Обе недавно ушли из жизни. Вся моя семья живёт в Израиле, и я счастлива, что мы уже корнями вросли в эту землю. И корни эти будут нас крепко держать на ней. Только бы мир был...

Боевые подвиги Рафаила Ачкинадзе, приехавшего из Кирьят-Бялика, отмечены многими наградами. Будучи 16-летним парнишкой, он вместе со своим старшим братом

служил на военном корабле «Львов» и участвовал в боевых сражениях. Его двое детей, шестеро внуков и девять правнуков могут гордиться своим отцом, дедом и прадедом. За столом, рядом с Рафаилом Ароновичем – его зять Ефим Гутман. Кстати, земляк мой. Репатриировался в Израиль из Керчи. Война и Холокост для него – это всего лишь история. И знает он её по учебникам, книгам и кинофильмам. Но есть ещё и живая история, та, что передаётся крымчаками из поколения в поколение.

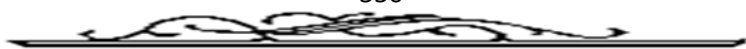
Жила в Керчи всеми почитаемая крымчачка по имени Эстер. Она многое знала и многое умела. Шли к ней, чтобы избавила ребёнка от заикания или от хвори, чтобы на судьбу погадала, совет дала в трудной ситуации. Знала эта женщина, в каких семьях подрастают женихи и невесты, и слыла умелой свахой. А если уж умирал кто-то из крымчаков, то ни один печальный обряд не обходился без Эстер. То ли потому, что в семье своей она была старшей дочерью, то ли потому, что в своём кругу была как бы над всеми, – звали её Балабан-Эстер. «Балабан» – значит «большая» (крымч.). А сама история, которую рассказал Ефим, относится к концу 1941 года:

– Керчь оккупирована немцами. Уже уничтожены почти все евреи, не успевшие эвакуироваться. В городе развешены листовки с Указом немецкого командования, обязывающим всех крымчаков явиться 3 января 1942 года на место сбора. Люди, оставшиеся в ловушке, – в панике, расстрел неминуем.

... Балабан-Эстер разложила колоду изрядно потёртых карт.

– Успокойтесь, дети мои, – сказала она пришедшим за помощью. – Расстрела не будет.

«Это невероятно, – изумились крымчаки, – кто может

остановить кровавую акцию?». И отправились они тогда к знакомому равнину. А тот успокоил, мол, если Балабан-Эстер сказала, то так тому и быть. Спасение, слава Творцу, обязательно придёт. Он вознёс руки к небу и прочитал молитву...

И спасение действительно пришло. 25 декабря 1941 года началась Керченско-Феодосийская десантная операция. Войска Закавказского (в период боёв – уже Кавказского) фронта, морские пехотинцы Черноморского флота и Азовской военной флотилии высадились на керченский берег. И ко 2 января 1942 года они очистили город от оккупантов. Крымчаки были спасены.

Но у этой истории есть ещё предыстория. Вещунья Балабан-Эстер не могла знать, какое именно чудо произойдёт и что отодвинет дату расстрела крымчаков перед десантной операцией.

О самом этом чуде рассказал участникам тькуна Александр Борохов, врач-психиатр из Иерусалима:

– Все знают о знаменитом «Списке Шиндлера». Не умоляя его подвиг, скажу, что немецкий промышленник и коммерсант Оскар Шиндлер, спасший от истребления 1200 евреев, получил немалые дивиденды, взяв спасённых людей к себе на работу. Но мало ещё кто знает о тех, кто, рискуя собственной жизнью, спасал евреев и крымчаков. Прежде, чем рассказать о том, почему был отсрочен расстрел крымчаков в Керчи, а стало быть, и в других городах Крыма, напомним, как керченский врач Филипенко, русский по национальности, явился в немецкую комендатуру в форме белого офицера и сказал, что в городе начинается эпидемия холеры. И потому всех врачей-евреев (а они уже были на пункте сбора для расстрела) надо немедленно отпустить на борьбу с этой эпидемией. Немцы

испугались и отпустили десять человек, которые, в результате, избежали смерти. Замечу, что с приходом Красной Армии сам Филиппенко был расстрелян. Ну, а теперь о четырёх крымчаках, которые, предпринимая свою акцию, тоже рисковали собственными жизнями.

О том, что вслед за евреями готовится уничтожение крымчаков и уже ведётся их перепись, догадаться было нетрудно. И вот в конце ноября сорок первого года пятеро просвещённых керчан: Кая, Валит, Мизрахи, Токатлы и мой дед Захарий Борохов (двое из них владели немецким языком), пришли в комендатуру и принесли сфабрикованные документы, подтверждающие, что, якобы, крымчаки – ну, не совсем евреи. Со свойственной немцам педантичностью, фашисты отправили документы своему руководству и приостановили кровавую акцию до особого разрешения. Время было выиграно и произошло то, что произошло – подоспел десант. Пятьсот человек смогли немедленно эвакуироваться. Кто-то из них сегодня присутствует в этом зале...

– Пятьсот человек! – заметил председатель общины Израиля Михаил Измерли. – Интересное совпадение: сегодня наша группа «Крымчаки, где вы?» на «Одноклассниках» насчитывает тоже пятьсот человек... И спасибо известной в наших кругах, и не только в наших, династии Бороховых за то, что и сегодня её представители с нами.

Да, династия, которая ведёт своё начало с девятнадцатого столетия, всегда была со своим народом. Прапрадед Александра Яков-Барух Борохов ещё в 1818 году писал письмо русскому царю Александру I о бедственном положении крымчаков. Это письмо и поныне хранится в библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге. Ходатайство Якова-Баруха тогда возымело действие.

Царь пошёл навстречу и помог крымчакам.

Из поколения в поколение династия Бороховых оставляет добрый след в истории народа. О сыне Яакова, Захарии, упомянуто здесь лишь вскользь. Его сын, доктор медицинских наук, профессор Давид Борохов бережно хранит бесценный архив отца. Это и родословная семьи, и документы переписи крымчаков Керчи (её проводил сам Захарий Яковлевич), которые старались скрывать свою национальную принадлежность из-за дискриминации. Это и воспоминания о времени оккупации в городе, дважды побывавшем в руках фашистов. После войны Захарий, рискуя свободой, сумел переслать свои воспоминания в Израиль.

– Кто знает, чей портрет украшает нашу купюру в сто шекелей? – спросил собравшихся Давид Борохов и после небольшой паузы сказал, – Это портрет крупного учёного, второго президента Израиля Бен Цви. Он – автор книги «Изгнанники Израиля», в которой помещены и воспоминания моего отца. Интересная деталь: свою книгу автор заканчивает мыслью о том, что после всех потерь крымчаки соберутся на Святой Земле. И мы с вами – подтверждение этому предсказанию. Да, война разбросала наш народ не только по всему бывшему Советскому Союзу, но и по разным странам и континентам. Мы вспоминаем прошлое, говорим о будущем. Но многое из того, чем жил наш народ, забывается. Кто, например, помнит крымчацкие пословицы и поговорки? Я не могу говорить на языке наших отцов и дедов. По-русски одна из наших поговорок звучит так: «Каждый птенец делает то, что видит в своём гнезде». И то, что сегодня на эту встречу памяти приехали не только мы, дети войны, но и уже наши дети и внуки, подтверждает эту истину. Я смотрю на свою один-

надцилетнюю внучку Ошрит Борохову, на её ровесниц Николь Вайнер из Хайфы и Ребекку Шолом из Бат-Яма и думаю о том, что цепочка памяти продолжается, что звенья этой цепочки крепки и надёжны, что вот такие встречи – это очень важные моменты в биографии наших внуков.

На встрече этой дети впервые услышали о подвигах крымчаков на войне, в тылу врага и уже в послевоенное время, о том, как через всю жизнь пронесли они честь своей фамилии. Владимир Клячкин из Кирьят Ата рассказал о своём тесте Моисее Кокозе, военном нейрохирурге, спасшем более 1200 раненых солдат и офицеров. Моисей гордился своей принадлежностью к роду Ходжи Бикеш Кёккёза, торгового и дипломатического посредника между царём Иваном III Васильевичем и крымским ханом Менгли-Гиреем. Ходжа и Моисей пришли в эту жизнь с разницей во времени в пятьсот лет. Но если прочитать книгу «Хождение за три моря» и жизнеописание военных и ратных подвигов нашего современника Моисея Кокоза, то можно увидеть, как много общего было между этими людьми, носившими одну фамилию...

Обычно, когда крымчаки собираются вместе, чтобы вспомнить о прошлом и пообщаться, то журналист может вообще не задавать никаких вопросов – информация идёт, что называется, от самих сердец, от той боли утрат, от той благодарности людям, которые, не боясь наказаний смертью, приходили на помощь обречённым.

– Я хочу рассказать...

Марина Кадемья (Леви) доносит до нас историю, связанную с документом (его подлинник хранится в Украинском Государственном Архиве), датированным 11 декабря 1941 года, – временем, когда готовился расстрел крымчаков в Феодосии. Это список шапочников, перчаточников,

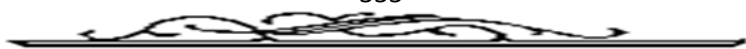

жестянщиков, клёповщиков. Все они названы по фамилиям и именам с указанием домашних адресов. Список подписан бургомистром Феодосии Андриевским (он был партизаном и работал в немецкой полиции). «Городское управление, – гласит текст, – просит Вас не распространять на нижеупомянутых лиц приказ от 10 декабря о явке нижеследующих крымчаков на Сенную площадь. Эти лица являются ремесленниками и необходимы городу».

– В списке этом, – рассказывает Марина, – под седьмым номером стоит фамилия моего деда Меера Леви. Вместе с несколькими, названными в списке крымчаками, он сумел тайно бежать из города вместе со своей семьёй. Так остался жив и мой отец. И я, родившаяся уже после войны, обязана этим рождением человеку, рисковавшему своей жизнью ради спасения крымчаков.

Племянник Марины, Олег Минич, студент Хайфского университета, отделения еврейской философии, – один из второго послевоенного поколения семьи Леви. Несколько лет назад он впервые приехал на тькун, послушал удивительные истории и с тех пор не просто рассказывает школьникам о малочисленном народе (он работает воспитателем в тихоне Молодёжной деревни на Кармеле), но и серьёзно занимается исследовательской работой. Собирает любые источники, содержащие древние молитвы, которые читали когда-то крымчаки в синагогах. Сегодня его лекция совсем небольшая, но он очень дорожит ею. Например, книгой, изданной 114 лет назад. В ней собраны песни, которые пели после субботних и праздничных молитв. Или книгой пасхальной агады, в которой приведён текст и на иврите, и несколько видоизменённый, со своеобразным крымчацким произношением. Издана эта книга в первом десятилетии двадцатого века.

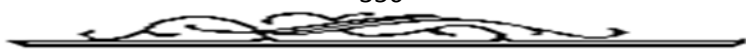

Недавно Олег побывал в Симферополе. В народном музее Крымского республиканского культурно-просветительского общества он увидел триптих работы художника Ильи Борохова с отображением фрагментов, связанных с культурой, бытом, традициями и обрядами крымчаков. Внимание привлёк сюжет, в котором над женихом и невестой, перед тем, как им войти в хупу, совершается обряд отпущения грехов. Это заинтересовало Олега. Он знал, что такой же обряд четырёхста лет назад над новобрачными совершали каббалисты в Цфате. И задался Олег вопросом: каким образом этот обряд со Святой Земли попал в Крым? А, может, всё как раз и наоборот?..

– Исследовательская работа – дело тонкое. Она может длиться годами, десятилетиями, – поделился Олег, – и без помощи тут не обойтись. Надеюсь на поддержку.

Особый колорит встрече придал фотомонтаж, с любовью сделанный Михаилом Измерли. Михаил использовал фотографии крымчаков, которые в разные годы жили в Америке, в бывшем Советском Союзе и в других странах, и которые мечтали обрести родину в Израиле, да так и не смогли осуществить свою мечту. И теперь, пусть и символически, все они встретились на Святой Земле.

– Думаю, выражу общее мнение, – сказала Елизавета Пейсах (Бакши) из Беэр-Шевы, – что этими нашими встречами мы обязаны очень инициативному, широкой души человеку, председателю общины Михаилу Измерли. Его стараниями мы поддерживаем связь друг с другом, сохраняем свои национальные традиции.

СОДЕРЖАНИЕ

М.Симкина «...А Муза – тот, о ком пишу».....	3
Душа – что птица на ладони, ты не вспугни её, пойми...	
Притяжение.....	16
Дорогой Гиппократ и Орфея.....	25
«Мой сад камней разбросан на песке».....	39
«У поэта странная ментальность».....	48
«Там, где нас нет».....	57
«Берёзки, не надо печали сердечной».....	66
Когда душа поёт	79
Проникновение в запредельное.....	86
И чистыми руками.....	95
В мире неразгаданных теней.....	106
Объяв весь шар земной.....	118
От корней до кроны.....	127
Музыку пишу для вас.....	137
«Я не выбран, но я – судья».....	147
«Моя вчерашняя душа».....	157
Магия слова, магия кисти – ты чародейство и волшебство	
И позвала строка поэта.....	166
«Восход рисует вновь Иерусалим».....	172
«А Вена кружилась и пела».....	180
Очей и душ очарование.....	187
Магия слова, а может, камня.....	199
«Хайфские встречи» – сердечные встречи.....	210
Страница Зазеркалья.....	216
«...Как пламя по холсту».....	225

Из прошлого в сегодня возвратясь, умом и чувствами добреем	
Боль, печаль и... любовь.....	233
Добрый знак судьбы.....	240
История одной заповеди.....	246
«Каплер едет!..».....	253
И раскаяние, и радость.....	258
Вопрос без ответа.....	262
Бульдозером по душам.....	265
Приподними завесу времени, и сам поймёшь – она прозрачна	
«Цепочка» привела к встрече.....	278
Сквозь видимую завесу.....	285
Застыли в камне письма.....	293
«Сто мгновений войны».....	303
Его черты не растворило время.....	309
Что верно, истинно – прими и в сердце сохрани как память	
Возвращение к истокам.....	315
Бренд Ломброзо.....	327
Нет повести печальнее	336
Разворачивая свитки из пепла.....	340
Гордый свет орденов.....	343
Живая летопись воспоминаний	347
Содержание.....	357